

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1895, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1895.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографии. Москва, 10 декабря 1895 г.

Президентъ Общества *Д. Амундъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Древне-арійскіе и древне-семитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и культахъ славянъ. <i>Александра Фаминцына</i>	1
II. Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа. <i>Алек- стья Харузина</i>	49
III. Эпосъ ли—древнѣйшій родъ поэзіи? <i>Д. Матова</i> , Пе- рев. съ болгарскаго <i>Н. Грунскаго</i>	93
IV. Изъ западно-европейской этнографической литературы. II. Новые матеріалы для изученія исторіи развитія семьи. (По Heinrich'у Сипов'у). <i>Н. Харузина</i>	105
V. Смѣсь:	
Мелкія фольклористическія зашѣтки. 6. Звѣи Горынычъ и Ту- гарня Змѣевичъ. <i>Г. Потанина</i>	114
Мусульманское сказаніе о св. Георгіи по Ат-Табари. <i>М. О. Аттая</i> . Съ предисл. <i>А. Кирпичникова</i>	122
Последнее живіе румынскаго ученаго (Ag. Densusianu) о происхожденіи названія «Влахъ». <i>А. И. Цицимирскаго</i>	135
VI. Критика и библиографія:	
1. Книги, ученія и справочныя изданія.....	141—169
<p style="margin-left: 40px;">В. Ф. Миллеръ: Систематическое описаніе Дашиков- скаго Этнографическаго Музея. Вып. IV. <i>М. Сперанскаго</i>. (141).—А. Ф. Риттгизъ: Четыре лекціи по русской этно- графіи. <i>Н. Х.</i> (142).—Земля въ дѣпие, 1894, № 4 и 1895 №№ 1, 2—3. <i>Н. Х.</i> (143).—Алтайскій Сбор- никъ. Вып. I (1894). <i>Вл. Б.</i> (145). — Матеріалы по археологіи Кавказа, собраныя экспедиціями Императ. Моск. Археологическаго Общества. Вып. IV: Христіанскіе</p>	

ДРЕВНЕ - АРІЙСКІЕ И ДРЕВНЕ - СЕМИТСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ОБЫЧАЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ И КУЛЬТАХЪ СЛАВЯНЪ.

Содержаніе. Обрядные огни.—Живая вода.—Наузы. Красная нить.—Кровь, мясо и кожа жертвеннаго животнаго.—Поминальные обряды.—Переряживанія.—Первый снопь.—Последніе плоды.—Низверженіе жертвы съ высоты.—Коровій навозъ, какъ очистительное средство.—Черты культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ: храмы (общій планъ, украшенія, храмовныя богатства, храмовая утварь, пурпуровыя завѣсы и одежды); идолы; верховный жрецъ; загадочныя параллели.

Міросовершенство народовъ славянскаго племени до настоящаго времени во многихъ отношеніяхъ сохранило языческій характеръ. Христіанство заглушило въ народѣ немало языческихъ представленій, замѣнило языческія имена древнихъ боговъ именами христіанскаго Бога и святыхъ; но, не взирая на тысячелѣтнее свое господство, оно не въ силахъ было сломить глубоко коренящіяся въ народѣ языческія преданія и вѣрованія, вытѣснить древніе языческіе обряды и обычаи, продолжающіе и нынѣ жить въ народѣ, связываясь съ праздниками и обрядами христіанской церкви. Главнѣйшіе христіанскіе праздники, по большей части, лишь замѣстили собою праздники языческіе: древнія названія ихъ замѣнились новыми, но характеръ ихъ въ народномъ обиходѣ почти не измѣнился; мало того, многіе праздники сохранили въ народѣ и языческія названія, продолжающія существовать рядомъ съ новыми, христіанскими, и даже имѣющія въ народѣ преобладающее значеніе. Такъ, напр., зимній праздникъ Рождества Христова носитъ на языкѣ разныхъ славянскихъ народовъ названія: „Божичъ“, „Божикъ“, „Коляда“; канунъ Рождества наиболѣе извѣстенъ подъ именами: „Бадній день“, „Бадній вечеръ“, „Щедрый (или Богатый) вечеръ“, „Корочунъ“. Другой главнѣйшій народный праздникъ, лѣтній, день св. Іоанна Крестителя, носитъ названіе „Купало“,

мѣстами „Ярило“. Великій весенній праздникъ Воскресенія Господня во многихъ мѣстахъ называется на народномъ языкѣ „Великимъ днемъ“; вторникъ на Святой Недѣлѣ именуется „Купальницей“, понедѣльникъ Өоминой недѣли—„Радунницей“, Юрьевъ день, а мѣстами Өомиинъ понедѣльникъ—„Красной горкой“, канунъ Юрьева дня—„Ляльникомъ“, недѣля Св. Отецъ известна подъ названіемъ „Русальной“, „Клечальной“, „Зеленой недѣли“, четвергъ на этой недѣлѣ—называется „Русалкинымъ великимъ днемъ“, праздникъ, Пятидесятницы — „Русаль“, „Rusadj“, „Turice“ и т. п. Кромѣ того, народъ въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ своихъ особенно излюбленныхъ святыхъ, замѣстившихъ прежнихъ любимыхъ боговъ, и особенно почитаетъ ихъ память, вовсе не сообразуясь съ официально установленными, такъ называемыми табельными, праздниками. Къ наиболѣе популярнымъ и почитаемымъ святымъ православныхъ славянъ принадлежатъ: свв. Георгій, Николай Чудотворецъ, Іоаннъ Креститель (или ап. Петръ) и прор. Ілья; особеннымъ уваженіемъ пользуются также почитаемые парами святые: Борисъ и Глѣбъ, Флоръ и Лавръ, Козьма и Дамьянъ. Сюда же принадлежитъ и св. Пятница (Параскева), въ честь которой 12 разъ въ году празднуются такъ называемыя „временныя“ или „именныя пятницы“, предшествующія разнымъ большимъ годовымъ праздникамъ или слѣдующія за ними, кромѣ того, 9 „торговыхъ пятницъ“ въ теченіе 9 недѣль, начиная съ Пасхи; наконецъ, уваженіе къ св. Пятницѣ распространено такъ сильно, что даже всѣ 52 пятницы въ году считаются во многихъ мѣстахъ праздниками почти столь же важными, какъ воскресенье, и въ эти дни считается грѣхомъ работать, въ особенности прясть и пахать землю: „пятница не работница“, говорятъ великоруссы. По древнему языческому обычаю, субботы считаются по преимуществу днями именинненія, посвящаются воспоминанію объ усопшихъ родичахъ и чествованію ихъ: по народному опредѣленію, „въ пятницу добрые люди не пряли, въ субботу родителей поминали“. Православная церковь, очевидно, сообразуясь съ древними народными преданіями, опредѣлила помянуть усопшихъ, между прочимъ, въ субботы передъ праздниками Рождества Христова, Сочествія Св. Духа, Успенія Пресв. Богородицы; народъ же преимущественно справляетъ поминки, кромѣ кануна масленицы и дня Радунницы, въ субботы Троицкую, Покровскую и Дмитровскую.

Независимо отъ всего вышесказаннаго, нельзя не обратить вниманія на то, что народъ почитаетъ святыхъ христіанской церкви предпочтительно въ качествѣ представителей того или другого явленія, дѣйствія, занятія въ области преимущественно земледѣльческой жизни; оттого онъ придастъ имъ эпитеты, соотвѣтствующіе времени года, занятіямъ, обычаямъ и обрядамъ, связаннымъ съ даннымъ временемъ. нисколько не заботясь о согласованіи этихъ эпитетовъ съ основнымъ характеромъ тѣхъ святыхъ и житіемъ ихъ, которое, конечно, въ большинствѣ случаевъ остается ему совсѣмъ неизвѣстнымъ. Въ Великой Руси почитаются, напр.: свв. Петръ Полукормъ (16 янв.), Аванасій Ломонось (18 янв.: „на Аванасья береги нось“ отъ мороза), Тимофей Полузимникъ (22 янв.), Акинѣя Полузимница (24 янв.), Василій Капельникъ (28 февр.—начало оттепелей), Евдокія Весновка (1 марта - начало весны), Кононъ Градарь (5 марта—начинають копать огороды) и т. д. черезъ весь годъ. Очевидно, что христіанскіе святые, будучи гораздо многочисленнѣе, чѣмъ древніе языческіе боги, не только замѣстили послѣднихъ въ народномъ сознаніи, но и сами послужили къ увеличенію ряда обоготворяемыхъ представителей явленій природы, къ чрезвычайной специализаціи этихъ олицетвореній: говоря напр. о свв. Евдокіи, Николаѣ, Пантелеймонѣ, народъ имѣетъ въ виду именно Евдокію *Весновку*, Николу *Травника* или *Мокраю*, Пантелеймона *Памикона*, т. е. представителей весны, весенней зелени и влаги, лѣтнаго палящаго зноя и грозъ, сожигающихъ коны. Соотвѣтственно тому и главнѣйшіе христіанскіе праздники — Рождество, Пасха, Юрьевъ день, Ивановъ (или Петровъ) день, Троицынъ и Духовъ дни и др. въ средѣ всѣхъ славянъ, въ особенности же южныхъ и восточныхъ, сравнительно менѣе подвергавшихся вліянію цивилизаціи, и въ наше время еще сопровождаются обрядами и обычаями, не имѣющими ничего общаго съ христіанствомъ; напротивъ, всматриваясь въ эти странные и непонятные для городского „цивилизованнаго“ жителя обряды, съ непоколебимою стойкостью продолжающіе по сію пору бытовать въ простомъ деревенскомъ народѣ, мы невольно переносимся въ глубь языческой старины, передъ нами возстаетъ живая, интересная картина древняго языческаго быта славянъ.

Не только христіанскіе праздники, но даже и таинства христіанской церкви — крещеніе и въ особенности бракъ — обставлены

въ народѣ такими обычаями и обрядами, которые вполнѣ гармонируютъ съ упомянутыми выше праздничными обрядами, къ христіанскому же таинству никакого отношенія не имѣютъ. Христіанскій обрядъ того или другого таинства является только внѣшнимъ образомъ пристегнутымъ къ обрядамъ языческимъ. Извѣстно, напр., что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малой Руси до сихъ поръ бракъ считается дѣйствительно совершеннымъ только послѣ брачнаго пиршества—„весілля“—главнаго акта языческой свадьбы; церковное же торжество, не сопровождающееся „весіллямъ“, которое нерѣдко бываетъ далеко послѣ церковнаго вѣнчанія, не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій состоявшагося брака, не даетъ ни супружескихъ правъ, ни обязанностей, которыя вступаютъ въ силу лишь послѣ свадебнаго торжества. Общество не допустить, чтобы новобрачная до „весілля“ перешла въ домъ новобрачнаго, не допустить до фактическаго супружества. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ повѣнчанныхъ церковью новобрачныхъ до отправленія брачнаго пира, умершій хоронится, какъ холостой. Съ другой стороны, мѣстами встрѣчается обычай обходиться сговоромъ, безъ вѣнчанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлой Руси церковный обрядъ, хотя и считается обязательнымъ, тѣмъ не менѣе сговоръ даетъ право жениху и невѣстѣ жить между собою брачно, и они, со дня сговора или „заручинъ“, называются уже молодыми, т.-е. новобрачными.

Не менѣе древними языческими обрядами обставлены похороны и въ особенности поминки по усопшимъ, сопровождаемая жертвоприношеніями и возліяніями на могилахъ, которыя совершаются въ точно опредѣленные дни и промежутки времени, жертвенными трапезами и голошеніемъ причтаній, опять обнаруживающихъ совершенно языческой взглядъ народа на смерть и загробное состояніе усопшихъ, при чемъ христіанскіе погребальныя и поминальные обряды опять являются только внѣшнимъ образомъ связаннми съ обрядами языческими. Покойные родители и родственники представляются обыкновенно спящими непробуднымъ сномъ или горящими, проливающими „горючія слезы“ во тѣмъ могилѣ, въ узкихъ „домкахъ“; руки покойнаго крѣпко придавлены къ ретивому сердцу; „ясныя очи“ и „сахарныя уста“ его замкнуты; „бѣлое лицо“ его покрыто „ржавчиной“. Поминающіе сообщаютъ покойнымъ родителямъ, въ причтаніяхъ, о своемъ великомъ горѣ,

вѣсть о которомъ служить утѣшеніемъ переселившимся въ мрачную обитель мертвыхъ, напр.:

(Изъ великорусскаго причитанія дочери по отцѣ:)

„Скройсь-ко (т.-е. раскройся), да гробова доска,
 Распахнитесь, да бѣлы саваны!
 Отвалитесь, да ручки бѣлыя,
 Отъ ретива, да отъ сердечушка,
 Разожмитесь, да уста сахарныя!
 Обернись-ко-ся, да мой родимый батюшка,
 Перелетнымъ ты, да яснымъ соколомъ...
 Ты обмой-ко, родимый мой батюшко,
 Со бѣлова лица ржавщину...
 Ты послушай-ко, родимый батюшко,
 Горе-горькихъ нашихъ пѣсенекъ!“

(Изъ великорусскаго же причитанія по родителямъ и родственникамъ:)

„Родненькіе наши батюшки! не досаждайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежайте очей горючей слезой! Али вамъ, родненькимъ, встосковалося по отцу съ матерей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстушкамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горемычемъ на семь бѣломъ свѣтѣ... Ужъ вы, наши родненькіе, взгляньте-ка на насъ, сиротъ, изъ своихъ домковъ, да потѣшите словомъ ласковымъ...“

Что можно найти общаго между содержаніемъ приведенныхъ народныхъ причитаній и христіанскимъ воззрѣніемъ на загробную жизнь?

Итакъ, во всѣхъ сферахъ народной жизни, несомнѣнно, обнаруживается значительное преобладаніе или даже господство чисто-языческаго міросозерцанія. Мало того, главнѣйшія черты этого міросозерцанія съ удивительною послѣдовательностью проявляются и повторяются въ пѣсняхъ, поговоркахъ, заговорахъ, преданіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ разныхъ славянскихъ народовъ, представляющихъ тѣсное фамиліальное родство. Понятно, что корень общихъ славянскихъ народамъ языческихъ вѣрованій, преданій, обрядовъ слѣдуетъ искать въ далекой обще-славянской старинѣ. Извѣстно, какъ крѣпко простой народъ держится исконныхъ, свойственныхъ ему,

освященныхъ стариною, унаслѣдованныхъ имъ отъ предковъ религіозныхъ понятій в обрядовъ и какъ скептически и враждебно, именно въ этой области, относится ко всему новому, непривычному, тѣмъ болѣе—иноземному, если ово способно нарушить издревле установленный, точно опредѣленный строй его домашней и общественной, обрядной и религіозной жизни. Не болѣе склоненъ бываетъ овъ къ принятію въ свои обрядныя пѣсни какихъ-либо новыхъ, чуждыхъ ему элементовъ. Если, слѣдовательно, существуетъ въ народѣ повсемѣстно какой-нибудь обрядъ, выраженный въ точно опредѣленной формѣ, связанный съ известнымъ днемъ или временемъ года, или съ известнымъ обстоятельствомъ или дѣйствіемъ въ кругу семейной или общественной его жизни, то такой обрядъ, безъ сомнѣнія, можетъ считаться древнимъ; если тотъ же обрядъ встрѣчается у разныхъ народовъ, между которыми не было настолько близкихъ, тѣсныхъ сношеній, чтобы можно было предположить возможность сильнаго между ними взаимодействія, то такая общность даннаго обряда говоритъ въ пользу еще гораздо большей его древности.

Измѣненія внѣшнихъ, преимущественно климатическихъ условій, при которыхъ слагалась жизнь языческихъ славянъ, по мѣрѣ ихъ переселеній и расселеній (независимо отъ принятія ими въ позднѣйшія времена христіанства), неминуемо должны были отразиться и на ихъ религіи. Переходя изъ знойнаго юга на холодный сѣверъ, народъ невольно становился въ другія отношенія къ окружающей его природѣ: ясное, лазуревое южное небо, днемъ озаренное лучами благодѣтельнаго, но въ то же время грознаго, палящаго, всепожигающаго солнца, а ночью блещущее яркими огнями звѣздъ, на сѣверѣ замѣнилось блѣднымъ, большую часть года заволоченнымъ сѣрыми тучами небеснымъ сводомъ; сѣверный житель съ жадностью ловить каждый лучъ солнца, согревающаго холодную почву, большую часть года скованную морозомъ, покрытую льдомъ и снѣгами. Въ сѣверныхъ широтахъ солнце естественно утратило всю свою грозную природу, получивъ на народномъ языкѣ названіе „матушки краснаго солнца“; звѣзды которыя играли столь важную роль въ религіяхъ южныхъ народовъ, преимущественно семитскаго племени, у славянъ—тѣмъ болѣе восточныхъ—почти вовсе потеряли свое мифологическое значеніе; солнце сосредоточило на себѣ преимущественное вниманіе народа,

на солнце перенесены многія черты и свойства, въ древнія времена приписывавшіяся другимъ небеснымъ свѣтиламъ. Грозный, губительный для человѣка и всей живой природы южный зной, приносящій засуху и заразу, на сѣверѣ замѣнился холодною сыростью, лютыми вьюгами и морозами. На югѣ человѣкъ проводитъ большую часть своей жизни подъ открытымъ небомъ, невольно созерцаая явленія окружающей его природы, на сѣверѣ же — онъ ютится въ теплой избѣ, защищающей его отъ ненастья, дождей и мятелей: вмѣсто яркаго звѣзднаго неба, онъ созерцаетъ пламя очага, которое любитъ и почитаетъ, какъ святыню.

Кромѣ климатическихъ условій, на строй религіознаго міровоззрѣнія человѣка вліяютъ и обстоятельства политическаго характера: смѣшеніе или даже сліяніе съ другими народами, покоряемыми даннымъ народомъ или покоряющими его, болѣе или менѣе оживленныя торговыя и иныя сношенія или столкновенія съ другими народами, успѣхи въ цивилизаціи и, наконецъ, нерѣдко встрѣчающееся въ исторіи народовъ непосредственное воспріятіе имъ новаго вѣроученія отъ болѣе сильныхъ, болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Всѣмъ поименованнымъ вліяніямъ неоднократно подвергались и народы славянскаго племени. Чѣмъ разнообразнѣе и сильнѣе были эти вліянія, тѣмъ болѣшія видоизмѣненія должно было съ теченіемъ вѣковъ претерпѣть и основное, древнее религіозное міровоззрѣніе славянскихъ народовъ. Въ настоящее время отъ прежней религіи сохранилось въ народѣ только нѣсколько малопонятныхъ ему именъ божествъ, которыя продолжаютъ удерживаться въ его памяти лишь въ силу того, что они входятъ въ составъ обрядныхъ пѣсенъ, обрядныхъ изреченій и пр. Послѣднія же, въ свою очередь, неразрывно связаны съ народными обычаями и обрядами, которые, хотя и являются обыкновенно утратившими въ народномъ сознаніи свое первоначальное значеніе, тѣмъ не менѣе обладаютъ чрезвычайно живучестью. Обрядъ обыкновенно и долженъ служить критеріемъ при объясненіи смысла сопровождающихъ его изреченій и пѣсенъ. Языческихъ обрядовъ сохранилось въ народѣ еще очень много, и они даютъ намъ способы къ проникновенію въ тайны древнѣйшихъ вѣрованій, давно утраченныхъ и забытыхъ, къ возведенію скудныхъ остатковъ древнихъ религіозныхъ представленій, о которыхъ, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ многія народныя пѣсни и изреченія,

заговоры, поговорки и пр., къ первоначальному ихъ источнику, къ возстановленію ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Языческія преданія и вѣрованія или суевѣрія славянъ, и нынѣ еще превосполюющія ихъ жизнь, какъ увидимъ ниже, находятся въ тѣсной связи съ вѣрованіями и преданіями древнихъ народовъ и при томъ не только арійскаго племени, на что неоднократно было уже указываемо изслѣдователями, но и семитскаго, на что еще мало было обращено вниманія. Нити, связующія данныя преданія, вѣрованія и сопряженные съ ними обряды во многихъ случаяхъ могутъ быть прослѣжены въ глубокую даль минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій, а потому возникновеніе ихъ должно быть отнесено къ этой далекой старинѣ или даже ко временамъ еще болѣе древнимъ. Многія черты языческо-религіознаго міровоззрѣнія и обрядовъ славянъ естественно и вразумительно объясняются древними памятниками восточныхъ народовъ, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы всѣ онѣ непременно были заимствованы изъ тѣхъ именно народовъ, въ сохранившихся болѣе или менѣе случайно памятникахъ которыхъ онѣ находятъ себѣ разъясненіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ повторяющіяся въ древности и въ новѣйшее время черты народной жизни, обычасвъ, повѣрій могутъ быть возводимы къ одному, общему, древнѣйшему источнику—многочисленной практикѣ первобытной жизни человѣчества: въ эту доисторическую эпоху должны были сложиться въ азіатской колыбели народовъ арійской и семитской семей основныя элементы такъ называемой житейской мудрости этихъ народовъ, порождавшей извѣстныя религіозныя представленія и вѣрованія, извѣстные жизненные правила, обычай и обряды, основной смыслъ которыхъ нынѣ, при значительно измѣнившихся условіяхъ жизни и взглядахъ народовъ, нерѣдко оказывается уже утраченнымъ изъ народнаго сознанія, но онъ не утратился для человѣчества, такъ какъ успѣлъ фиксироваться въ твореніяхъ писателей минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій. Въ другихъ случаяхъ возможны непосредственныя или посредственныя заимствованія однимъ народомъ отъ другого. Къ этой послѣдней категоріи должны быть отнесены, напр., рѣзко выдающіяся черты религіознаго быта и культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ, обнаруживающія сильныя, въ данныхъ случаяхъ прочимъ славянамъ несвойственныя, вліянія семитскія и малозавійскія.

1. ОБРЯДНЫЕ ОГНИ.

Во многихъ мѣстахъ Малой и Бѣлой (отчасти и Великой) Руси существуетъ обычай на праздникъ Ивана Купала, т.-е. въ пору *высшаго солнцестоянія*, зажигать на горахъ и поляхъ *костры*. Обычай этотъ искони распространенъ не только среди и другихъ славянскихъ народовъ, но и вообще во всей западной Европѣ. Независимо отъ этого, почти повсемѣстно въ Европѣ до настоящаго времени удержалось обыкновеніе встрѣчать праздникъ Рождества Христова, отправляемый на противоположномъ полюсѣ годового круга, т.-е. въ пору *низшаго солнцестоянія*, возжиганіемъ *огней*. У южныхъ славянъ наканунѣ Рождества *сожигается* громадное *бревно*, носящее названіе „баднякъ“. Въ Галицкой и Малой Руси наблюдаютъ, чтобы во всю ночь на Рождество горѣлъ въ хатахъ *огонь*, мѣсто же южно-славянскаго бадняка заступила *солома*, которую *жгутъ* мѣстами на второй день праздника, мѣстами въ Новый годъ. Воспоминаніе о возжигавшихся встарину на праздникъ Рождества (на „Коляду“) кострахъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мало-и галицко-русскихъ рождественскихъ пѣсняхъ („колядкахъ“), гдѣ, напр., упоминается „чудо-чудное, *возмемъ* странное“, или изображается собраніе святыхъ кругомъ пылающихъ костровъ: „коло тыхъ *огневъ* усе святые“, наконецъ, говорится о пляскѣ кругомъ костра:

„Тамъ же горить терновый *отникъ*,
Коль *отня* ходитъ широкій танецъ“.

Въ Великой Руси, напр., въ Саратовской губ., *сожигаютъ* наканунѣ Нового года за улицъ огромный ометъ *соломы*, называемый „Костромой“; въ Курской губ. наканунѣ Рождества и Крещенія *жгутъ* *навозъ* на дворѣ. И въ великорусскихъ святочныхъ пѣсняхъ сохранилось воспоминаніе о возжиганіи рождественскихъ костровъ, напр., по словамъ такой пѣсни, въ лѣсахъ дремучихъ „*огни юрятъ* великіе“; другая колядка, записанная въ Саратовской губ., начинается словами: „за рѣкой *огонь юритъ*“. Въ западной Европѣ преимущественно сохранился обычай *сожигать* на Рождество, какъ у южныхъ славянъ, *бревно*, носящее въ разныхъ мѣстахъ разные названія, напр., во Франціи — *souche de Noël, calendeau* и т. п., въ Германіи — *Weihnachstblock*, въ Англіи — *Yule-clog*, въ Швеціи — *Iula-brasa*; въ сѣверной Италіи данный обычай называется: „*arder il cerro*“ (жечь бревно). Словомъ, почти повсемѣстно въ Европѣ, въ обря-

ными, и *сіяніе отъ огня и молнія исходили отъ огня*“. Самъ Іегова является какъ бы олицетвореніемъ *небеснаго огня*: „Господь Богъ твой есть *огонь поядающій*“; „познайте могущество мое“, говоритъ Господь... „кто изъ васъ можетъ жить при *огнѣ пожирающемъ*, кто изъ васъ можетъ жить при *вѣчномъ пламени*?“ Давидъ такъ изображаетъ картину гнѣва Господня: „поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его *огонь поядающій*“. Объ огонь, исходящемъ отъ Господа, приносящемъ смерть и разрушеніе, часто упоминается въ книгахъ ветхаго завѣта; Іегова — по-истинѣ *огненный Богъ*, являющійся въ разныхъ видовыхъ формахъ у разныхъ семитскихъ народовъ. Ассирійскій богъ огня *Адаръ* (величаемый иногда и эпитетомъ *Маликъ-Молохъ*) такъ характеризуется на древнихъ надписяхъ: „богъ, *освѣщающій народы и солнце*“, „*свѣтъ боювъ*“, „страшный владыка храбрыхъ, царь силы, разоритель враговъ, покоритель непослушныхъ, истребитель мятежниковъ, царь жельза“, словомъ, какъ представитель войны, символомъ которой въ древности неоднократно служилъ огонь. У народовъ Ханаанскихъ, въ Сиріи и Финикіи, грозный представитель огня носилъ названіе *Молохъ* (Малахъ, Молахъ). Культъ его характеризовался приношеніемъ ему въ жертву людей (взрослыхъ и младенцевъ), *предавшихся пламени*. Обычай *сожиганія людей* въ честь Ваала-Молоха перенесенъ былъ финикіянами и въ Карфагенъ, а оттуда — въ Сардинію, главнѣйшую Карфагенскую провинцію. Жертвоприношенія эти частью повторялись періодически, частью обусловливались особыми обстоятельствами общественной и частной жизни и имѣли, соотвѣтственно тому, характеръ то умиловительный (когда постигали народъ бѣдствія: война, засуха, чума), то обѣтныи или благодарственный. Въ древнемъ Египтѣ былъ сходный обычай сожигать живыхъ людей въ честь бога засухи и огня, *Сета*, или *Сутеха* (*Тифона* греческихъ писателей). Это имѣло мѣсто во время каникулъ, т.-е. въ пору сильнѣйшаго зноя. Въ Галліи, въ культѣ Друидовъ, по словамъ греческихъ и римскихъ авторовъ, также существовали жестокіе жертвенные обычаи, обнаруживающіе вліяніе семитскаго культа Молоха; сооружались изъ прутьевъ колоссальныя человѣческія фигуры, пустыя внутри; онѣ наполнялись *живыми людьми*, иногда *людьми и животными*, и сожигались.

Нельзя не видѣть остатковъ этого древняго семитско-галльскаго обычая въ нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядахъ, сопровождающихъ

возжиганіе ивановскихъ костровъ. Во Франціи встарину *сжигались на ивановскомъ костръ живыя кошки или лисицы*, заключенныя въ корзинкѣ или въ мѣшкѣ. Въ Пиринейхъ еще недавно существовалъ, а можетъ быть, еще и нынѣ существуетъ обычай *сжигать на ивановскомъ огнѣ живыя змѣи*. Раздвѣрающіе крики и отчаянныя искривленія тѣла сгорающихъ живыхъ животныхъ привѣтствовались толпой громкимъ ликованиемъ и бѣшенными плясками кругомъ огня, напоминающими неистовыя пляски и бѣснованіе ханаянскихъ народовъ кругомъ жертвенника Ваала-Молоха. Дальнѣйшее ослабленіе древняго семитскаго обычая представляетъ *сжиганіе на ивановскомъ костръ костей мертвыхъ животныхъ* (во Франціи) или *лошадиной головы* (въ Германіи). Въ одной галицко-русской купальской пѣснѣ сохранилось воспоминаніе о *сжиганіи* („испеченіе“) *на ивановскомъ костръ* („сobotкѣ“) *слѣпой кошки*:

„Долишьяне! горишняне!
Сходьтеса до насъ на sobotку,
Спечемъ вамъ слѣпу котку“.

Въ Ижорѣ (въ окрестностяхъ Петербурга) еще въ прошедшемъ столѣтїи наканунѣ Иванова дня при пляскахъ *сжигали на костръ бѣлаго пѣтуха*. Эсты бросаютъ въ огонь ивановскаго костра разные предметы (камни, куски дерева, прутья и т. п.), въ качествѣ *жертвенныхъ даровъ огню*, произнося при этомъ: „мнѣ лень, огню—сорныя травы“.

Въ то время какъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, относящихся преимущественно до западной Европы, костры, возжигаемые въ пору высшаго солнцестоянія, являются *жертвенными* огнями, на которыхъ богу небснаго огня приносятся въ даръ живые и не живые предметы, они у славянъ болѣе или менѣе утрачиваютъ жертвенный характеръ, а пріобрѣтаютъ предпочтительно *символическое* значеніе, служа какъ-бы *эмблемой небснаго огня*, уничтожающаго и пожигающаго распцвѣтшую весною природу: у славянъ на ивановскомъ кострѣ сжигается молодое дерево („маикѣ“) или соломенная кукла („Марена“, „Купало“ и т. п.), или цвѣты и вѣнки, служащіе символами божества весенняго плодородія (ср. мой очеркъ: „Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ“. Вѣстникъ Европы 1895 г. іюнь и іюль). Самый огонь ивановскихъ костровъ во многихъ мѣстахъ носить въ

народъ характеристическія названія: «живой огонь», «царь огонь» (Новгородск. губ.), «божій огонь», «небесный огонь» — «Himmels Feuer» (въ Швабіи), и даже «средо-лѣтній Вааль» — «Midsommersbaal» (въ Даніи).

Я упоминалъ уже выше о томъ, что древніе народы какъ арійскаго, такъ и славянскаго племени приписывали огню вообще *очистительную силу*. На томъ же представленіи основаны разныя обрядныя дѣйствія, которыми сопровождается возжиганіе обрядныхъ костровъ: такъ повсемѣстно у славянъ распространены обычаи *проводить скотъ черезъ пламя костровъ* (не только ивановскихъ, но и масленичныхъ, пасхальныхъ) и *скакать черезъ ивановскіе костры*, съ цѣлью обезпеченія себя отъ погубныхъ вліяній злой, нечистой силы, словомъ—для очищенія отъ недуговъ настоящихъ и будущихъ. Тотъ же обычай соблюдается и у многихъ европейскихъ народовъ, съ тою же цѣлью очищенія. Во Франціи не только *скачутъ черезъ огонь* взрослые, но *переносятъ* черезъ него и дѣти. Въ Шотландіи молодые люди *скачутъ черезъ огонь*, въ то время какъ пожилые бормочатъ молитву; дѣвушки *переходятъ черезъ пламя костровъ* въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины—чтобы роды были легки. И шотландцы *переносили черезъ огонь* дѣтей. Въ Греціи женщины, *прыгая черезъ ивановскіе костры*, восклицаютъ: «избавляюсь (т. е. очищаюсь) отъ грѣховъ». Обычай во время скотскаго падежа *зажигать огонь* посреди скотнаго загона и *проводить черезъ него скотъ*, съ цѣлью предохраненія его отъ заразы, былъ извѣстенъ уже въ древней Индіи. Провожденіе же дѣтей черезъ огонь было обычаемъ весьма распространеннымъ у народовъ семитскихъ, о чемъ неоднократно свидѣтельствуютъ книги ветхаго заветъа, напр.: «не долженъ находить-ся у тебя *проводящій сына своего или дочь свою черезъ огонь*». Сыны израилевы, впадая въ идолопоклонство, поклонялись Ваалу и «*проводили сыновей своихъ и дочерей своихъ черезъ огонь*». Обрядъ этотъ, по свидѣтельству другихъ мѣстъ, совершался въ честь Ваала-Молоха, при чемъ остался еще неразъясненнымъ, было ли цѣлью этого обряда очищеніе проводимыхъ черезъ огонь, или символическое выраженіе ихъ сожиганія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактически приводилось въ исполненіе.

Сопоставляя все вышеизложенное, приходимъ къ заключенію, что огонь ивановскихъ костровъ, возжигаемый въ пору высшаго

солнцестоянія, прежде всего представляет символъ небеснаго огня, источника лѣтняго зноя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (преимущественно въ западной Европѣ), какъ уже было замѣчено мною раньше, огню этому приносятся жертвы, въ другихъ (преимущественно среди славянъ) онъ, какъ эмблема небеснаго огня, пожираетъ символы божества весенняго плодородія. Повсемѣстно огню этому приписывается очистительная сила, предохраняющая отъ недуговъ, обезпечивающая здоровье, плодородіе и благополучіе.

Эта послѣдняя, именно *очистительная* и въ то же время *возрождающая, живительная сила* огня преимущественно находятъ себѣ выраженіе въ обрядныхъ *огняхъ—рождественскомъ* или *новогоднемъ* и родственныхъ ему *весеннихъ*. Южно-славянская рождественская пѣсня воспѣваетъ стараго бадняка и молодого божича. Старый «баднякъ»—дубовое бревно, сгорающее наканунѣ Рождества—*возрождается* въ образъ молодого божича, представителя даннаго праздника. «Кострома», у которой, по словамъ сопровождающей сожигавіе ея пѣсни, «головушка болитъ», словомъ, больная въ зимнюю пору богиня, сгорая на рождественскихъ святкахъ, очевидно, *возрождается* посредствомъ огня и является позже представительницей весенняго плодородія, въ пору зноя опять погибающей и оплакиваемой (ср. «Богиня весны и смерти»). Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и весьма распространенный въ разныхъ мѣстахъ Европы обрядъ сожиганія (или потопленія) въ весеннюю пору пуковъ соломы, чучель (Марены, Смерти) и т. п., заключающійся встрѣчей и привѣтствованіемъ возродившейся весны (ср. тамъ-же). Обряды *возжиганія костровъ*, какъ выраженіе *самосожженія*, съ цѣлью *возрожденія*, героевъ и героинь древнихъ мифовъ, мы находимъ у народовъ семитскихъ: такъ, въ Тарсѣ (въ Килікии) черезъ каждыя пять лѣтъ праздновалось торжество въ честь Сандана, при чемъ *сожигалось на костръ его изображение*. Санданъ, киликійскій Гераклъ, по выраженію Вебера, «посредствомъ *самосожженія* побѣждаетъ враждебныя ему силы и *возрождается* къ новой жизни очищеннымъ и юнымъ; подобно ему и Сарданапалъ, по вѣрованію семитскихъ народовъ, *изъ пламени пожравшаго его костра* выходитъ *героємъ, полубоюмъ*». Отправлявшійся финикіянами въ Тиръ ежегодно праздникъ въ честь пробуждающагося отъ зимняго сна солнечнаго героя Геракла-Мел-

карта, вѣроятно, также сопровождался возженіемъ костровъ,—на это указываетъ древнее свидѣтельство о гробницѣ Геракла въ Тирѣ, гдѣ онъ былъ «*сожженъ огнемъ*». Память о сожженіи Геракла-Мелкарта праздновалась и финикійской колоніей въ Гадирѣ (Кадиксъ). По греческому сказанію, Гераклъ, погибающій отъ отравы, въ предсмертныхъ мукахъ вступаетъ на воздвигнутый для него *костеръ*. Костеръ *разрывается*, и богоподобный витязь, при раскатахъ грома и сверканіи молвіи, на облакѣ, очистившись отъ недуга, возроденный *возносится на небо*. И въ мѣахъ о Семирамидѣ, Дидонѣ (карфагенской Астарѣ) и другихъ богиняхъ того же цикла, также важную роль играетъ актъ *самосожженія героини* мѣа. Извѣстно то высокое значеніе, которое у нѣкоторыхъ народовъ передней Азіи имѣли связанные съ особыми символическими обрядами, церемоніями и переряживаніями праздники костровъ и факеловъ, отправлявшіеся въ честь и воспомяніе *очищенія и обновленія огнемъ* того или другого божества. Эти праздники костровъ даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію основного значенія и нашихъ обрядныхъ костровъ новогоднихъ и весеннихъ, также символически выражающихъ *возрожденіе посредствомъ огня* одряхлѣвшаго въ пору кратчайшихъ дней солнца, или замершей, застывшей отъ зимней стужи природы, точнѣе—божественной представительницы ея, весною обновляющейся и оживающей.

2. Живая вода.

Отъ акта оживленія или очищенія огнемъ перехожу къ не менѣе распространенному въ древнихъ религіяхъ обряду омовенія, купанія, погруженія въ воду или *оживленія водой*. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ я обратилъ вниманіе на то, что солнце и двойникъ его огонь представляютъ по преимуществу предметъ культа мужского, а вода—женскаго населенія: мужчины въ обрядныхъ дѣйствіяхъ болѣе группируются около огня, женщины—около воды. Къ славянскимъ обрядамъ, въ которыхъ главную роль играютъ женщины, принадлежатъ между прочимъ совершаемые раннею весною проводы смерти и встрѣча весны (лѣта). Отдѣльные моменты этого торжества, до сихъ поръ отправляемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Че-

¹⁾ „Божества древнихъ славянъ“. I. 300, 301.

хін, Моравіи, Польши ¹⁾, заключаются: 1) въ шествіи съ чучеломъ, изображающимъ смерть (смертоносную богиню), изъ селенія къ водѣ; 2) въ срываніи съ него облекающей его одежды (если чучело не одѣто, то его самого разрываютъ на части); 3) въ *погруженіи чучела въ воду* (потопленіи, иногда замѣщаемомъ сожиганіемъ, см. выше), послѣ чего 4) срубаютъ дерево, изображающее воскресшее лѣто, одѣваютъ его въ платье, въ которое передъ тѣмъ одѣто было чучело (=метаморфозъ «Смерти» въ «Лѣто»), украшаютъ пестрыми лентами и блестками и съ пѣснями и ликованіемъ вносятъ въ селеніе. Главный актъ обряда состоитъ въ *погруженіи* (вверженіи) *изображенія Смерти въ воду*, вслѣдствіе чего *Смерть превращается въ «Лѣто»* т.-е. въ богиню весны (лѣта), символомъ которой служатъ разукрашенное дерево. Погруженіе изображенія божества въ воду, омовеніе его или обновленіе силъ его водою, составляло и главнѣйшую часть обрядныхъ дѣйствій, ежегодно совершавшихся въ честь матери-земли Nerthus въ древней Германіи, Великой матери Идейской въ Римѣ, богини Сирійской въ Герополісѣ и др. Драгоценный древне-ассирійскій клинописный памятникъ повѣствуетъ о нисхожденіи богини Истары (Астарты) въ подземное царство, какъ бы смерть ея, и затѣмъ оживленіе или воскресеніе ея посредствомъ излитія на нее живой воды: богиня нисходитъ въ мрачную обитель бога Иркалла, къ дому, не имѣющему выхода, по пути, по которому уже нѣтъ возврата. Мракъ царствуетъ въ этой области, пыль покрываетъ ворота, въ которыя она стучится. Стражъ отпираетъ ворота и, когда она проходитъ черезъ нихъ, снимаетъ съ головы ея тиару, у вторыхъ воротъ онъ вынимаетъ изъ ушей ея серьги, у третьихъ воротъ онъ снимаетъ ожерелье съ ея шеи, у четвертыхъ—одежду съ ея груди, у пятыхъ—поясъ съ ея платья, у шестыхъ—запястья съ ея рукъ и ногъ, у седьмыхъ—одежду съ ея плечъ: «Такъ поступаетъ Нинкигала (богиня преисподней)—говоритъ онъ—съ тѣми, кто приходитъ къ ней». Всѣ члены богини Истары: глаза, руки, ноги, сердце, голова поражаются болѣзнию. Но міръ не можетъ жить безъ Истары, подательницы плодородія. Богъ Іа посылаетъ вѣстника къ Нинкигалѣ съ приказаніемъ отпустить Истару. Нинкигала велитъ *оросить Истару живой водой*, она исцѣляется отъ недуговъ, воз-

1) Подробности см. въ статьѣ: „Богиня весны и смерти“.

вращается къ жизни и отправляется въ обратный путь на землю; у каждаго изъ семи воротъ ей возвращаются снятыя съ нея одѣянія и украшенія. «Живая вода», какъ средство для очищенія, упоминается и въ Ветхомъ завѣтѣ, также въ откровеніи Іоанна. «Живая вода» творитъ чудеса и въ русскихъ былинахъ. На народномъ языкѣ нынѣ «живой водой» называется дождевая, т.-е. небесная влага.

3. НАУЗЫ. КРАСНАЯ НИТЬ.

Въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ у всѣхъ славянъ играютъ значительную роль *наузы*, *узлы*, *навязки-амулеты*, замѣчаютъ Аонасьевъ и приводитъ многочисленныя старинныя свидѣтельства христіанскихъ писателей славянскихъ, порицавшихъ ношеніе и навязываніе „бѣсовскихъ“ узловъ и наузъ. Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею. Большею частью это были травы, коренья и иныя снадобья, которымъ суевѣріе приписывало *цѣлебную силу*. Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ *ладона* (который получилъ особенно важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усилилось, что всѣ привязки стали называться *ладонками*, даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародѣ: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣваютъ ихъ на шею, въ предохраненіе отъ бѣдъ и порчи. Волшебныя привѣски, чародѣйныя мѣшочки издревле извѣстны были въ числѣ суевѣрій, заимствованныхъ евреями отъ филистимлянъ и противъ которыхъ возстаютъ пророки и учителя Израиля: „въ тотъ день отниметъ Господь красивыя цѣпочки на ногахъ, и звѣздочки, и луночки... и привѣски волшебныя“, восклицаетъ прор. Исаія. „Горе шивающимъ чародѣйныя мѣшочки подъ мышки“, восклицаетъ прор. Іезекиль. Такія привѣски (талисманы) весьма распространены были въ древности у халдеевъ и ассиріянъ. Онѣ были разныхъ родовъ: то представляли кусочки матерій, заключавшіе въ себѣ тексты заклинательныхъ формулъ и привѣшивавшіеся къ предметамъ домашней утвари или къ платью, то приготовлялись изъ другихъ матеріаловъ и носились на шеѣ, какъ предохранительное средство противъ демоновъ, болѣзней, бѣдствій. Въ музеяхъ древностей встрѣчаются многочисленныя ассирійско-вави-

лонсіи каменные привѣски, на которыхъ вырѣзаны изображенія боговъ и геніевъ, а равно и заклинательныя формулы, въ которыхъ рѣчь идетъ объ изгнаніи злыхъ демоновъ, чумы и т. п. и призываются благія божества и добрые демоны на пользу и благо человѣку. Славились въ древности и такъ называемыя „эфесскія письма“, т.-е. заклинательныя слова или формулы, которыя въ видѣ привѣсокъ носились жителями Эфеса, съ цѣлю предохраненія себя отъ дурныхъ вліяній; онѣ же, по народному вѣрованію, способны были изгонять демоновъ изъ людей. Подобныя же привѣски извѣстны были и въ Милетѣ. Заключавшіяся въ нихъ „милетскія письма“ представляли смѣсь словъ греческихъ и фригійскихъ.

Особенное значеніе придается у всѣхъ славянъ *красной нити*, *красной шерсти* или *ленточкѣ*: въ Болгаріи, около Татаръ - Базарджика, къ числу обрядовъ, совершаемыхъ беременными женщинами 8 января (въ такъ называемый „Бабинъ день“), принадлежитъ принятіе отъ бабки *нити красной шерсти*, которая, вмѣстѣ съ другими предметами, должна способствовать скорѣйшему разрѣшенію отъ бремени. У мазуровъ *красная ленточка*, надѣтая на шею новорожденнаго младенца, служитъ къ огражденію его отъ вреднаго вліянія чужого глаза. У чеховъ также *красная повязка* оберегаетъ ребенка отъ заколдованія или порчи. Въ Россіи *девять нитокъ красной шерсти*, навязанныя на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скарлатины; отъ лихорадки носятъ на рукахъ и на ногахъ *повязки* изъ *красной шерсти* или *тесемы*; если „разовьется“, т.-е. заболитъ связка ручной кисти, то ее обвязываютъ *красною пряжею*. Суевѣрія эти опять гнѣздятся въ древнѣйшихъ преданіяхъ. Законъ Моисея, столь энергически порицавшій всякія чародѣянія, волхвованія и волшебство сосѣднихъ съ евреями народовъ, очевидно, вслѣдствіе слишкомъ глубоко вкоренившейся въ сознаніе народа древней традиціи о чудодѣйственныхъ свойствахъ красной нити, не только не гнушается употребленія ея въ дѣло, какъ магическаго средства противъ нечистоты или оскверненія (родственнаго болѣзни, дурному глазу и пр., такъ какъ испѣленіе отъ недуга, глаза и пр. есть очищеніе), но даже предписываетъ прибѣгать, между прочимъ, къ этому средству при очищеніи дома: „и возьметъ кедровое дерево, и вссопъ, и *червленую нить*, и живую птицу, и омочитъ ихъ въ крови птицы заколотой и въ живой водѣ, и покропитъ домъ семь разъ. И *очиститъ* домъ кровію птицы и

живою водою, и живою птицею, и кедровымъ деревомъ, и иссопомъ, и *червеною нитью*“. Евреи, можетъ быть, заимствовали вѣрованіе въ чудесную силу красной нити изъ Египта. Египетскіе жрецы-книжники, по свидѣтельству Діодора, носили на головѣ перо коршуна и *пурпуровую нить*. У римлянъ жена юпитерова жреца, бывшая въ то же время и жрицей Юноны, обязательно, по *древнему обычаю*, украшала голову свою особой пирамидальной прической, черезъ которую пропускалась *шерстяная лента пурпуроваго цвѣта*. Гриммъ указалъ на датскія народныя иѣсни, въ которыхъ герон, для „закрѣпленія себя“, т.-е. для огражденія своего шлема и своей жизни, перевязываютъ шлемъ *красной шелковинкой*.

4. КРОВЬ, МЯСО И КОЖА ЖЕРТВЕННОГО ЖИВОТНОГО.

Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, при разсмотрѣніи жертвенныхъ обрядовъ древнихъ славянъ, я указалъ на важное значеніе, которое приписывалось славянами-язычниками жертвенной крови. Болгары и нынѣ еще, когда колютъ барановъ въ Юрьевъ день, собираютъ истекающую изъ жертвеннаго животнаго *кровь* въ чашу и употребляютъ ее, какъ *цѣлительное* средство. Жрецы балтійскихъ славянъ *пили жертвенную кровь*, которая пробуждала въ нихъ даръ *прорицанія*. На *вкусеніе* у русскихъ *жертвенной крови* намекаетъ митрополитъ Илларионъ; *кровью* убитой на Рождество свиньи до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи *брызгаютъ въ огонь*, и ей приписывается способность *изгонять нечистую силу* изъ хлѣва. Такое же благотворное дѣйствіе приписывается и нынѣ еще *крови* пѣтуха, закалываемаго латышами въ Усиньевъ день, изливаемой на овесъ или на косякъ двери въ конюшнѣ. Съ такою же цѣлью чехи въ страстной четвергъ (мѣстами въ страстную пятницу или субботу) зарѣзываютъ двухъ молодыхъ голубей и *кровь* ихъ *изливаютъ* на приготовленные для прочихъ голубей пшеничныя зерна. Голуби, поѣвшіе этихъ зеренъ, тѣмъ *предохраняются* отъ всякихъ *невзгодъ*. У литовскихъ народовъ жрецъ (вуршкайтъ) возлагалъ руку на обреченное на закланіе жертвенное животное и, заколовъ его, собранную въ чашу *кровь распыскивалъ* или *окроплялъ* ею присутствовавшихъ; остатокъ же крови послѣдніе дѣлили между собой, и каждый *окроплялъ* ею у себя дома свою скотину.

1) Бож. др. слав I, 43 и сл.

Сравнимъ опять описанные обряды со сходными обрядами нѣкоторыхъ древнихъ народовъ. У римлянъ въ позднѣйшія времена существовалъ заимствованный изъ Фригіи обычай *очищенія отъ грѣховъ* посредствомъ *крови* жертвеннаго животнаго (Taurobolia). По словамъ церковнаго писателя Пруденція, посвящаемый садился въ яму, которую покрывали пробуравленными, на подобіе рѣшета, досками. На этихъ доскахъ закалывалось жертвенное животное: кровь струей лилась изъ раны черезъ отверстія въ яму и орошала и обаграла находившагося въ ямѣ; вѣрующій ловилъ ее устами, обмывалъ себѣ ею лицо, пропитанныя же кровью платья тщательно берегались. Этому кровавому крещенію приписывалась очистительная сила „возрожденія“, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя древнія надписи. Перехожу къ обрядамъ кроваваго жертвоприношенія, предписаннымъ Моисеемъ: прежде чѣмъ рѣзать животное, жертвователь возлагалъ на него свою руку (какъ литовскій вуршкайтъ, см. выше). Возложеніе одной или обѣихъ рукъ на голову жертвеннаго животнаго имѣло значеніе перенесенія на послѣднее грѣховъ, во искупленіе которыхъ совершалось жертвоприношеніе: „возложить руку свою на голову жертвы за грѣхъ и заколетъ ее за грѣхъ“, предписывалъ Господь Моисею, или въ другомъ мѣстѣ: „возложить Ааронъ обѣ руки свои на голову живого козла и исповѣдаетъ надъ нимъ всѣ беззаконія сыновъ израилевыхъ, и всѣ преступленія ихъ, всѣ грѣхи ихъ, и возложить ихъ на голову козла... и понесетъ козель на себѣ всѣ беззаконія ихъ“. По закланіи козла, собиралась въ чашу истекавшая изъ раны *кровь*; право собирать кровь принадлежало одному священнику. Обходя кругомъ алтаря съ упомянутою чашею въ рукахъ, онъ *окроплялъ кровью* или *обмазывалъ* ею рога, ножки, углы и стѣнки алтаря, а остальную выливалъ на стѣнку алтаря или у его подножія. Крови приписывалась способность *омывать отъ грѣховъ* народъ, *очищать отъ преступленій* народа святилище и жертвенникъ. Кровь жертвеннаго агнца употреблялась евреями и при посвященіи въ священнической санъ: ею окроплялось ухо и большой палецъ руки и ноги посвящаемаго и одежда его. Сходный обрядъ совершался евреями и при очищеніи челоуѣка отъ грѣховъ. Рядомъ съ упомянутыми обрядами встрѣчается у свреевъ и простое окропленіе народа жертвенною кровью изъ чаши, какъ у древнихъ славянъ и литовцевъ.

Важная роль, которую играла у евреевъ кровь, объясняется тѣмъ, что, по представленію ихъ, *въ крови заключалась душа животного*; вотъ почему одни только священники имѣли право собирать жертвенную кровь, и строго запрещалось закономъ вкушать кровь: „*Душа тѣла въ крови*“, говорилъ Господь Моисею: „Я назначилъ ее вамъ для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сія душу очищаетъ... Не ѣшьте крови ни изъ какого тѣла, потому что *душа всякаго тѣла есть кровь его*; всякій, кто будетъ ѣсть ее, истребится“, или: „строго наблюдай, чтобы не ѣсть крови, потому что *кровь есть душа*; не ѣшь души вмѣстѣ съ мясомъ, не ѣшь ея, выливай ее на землю, какъ воду“.

Послѣ всего сказаннаго становится яснымъ, отчего и древніе славяне (въ особенности балтійскіе), и народы литовскіе, вѣрованія которыхъ находятся въ вѣтеной связи съ древнѣйшими преданіями человѣчества, придавали столь важное значеніе жертвенной крови. Душа жертвеннаго животнаго, въ видѣ крови его, очищала отъ грѣховъ и козней злой силы народъ, который жрецъ окроплялъ кровью; она же ограждала окропляемый скотъ отъ всякихъ невзгодъ и бѣдствій. Душа жертвеннаго животнаго, проникая въ уста балтійско-славянскаго жреца, въ видѣ крови, которую онъ испивалъ, *пробуждала* въ немъ *духъ прорицанія*. На томъ же, безъ сомнѣнія, основаніи Одиссей, прибывъ въ царство мертвыхъ, закалываетъ овецъ и предлагаетъ „черную кровь“ ихъ тѣнямъ умершихъ, которыя, напившись ея, получаютъ вновь сознаніе и „*способность възвѣщать истину*“.

При „мирныхъ жертвоприношеніяхъ“ евреевъ главную часть обряда составляло убіеніе жертвеннаго животнаго и *съѣденіе его мяса*. Священное значеніе вкушенія мяса жертвеннаго животнаго, нерѣдко подававшее поводъ къ обрядному объѣденію на большихъ народныхъ торжествахъ (ср. послѣжертвенные пиры въ честь Геракла, Геркулеса, Святовита Арконскаго и др.), подтверждается слѣдующими словами Ветхаго завѣта: „Она (жертва) должна быть съѣдаема на святомъ мѣстѣ, на дворѣ скинии собранія. Все, что прикоснется къ мясу ея, *освятится*... Весь мужской полъ священническаго рода можетъ ѣсть ее,—это *великая святость*“. На томъ же самомъ принципѣ основано и величайшее таинство христіанской церкви, предписывающей *вкушеніе крови и тѣла* Искупителя міра, божественнаго *амца*, принявшаго на себя *цѣли* человѣче-

ства; священная трапеза христіанской церкви—та же „великая сѣтя“; ею вѣрующіе очищаются отъ грѣховъ и дѣлаются причастными вѣчной жизни и вѣчнаго блаженства.

По закону Моисея, тукъ и сальвикъ на печени при „мирной жертвѣ“ сожигались на жертвенникѣ, изъ остальной же части на долю священника приходились *грудь и правое плечо* его; при жертвѣ же „всесоженія“, т.-е. при сожиганіи всего животнаго, за исключеніемъ *кожи*, послѣдняя поступала въ пользу священника. У болгаръ, по совершеніи обряднаго закланія барашковъ въ Юрьевъ день, *позъ*, прочтя молитвы, и нынѣ еще беретъ съ каждаго хозяина по *четверти барашка*, кромѣ прочей провизіи; сходный обычай имѣетъ мѣсто и у сербовъ; священникъ же получаетъ и *шкуру барашка*.

5. ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.

Къ главнѣйшимъ поминальнымъ праздникамъ въ Россіи принадлежатъ *весеннія* поминки, нынѣ совершаемыя въ день Радуніцы („Навій день“), т.-е. во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, также въ Троицкую субботу; поминаютъ на Руси покойниковъ и наканунѣ масляницы, т.-е. въ самую раннюю *весеннюю* пору; съ перенесеніемъ же празднованія Нового года на 1-ое января, т.-е. на начало святокъ, поминовеніе усопшихъ родственниковъ мѣстами, какъ напр. въ Малой Руси, вошло и въ число святочныхъ обрядовъ. Болгары также отправляютъ поминки („задушницы“) въ извѣстныя субботы въ теченіе *весны*. Сербо-хорваты справляютъ „Радуніцу“ въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Кромѣ того, главнѣйшимъ поминальнымъ днемъ („задушница“) у сербовъ служитъ *всесвятское воскресенье*, т.-е. также одивъ изъ *весеннихъ* праздниковъ.—У древнихъ римлянъ такъ называемыя *родительскіе дни* (dies parentales) отправлялись передъ самымъ наступленіемъ *весны* или новаго года, по старому календарю, а именно во второй половинѣ февраля, съ 13-го по 21-е число этого мѣсяца. Въ Иранѣ, по народному вѣрованію, *души усопшихъ пробуждались весной*, вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы. Въ это время, а именно въ теченіе послѣднихъ пяти дней стараго года (февраля) и первыхъ пяти—новаго (марта), слѣдовательно, въ то-же, приблизительно, время, какъ у древнихъ римлянъ и славянъ, онѣ *нисходили на землю*,

посѣщали дома своихъ родственниковъ и принимали отъ нихъ угощенія: „*Кто жертвуетъ имъ (душамъ усопшихъ)*“, говорится въ Авестѣ, „рукою, снабженною мясомъ, рукою, снабженною одеждою, съ молитвою, достигающей чистоты, *того благословляютъ* удовлетворенные, не мстительные, не оскорбленные, сильные фраваша (души усопшихъ), чистые: въ этомъ домѣ (говорятъ они) будетъ изобиліе быковъ, людей, въ немъ будутъ быстрые кони и крѣпкая колесница; тотъ мужъ будетъ пользоваться почтеніемъ, будетъ главою собранія, кто намъ постоянно жертвуетъ рукою, снабженною мясомъ, рукою, снабженною одеждою, съ молитвою, достигающею чистоты“. Выраженный здѣсь взглядъ на отношеніе людей къ усопшимъ родственникамъ продолжаетъ и нынѣ существовать въ народѣ у всѣхъ славянъ. На Руси, когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, настанетъ вдругъ оттепель, поселяне замѣчаютъ, что „родители вздохнули“, т.-е. мертвые повѣяли (дохнули) тепломъ, Въ Россіи же существуетъ повѣріе, что на первый день Пасхи (одинъ изъ важнѣйшихъ *весеннихъ* праздниковъ, когда *воскресаетъ* природа) открывается небо, и въ продолженіе всей свѣтлой недѣли *души усопшихъ* (подобно иранскимъ фраваша) *постоянно обращаются между живыми*, посѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, *плотъ, пдять и радуются* вмѣстѣ съ ними. — Древніе индусы нерѣдко призывали усопшихъ къ своимъ жертвеннымъ трапезамъ; ихъ, „родителей“, приглашали присѣсть къ огню, имъ предлагались ежедневно угощенія, а въ каждое поволуніе въ честь ихъ устраивались особенныя *поминальныя трапезы*. Парсы (потомки древнихъ иранцевъ), подобно предкамъ своимъ, въ теченіе перваго года послѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ, поминаютъ его ежедневно молитвою къ фраваша, произносимую передъ ѣдою, а черезъ мѣсяцъ послѣ смерти—особенною службою. Затѣмъ, въ слѣдующіе года, въ 4-й, 10-й и 30-й дни каждаго мѣсяца, въ особенности же въ теченіе упомянутыхъ десяти дней, при наступленіи новаго года, также возносятся молитвы къ фраваша. — Такъ и у славянъ до сихъ поръ повсемѣстно, въ извѣстные въ году поминальные дни, а также въ извѣстные промежутки времени послѣ смерти родственника, въ 9-й, 20-й, 40-й дни и пр. (болгары посѣщаютъ могилы своихъ родныхъ на 3-й, 9-й, 12-й, 20-й и 40-й дни; затѣмъ эти посѣщенія повторяются черезъ 3, 6, 9 и 12 мѣсяцевъ) совершаются дома или на могилахъ своеобразные обряды,

составная часть которыхъ заключается во-первыхъ въ угощеніи умершихъ виномъ, пивомъ, блинами и другими яствами, которыя ставятся на столъ (или мечутся подъ столъ), когда поминовеніе происходитъ дома, или же кладутся или выливаются на могилу, когда оно совершается на кладбищѣ, и во-вторыхъ- въ слѣдующей за тѣмъ *поминальной трапезѣ*.

„Въ *Троицкую субботу*“, по словамъ Стоглава (1550 г.), „по селомъ и погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и *мачутся по гробомъ умершихъ* съ великимъ воплемъ“. Прекрасной иллюстраціей къ этому свидѣтельству могутъ служить слова Оларія, путешествовавшаго по Россіи въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія и описавшаго поминки, происходившія въ *Троицкую же субботу* на русскомъ кладбищѣ въ Нарвѣ: „кладбище было наполнено русскими женщинами, разстилавшими на могилахъ и надгробныхъ памятникахъ прекрасно вышитые пестрые платки; на платки ставились блюда съ блинами и пирогами, рыбой и крашеными яйцами; онѣ частью стояли у могилы, частью лежали распростертыми на нихъ, выли и вопили, обращая разные вопросы къ покойникамъ. Менецій (въ началѣ XVI вѣка), рассказывая о поминальныхъ обрядахъ русскихъ на нашей западной окраинѣ, говорить, что во время поминальной трапезы (происходившей на дому) бросали подъ столъ по кусочку отъ кушаній, также выливали пиво, какъ *угощеніе душамъ умершихъ*. Если что-нибудь съѣстное случайно падало со стола на полъ, то упавшее не поднималось, а оставлялось, какъ говорилъ народъ, въ пользу умершихъ. По окончаніи же пиршества, знахарь выметалъ изъ избы метлою души умершихъ, произнося: „ѣли-пили, *душечки*, а теперь *ступайте* вонъ, вонъ!“ И нынѣ еще бѣлоруссы, въ осенній поминальный праздникъ, садясь за трапезу, приглашаютъ души умершихъ (дядовъ-дѣдовъ) прилетѣть къ нимъ:

„Святы дяды, зовемъ васъ: *ходзице до насъ!*
 Есць тутъ усѣ, что Богъ даў,
 Чимъ только хата богата,
 Просимъ васъ, *ляцице* (=летите) *до насъ!*“

По окончаніи ужина встаютъ изъ-за стола, молятся Богу расходятся, приговаривая:

„Святы дяды, *ляцице* *цеперь* *до неба!*“

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Руси, когда совершаются годовыя поминки на дому въ честь всѣхъ усопшихъ родичей, незримо присутствующахъ при этомъ обрядѣ, хозяинъ, по окончаніи трапезы, открываетъ окно, распускаетъ на улицу кусокъ холста и приглашаетъ покойниковъ возвратиться въ свои загробныя жилища по посланному полотну: „*ступайте съ Богомъ!* вотъ тутъ будетъ вамъ помягче!“ Болгары, посѣщая въ указанные выше дни могилу умершаго и принося съ собою угощеніе (вареный ячмень, рисъ, кружку съ виномъ или водкой), увѣрены, что *душа усопшаго присутствуетъ* тутъ же и принимаетъ съ призна-тельностью приношенія. Далматскіе морлаки, по свидѣтельству Фортиса (XVIII в.), совершали поминки по умершемъ въ каждый праздникъ въ теченіе цѣлаго года: женщины, приходя на могилу, орошали ее слезами, украшали цвѣтами, посыпали душистыми травами. Если по какой-либо причинѣ приходилось пропускать праздникъ безъ отправленія поминокъ, то онѣ извинялись въ томъ передъ покойникомъ, бесѣдуя съ нимъ, какъ съ живымъ, и давая ему подробный отчетъ о причинахъ, принудившихъ ихъ не исполнить, по отношенію къ нему, своего долга. Во всѣхъ данныхъ случаяхъ обнаруживается существованіе въ сознаніи народовъ славянскаго племени древне-арійскаго представленія о тѣсныхъ отношеніяхъ человѣка къ усопшимъ его родичамъ.

Не останавливаясь на болѣе подробномъ описаніи угощеній мертвыхъ, которое завело бы меня слишкомъ далеко, ограничусь приведеніемъ слѣдующихъ словъ мусульманскаго писателя первой половины X вѣка, Ибнъ-Дасты, свидѣтельствующихъ о древности у славянъ-язычниковъ обряда поминовенія мертвыхъ: „черезъ годъ по смерти покойнаго берутъ (славяне) кувшиновъ двадцать *меду*, иногда нѣсколько больше, а иногда нѣсколько меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ (на которомъ стоялъ сосудъ съ пепломъ сожженнаго мертвеца), гдѣ собирается семейство покойнаго, *идятъ, пьютъ* и затѣмъ расходятся“. По словамъ Теофилакта (ок. 629 г.) у варваровъ, подъ именемъ которыхъ Котляревскій узнаетъ *придунайскихъ славянъ*, былъ обычай праздновать *поминки* по усопшимъ.

Въ число обрядныхъ дѣйствій, которыми и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у южныхъ славянъ сопровождается гореваніе по умершимъ, издревле принадлежало обыкновеніе дѣлать *нарты на тѣль* и *царапки на лицъ*, а также *обстригать волосы* въ

знакъ великой скорби: въ Черногоріи, при оплакиваніи мертвыхъ, многіе *исцарапываютъ* себѣ *лица*, струящуюся же изъ царапинъ кровь не стираютъ и не смываютъ, и нѣкоторые по нѣскольку недѣль ходятъ съ лицомъ, испещреннымъ засохшею кровью. Кромѣ того, женщины иногда *обръзываютъ* себѣ *волосы* или, по крайней мѣрѣ, ходятъ первое время послѣ смертнаго случая съ *испокрытой* *оловой*. Сербы также нѣсколько времени ходятъ безъ шапокъ, т. е. съ *обнаженной* *оловой*. Въ Черногоріи мать и сестры умершаго *обръзываютъ* себѣ *косы* и кладутъ въ могилу, вмѣстѣ съ покойникомъ. Чехи, по словамъ хроники Вѣльскаго, оплакивая смерть Любуши, бросали въ разведенный для могилы огонь *обръзанные* *волосы* и *ногти*. «Ни *кожсекроенія* не творятъ, ни *лицедранія*», говорится въ житіи Константина Муромскаго. По свидѣтельству Кадлубка (ум. 1223 г.), по случаю смерти польскаго князя Казимира, «можно было видѣть, какъ съ *исцарапанными* ногтями *лицъ* нѣкоторыхъ женъ и дѣвицъ кровь текла струями», нѣкоторые наносили себѣ раны другими орудіями. Названный выше мусульманскій писатель Ибнъ-Даства говоритъ, что славянскія женщины, «когда случится у нихъ покойникъ, *царапаютъ* себѣ *ножомъ руки и лицо*». — Лукіанъ (въ II вѣкѣ по Р. Хр.) описываетъ сходный обрядъ оплакиванія мертваго во времена Римской имперіи: «начинается плачь и голошеніе женщинъ (голошенія плакальщицъ до сихъ поръ въ обычаѣ у славянъ), всѣ проливаютъ слезы, ударяютъ себя въ грудь, *вырываютъ* себѣ *волосы* и *исцарапываютъ* себѣ *до крови щеки*». Скиены, по свидѣтельству Геродота, въ знакъ скорби, по случаю смерти царя, *отрѣзали* себѣ *уши*, *обстригали* *волосы*, дѣлали *нарѣзы* на *рукахъ*, *исцарапывали* себѣ *лобъ и носъ*, *прободами* *стрѣлою* дѣлали *руку*. Сходный обычай съ древнѣйшихъ временъ извѣстенъ былъ и у народовъ азіатскихъ, о чемъ свидѣлствуютъ многіе тексты Ветхаго завѣта, напр.: «не дѣлайте *нарѣзовъ* на тѣлѣ вашемъ и не *выстригайте* *волосъ* надъ глазами вашими по умершемъ». Прор. Іеремія такъ изображаетъ картину скорби моавитянъ о постигшей ихъ гибели: «у каждаго *олова* *юла* и у каждаго *борода* *умалена*, у всѣхъ на *рукахъ* *царапины*». «Снимая съ себя *волосы*, *остричь*, скорбя о нѣжно любимыхъ сынахъ твоихъ; *расширь* изъ-за нихъ *лысину*», пишетъ прор. Михей. По словамъ Лукіана, финикянки въ Вивлѣ, оплакивая ежегодно смерть Адониса, *обстригали*

себѣ *волосъ*; то-же самое дѣлали и египтянки, по случаю смерти божественнаго быка Аписа. По египетскому сказанію, Изидя, узнавъ о гибели Озириса, *отрзала прядь волосъ* съ головы своей и облеклась въ траурное одѣяніе. О приношеніи, въ честь умершихъ, на могилу ихъ *волосъ*, практиковавшемся на островѣ Делосѣ, упоминаетъ Геродотъ. Итакъ, поминальные обряды славянъ опять представляютъ тѣсную связь съ таковыми-же обрядами народовъ древняго міра.

6. ПЕРЕРЯЖИВАНІЯ.

Повсемѣстно распространенный въ Европѣ обычай *рядиться*, именно на святкахъ и на масляницѣ, а равно и во время майскаго (весенняго) праздника, коренится также въ глубокой древности. Праздники святокъ и масляницы, и по времени отправленія, и по характеру своему, представляютъ несомнѣнное родство съ сопряженными съ *переряживаніями* же праздниками январскихъ календъ и либералій (въ мартѣ) дровникъ римлянъ и малаго и великаго Діонисовыхъ торжествъ древнихъ грековъ (отправлявшихся въ декабрѣ и мартѣ); празднества эти, находясь въ тѣсной, неразрывной связи съ культомъ соответствующихъ боговъ (Януса, Либера, Діониса), имѣли *религіозно-обрядный* характеръ.

Не связана-ли основная мысль переряживанія мужчинъ въ женскія платья и женщинъ въ мужскія съ религіознымъ возрѣніемъ народовъ семитскихъ, вообще оказывавшихъ немалое вліяніе на культуру европейскихъ аріевъ? Въ средѣ семитскихъ народовъ возникло представленіе о соединеніи въ *одномъ* божественномъ лицѣ свойствъ *двухъ половъ*, словомъ—о гермафродитизмѣ. Такъ, напр., въ Сиріи *Астартя* и *Вааль* слились въ одно *двуполое* божество; въ книгѣ Товита упоминается о приношеніи жертвы *«Ваалу юницѣ»*; въ Пафосѣ высокимъ уваженіемъ пользовалась статуя *бородатой Афродиты*. Въ Сиріи, въ извѣстные торжественные дни въ честь Ваала, *жрецы* и *поклонники двуполнаго бога* являлись въ красноватыхъ прозрачныхъ *женскихъ сорочкахъ* и прочемъ *женскомъ одѣяніи*, между тѣмъ какъ *женщины* одѣвались въ *мужское платье* и вооружались *мечами и копьями*. На островѣ Косѣ, по свидѣтельству Плутарха, *жрецъ Геракла* приносилъ богу своему жертву, облеченный въ *женское одѣяніе* и съ *повязкой на голову*.

Обыкновеніе пероряживаться порицалось уже въ книгахъ Ветхаго завѣта. «*На женщины не должно быть мужской одежды, читаемъ въ книгѣ Второзаконія, — и мужчина не долженъ одѣваться въ женское платье, ибо мерзокъ передъ Господомъ Богомъ твоимъ, всякій, дѣлающій сіе*». Почти тѣми-же словами выражается о переряживаніи русскихъ Помоканонъ, изданный въ Кіевѣ въ 1624 г.: «*Нынѣ христіанскія дѣти сіе творятъ: въ одежду женскую мужа облачаются и жены въ мужскую*». Письменные свидѣтельства о русскихъ народныхъ маскарадахъ восходятъ до XII или даже до XI вѣка. Со временемъ, къ обычаю взаимнаго переряживанія мужчинъ въ женскія платья и женщинъ въ мужскія, естественно, присоединилось облеченіе въ разные характеристическіе костюмы, сдѣлавшіеся затѣмъ типическими. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, между прочимъ, фигуры народнаго маскарада, изображающія разныхъ звѣрей: коня, медвѣдя, волка, козу и т. п., имѣвшихъ встарину опредѣленное миеологическое значеніе.

7. ПЕРВЫЙ СНОПЪ. ПОСЛѢДНІЕ ПЛОДЫ.

Начало жатвы всюду составляетъ праздникъ мѣстнаго населенія. Въ Малой Руси праздникъ Ивана Купала встарину отправлялся какъ торжество, совпадавшее съ «началомъ жнивья». Въ Литвѣ и во многихъ мѣстахъ Россіи придаютъ особенно важное значеніе *первому* сжатому на нивѣ *снопу*. На Руси снопъ этотъ называется *именинникомъ*. Хозяйка приноситъ его въ избу и ставитъ въ переднемъ углу, у *божницы*. По обычаю, принятому въ нѣкоторыхъ малорусскихъ мѣстахъ, *зажинъ* дѣлается *священникомъ*. Въ Литвѣ (и Бѣлоруссіи) первая жница, украшенная цѣнтами, несетъ *первенца жатвы*, впереди всѣхъ жницъ, на *барскій дворъ*, гдѣ ожидаетъ работницъ угощеніе. Словомъ, начало жатвы составляетъ выдающееся торжество, и *первый снопъ* пользуется особеннымъ *почетомъ*. Соотвѣтственно этому чехи, при печеніи хлѣба изъ *новой ржи*, бросаютъ въ огонь, т.-е. жертвуютъ божеству огня, *кусокъ тѣста*. Въ законѣ Моисея находимъ цѣлый рядъ предписаній, касающихся начала жатвы. Въ числѣ главнѣйшихъ, весьма немногочисленныхъ народныхъ праздниковъ, названъ здѣсь «праздникъ *начатковъ жатвы* пшеницы». Приказалъ Господь Моисею объявить народу Израилеву слѣдующіе законы: «наблюдай

и праздник жатвы твоихъ плодовъ труда твоего, какіе ты сѣялъ на полѣ... *Начатки плодовъ земли твоей приноси въ домъ Господа, Бога твоего*». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «когда будешь жать на ней (на обѣтованной землѣ) жатву, то принесите *первый снопъ* жатвы вашей къ священнику. Онъ вознесетъ сей снопъ передъ Господомъ, чтобы вамъ приобрести благоволеніе».

Въ законѣ-же Моисеевомъ находитъ себѣ объясненіе записанная Гильфердингомъ старинная сербская пословица: «проклята нива, на коjej клас не остае». «Когда будешь жать на полѣ твоёмъ—предписалъ Господъ Израилю—и забудешь снопъ на полѣ, то не возвращайся взять его; пусть онъ останется пришельцу (нищему), сиротѣ и вдовѣ, чтобы Господь, Богъ твой, благословилъ тебя во всѣхъ дѣлахъ рукъ твоихъ. Когда будешь обивать маслину свою, то не пересматривай за собою вѣтвей; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ... Когда будешь снимать плоды въ виноградникѣ твоёмъ, не обирай остатковъ за собою; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ». Проклятiе сербскою пословицею нивы, на которой не осталось ни одного колоса, несомнѣнно, основано на томъ-же началѣ: оставленные на нивѣ колосья должны поступить въ пользу подбирающихъ ихъ нищихъ, вдовъ и сиротъ. Отсюда-же объясняется чешское обыкновеніе—на плодовыхъ деревьяхъ оставлять не снятымъ, по крайней мѣрѣ, по одному плоду; въ противномъ случаѣ дерево, по народному вѣрованію, въ слѣдующемъ году не принесетъ ни одного плода.

8. НИЗВЕРЖЕНІЕ ЖЕРТВЫ СЪ ВЫСОТЫ.

Въ разныхъ мѣстахъ Чехіи до сихъ поръ соблюдается слѣдующій своеобразный обычай: 25 іюля, въ день св. Якова, при совершеніи извѣстныхъ церемоній, *низвергается* съ церковной башни, или съ другого возвышеннаго мѣста, *жертвенный козелъ* съ позолоченными рогами, *убранный цвѣтами*. Кровь этого животнаго собирается и хранится, какъ дѣйствительное *цѣлебное* средство.—Обычай этотъ совершенно напоминаетъ древній греческій обрядъ умилостивительнаго жертвоприношенія, совершавшагося въ лѣтнее же время (хотя нѣсколько раньше, именно въ концѣ нашего мая) въ честь Аполлона: двое приговоренныхъ къ смерти *мужчинъ*, или *мужчина и женщина*, *убранные плодами и цвѣтами*, *надушенные*

близкими травами, въ качествѣ умиляющей жертвы, низвергались со скал. Привносимые такимъ образомъ въ жертву люди назывались *лжкартленными, цмлтельными*; смерть ихъ должна была обезпечивать здоровье мѣстнаго населенія, отвращать отъ него заразы и другія невзгоды.

Въ Гераполисѣ обреченныхъ на жертвоприношеніе *животныхъ бросали съ высоты*, при чемъ они убивались до смерти. Нѣкоторые, по свидѣтельству Лукіана, такимъ же способомъ приносили въ жертву *дѣтей* своихъ, заключивъ ихъ, однако, предварительно въ мѣшокъ. *Низвергая* ихъ въ пропасть, произносили закланіе, что это не дѣти, а телята. Геродотъ упоминаетъ о сходномъ обычаѣ у таврическихъ скифовъ: они приносили своей богинѣ въ жертву чужеземцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и попадавшихъ имъ въ руки; головы жертвъ они отрубали. *тѣла же низвергали съ высоты скалы, гдѣ стояло святилище богини.*

9. КОРОВІЙ НАВОЗЪ, КАКЪ ОЧИСТИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО.

Не менѣе характеристиченъ и слѣдующій чешскій обычай: наканунѣ Рождества, съ котораго въ старину начинался въ Чехіи *новый годъ*, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *обкуриваютъ коровьимъ навозомъ* и *отрыскиваютъ коровьей мочей* скотный дворъ, съ пѣлюю *измнанія* этимъ способомъ нечистой силы изъ двора, т. е. *очищенія двора*.—Въ Авестѣ очищеніе отъ одного изъ самыхъ сильныхъ оскверненій, а именно отъ прикосновенія къ мертвому тѣлу, производится посредствомъ коровьей мочи: „Отвѣчалъ Агура-Мазда... Если мертвое тѣло уже обглодано хищнымъ псомъ или птицей, то пусть (осквернившійся прикосновеніемъ къ нему) *омоетъ свое тѣло коровьей мочей*, тридцать разъ пусть онъ омоется, тридцать разъ пусть потретъ руки, пусть омоетъ въ то-же время и голову. Если же мертвое тѣло еще не обглодано хищнымъ псомъ или птицею, то пусть онъ моется пятьдесятъ разъ и пятьдесятъ разъ пусть потретъ себѣ руки“. Такой обычай находится въ тѣснѣйшей связи съ вѣрованіемъ древнихъ аріевъ въ *святость быка и коровы*. Древніе индусы, для *очищенія* почвы, оставляли на очищаемомъ мѣстѣ *на ночь коровы*; полъ въ домахъ *очищался* у нихъ *коровьимъ навозомъ*, ткани и платья—*коровьей мочей*. И нынѣ еще въ Индіи, при отправленіи торжества, соотвѣтствующаго нашему весеннему празд-

нику (или празднику *новаго года*), именно въ новолунье сентября, т. е. послѣ окончанія дождливой поры, дома украшаются цвѣтами и обмазываются *коровьимъ навозомъ*. Савпаденіе чешскаго обычая съ индійскимъ, коренящимся въ древнѣйшихъ преданіяхъ арійскихъ, доказываетъ несомнѣнную глубокую его древность. Вѣроятно, изъ того же источника исходитъ обычай курскихъ поселенъ наканунѣ Рождества и Богоявленія сожигать *навозъ* среди двора, хотя, по нынѣшнему народному толкованію, этотъ обрядный святочный огонь служитъ къ тому, чтобы родители на томъ свѣтѣ согрѣлись.

10. ЧЕРТЫ КУЛЬТА БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ - ЯЗЫЧНИКОВЪ.

Группа славянскихъ народовъ, въ старину заселявшихъ балтійское побережье (нынѣшнюю сѣверную Германію), извѣстныхъ подъ общимъ именемъ балтійскихъ славянъ, во многихъ отношеніяхъ представляетъ особенности, рѣзко отличающія ее отъ прочихъ славянскихъ народовъ. Въ то время, какъ славяне вообще отличаются нравомъ миролюбивымъ и кроткимъ, балтійскіе славяне, по словамъ современныхъ имъ средневѣковыхъ писателей, были воинственны и храбры, свирѣпы и кровожадны, опыты въ войнѣ на морѣ и на сушѣ, привыкли жить грабежомъ и добычею,—въ особенности отличались этими качествами Лютичи (Велеты), которымъ, впрочемъ, мало уступали Руяне (жители острова Руяны), Бодричи, Вагры, Поморяне. Въ то время, какъ большинство славянъ почитали боговъ своихъ безъ идоловъ и храмовъ даже безъ жрецовъ, мѣсто которыхъ обыкновенно заступалъ старшій въ родѣ, у балтійскихъ славянъ встрѣчаются повсемѣстно многочисленныя истуканы боговъ совершенно своеобразной формы, храмы, отличающіеся своеобразной архитектурой и украшеніями, жрецы, отправляющіе опредѣленные богослужебные обряды. Все это свидѣтельствуетъ о какихъ-то особенныхъ обстоятельствахъ, о какихъ-то, вѣроятно, иноземныхъ вліяніяхъ, при которыхъ, въ отличіе отъ прочихъ соплеменниковъ, сложилась жизнь тѣхъ отраслей славянскаго племени, которыя, при расселеніи послѣдняго, направились къ берегамъ Эльбы и Балтійскаго моря и заняли балтійское побережье и нѣкоторые изъ сосѣднихъ острововъ.

О томъ, кто и какими образомъ могъ вліять въ данную смѣсь на своеобразное развитіе права и культъ упомянутыхъ народовъ, исторія умалчиваетъ; но при болѣе внимательномъ изученіи именно предметовъ религіознаго культа ихъ, обнаруживаются какія-то загадочныя параллели съ соответствующими предметами культа народовъ семитскихъ, а равно и нѣкоторыхъ народовъ малозвѣстныхъ, также испытавшихъ на себѣ семитскія вліянія. Вѣдѣвшаяся пока отъ высказыванія какихъ либо догадокъ о томъ, какими путемъ могли проникнуть въ данную судаленную мѣстность упомянутыя вліянія, ограничусь сперва лишь указаніемъ на факты.

А. Храмы.

а. Общій планъ.

Храмы балтійскихъ славянъ обыкновенно стояли внутри окруженнаго деревянной оградой мѣста, т. е. двора или города (огороженнаго пространства), служившаго мѣстомъ народныхъ собраній: сюда народъ сходилъ для общественныхъ молитвъ и жертвоприношеній, гаданій и пировъ для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Самый храмъ, внутренность котораго недоступна была простымъ смертнымъ, представлялъ огороженное стѣнами и покрытое крышею пространство, заключавшее въ себѣ святилище, т. е. центральную часть, гдѣ помѣщалось изображеніе бога (или нѣсколькихъ боговъ), отдѣлявшуюся отъ остальной части храма внутренними завѣсами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и наружныя стѣны храма были не сплошныя, а замѣщались колоннами, завѣшанными тканью и служившими опорой для крыши. *)

Такой планъ храмовъ тѣсно сближается съ планомъ храмовъ семитскихъ народовъ, заимствованнымъ ими изъ Египта и основнымъ типомъ которыхъ можетъ служить скинія евреевъ. Скинія, имѣвшая форму параллелограмма, окружена была дворомъ, ограда котораго, такъ какъ сооруженіе было походное, представляла не сплошную стѣну, а рядъ колоннъ, завѣшанныхъ цвѣтною тканью. Наружныя стѣны скиніи, надъ которыми возвышалась крыша изъ цвѣтныхъ покрывалъ, покрытыхъ цвѣтными же кожами, сдѣланы

*) Подробное описаніе храмовъ балтійскихъ славянъ см. въ моей книгѣ „Возм. др. слав.“ I, стр. 20 и сл.

были изъ деревянныхъ брусевъ, а мѣсто, гдѣ помѣщался ковчегъ завѣта, отдѣлялось *внутреннею завѣсою*.

Проведемъ еще параллель между описаніемъ „города“, въ которомъ помѣщался Ретрскій храмъ и описаніемъ двора идеальнаго храма Господня въ открывшемся пророку Іезекиилу видѣніи. Городъ редарей, Ретра, по свидѣтельству Титмара Мерзебургскаго (XI в.), былъ снабженъ *тремя воротами*. Двои изъ этихъ воротъ *доступны* были *каждому*, третьи же, на *восточной* сторонѣ, обращены были къ морю. Изъ такого противоположенія восточныхъ воротъ другимъ можно вывести заключеніе, что *восточныя ворота* были *недоступны народу*. У этихъ воротъ стоялъ извѣстный Ретрскій храмъ.—Прор. Іезекииль, которому повелѣно было „возвѣстить дому израилеву“, для руководства въ будущемъ, устройство храма Господня, какъ оно представилось ему въ видѣніи, между прочимъ, пишетъ: „*Внѣ храма стѣна со всѣхъ сторонъ его*“. Въ стѣнѣ *трои ворота*: сѣверныя, южныя и восточныя. *Народу доступны* только *двои* изъ нихъ (какъ въ оградѣ Ретрскаго храма)—сѣверныя и южныя, *восточныя* же ворота, постоянно запертыя, открываются лишь въ субботу и во дни новомѣсячья и *народу недоступны* (опять какъ въ оградѣ Ретрскаго храма),—черезъ нихъ входить и выходить можетъ одинъ только князь.

б. Украшенія.

Стѣны храмовъ балтійскихъ славянъ, иногда и ворота оградъ ихъ, отличались рельефными, рѣзными украшеніями. Такъ *наружныя стѣны* Ретрскаго храма *украшены* были чудесной *рѣзбой*, представлявшей изображенія различныхъ *боговъ* и *боишь*. Стѣны Штетинской главной контины (священнаго зданія) *внутри и снаружи* покрыты были *рѣзными* изображеніями *людей, птицъ и зѣбрей*. *Внѣшняя сторона* Арконскаго храма, по выраженію Саксона Грамматика (XII в.), блистала искусно сдѣланными *барельефами различныхъ фигуръ*. *Внѣшняя сторона* воротъ деревянной ограды Староградскаго храма, по словамъ Гельмольда (XII в.), была *великолѣпно разукрашена* (конечно, также рѣзными изображеніями).

Испещреніе стѣнъ зданій *рельефными изображеніями* встрѣчаемъ неоднократно въ произведеніяхъ древняго восточнаго искусства. У вавилонянъ, ассириянъ, какъ и у египтянъ, *стѣны* дворцовъ и храмовъ обыкновенно покрывались *рельефами*. Изображе-

в. Храмовыя богатства. Храмовая утварь.

Храмы балтійскихъ славянъ обладали большими богатствами. Саксонъ Грамматикъ говоритъ объ огромномъ количествѣ *золота* и другихъ *сокровищъ*, сохранявшихся въ сундукахъ въ Арконскомъ храмѣ, а равно и о множествѣ общественныхъ и частныхъ *даровъ*, жертвовавшихся на пользу храма по обѣтамъ. По словамъ Гельмольда, руяне послѣ побѣды полагали часть награбленнаго *золота* и *серебра* въ сокровищницу Святовита Арконскаго. По свидѣтельству скандинавскаго сказанія (Knytlingasaga) въ каницахъ Кореницкихъ хранилось множество *денегъ*, *золота*, *серебра*, *шелку*, *бумажныхъ тканей краснаго цвѣта* и *тканей пурпуровыхъ*, *шлемовъ*, *мечей*, *латъ* и всякаго *оружія*. Титмаръ упоминаетъ о *дарахъ*, которые приносились вѣрующими въ Ретрскій храмъ, по возвращеніи изъ похода. По свидѣтельству Герборда, поморяне, „по старому обычаю предковъ“, приносили въ Штетинскій храмъ известную долю награбленныхъ богатствъ, оружія и всякой добычи; тамъ берегались *золотые* и *серебряные сосуды* и *чаши*, огромные *рога туровъ*, украшенные *позолотой* и *драгоценными камнями*, *рога* приспособленные къ *музыкѣ*, *кинжалы*, *ножи* и всякая *драгоценная утварь*.

Снабженіе храмовъ сокровищами, притекавшими въ нихъ по обѣтамъ частныхъ лицъ или представлявшими известную долю награбленной добычи или добровольныя пожертвованія вѣрующихъ, — явленіе общее у всѣхъ народовъ, воздвигавшихъ богамъ своимъ храмы. Евреи, по взятіи Іерихона, городъ сожгли, „только *серебро* и *сосуды мѣдные* и *железные* отдали въ сокровищницу дома Господня“ (т.-е. скиніи), который въ то время уже обладалъ значительнымъ количествомъ *золотой утвари*. Давидъ, побѣдивъ Сувскаго царя Адраизара, взялъ у рабовъ его *золотые щиты*, въ городахъ Адраизаровыхъ онъ взялъ весьма много *мѣди*, къ этой добычѣ присоединились еще *сосуды серебряные*, *золотые* и *мѣдные*, принесенные Давиду въ даръ царемъ Имафа Фоемъ. Всѣ эти предметы, а также *серебро* и *золото*, отнятое имъ у другихъ народовъ (сирянъ, моавитянъ, аммонитянъ и др.), „посвятилъ царь Давидъ Господу“. Всѣ собранныя имъ богатства Давидъ передалъ Соломону, завѣщавъ ему построить храмъ въ Іерусалимѣ и украсить его этими сокровищами, что и было исполнено Соломономъ, кото-

рый еще значительно *увеличил храмовыя богатства* и украсилъ домъ Господень съ баснословною роскошью. Весь храмъ внутри и стоявшіе въ немъ деревянныя херувимы были *обложены золотомъ*, жертвенникъ былъ *золотой*, вся храмовая утварь — *золотая*. Въ перечисленіи послѣдней поименовываются тѣ же, приблизительно, предметы, какъ и въ Штетинскомъ храмѣ: *блюда, ножи, чаши, ложки* и пр. Храмъ Сирійской богини въ Гераполѣ, по свидѣтельству Лукіана, обладалъ *чрезвычайными богатствами*: сюда прибывали многочисленныя дары изъ Аравіи, Финикіи, Вавилоніи, Каппадокіи, Киликіи и Ассиріи. Лукіанъ видѣлъ сложенные въ особомъ сокрытомъ помѣщеніи храма *драгоценныя одѣянія* и разныя другіе предметы, изготовленные изъ *золота и серебра. Серебряными и золотыми чашами, курильницами, вѣнками* и другими *драгоценными предметами*, приносимыми въ даръ или по обѣтамъ отъ частныхъ лицъ, изобиловали и главнѣйшіе храмы греческіе и римскіе, напр.—храмы Аполлона въ Дельфахъ, Зевеса Олимпійскаго въ Элидѣ, Юпитера Капитолійскаго въ Римѣ и др. Изъ такихъ даровъ съ теченіемъ времени образовывались *богатѣйшія сокровищницы*, по временамъ подвергавшіяся разграбленію и затѣмъ вновь возстановлявшіяся.

Между предметами храмоваго обихода у евреевъ называются *трубы*, какъ въ Штетинскомъ храмѣ *„рога туровъ*, приспособленные къ музыкѣ“. Трубы у евреевъ употреблялись какъ при богослуженіи, такъ и для созыванія народа и подачи ему сигналовъ. Трубили въ трубы священники: *„и въ день веселія вашего и въ праздники ваши и въ новомѣсячія ваши трубите трубами при всесожженіяхъ вашихъ и при мирныхъ жертвахъ“*, предписывалъ Господь евреямъ. Перенесеніе ковчега Господня изъ дома Аведарова въ городъ Давидовъ происходило съ восклицаніями и *трубными звуками*. — Упомянутые выше *рога туровъ* въ Штетинскомъ храмѣ имѣли, вѣроятно, подобное же религіозно-обрядное значеніе; о нихъ говорится именно, что они были *приспособлены къ музыкѣ*, хотя прямого указанія на то, что игра на нихъ входила въ составъ богослуженія, мы не имѣемъ. Зато относительно ближайшихъ сосѣдей балтійскихъ славянъ—народовъ литовскаго племени—существуетъ достовѣрное свидѣтельство объ обрядномъ употребленіи ими духовыхъ музыкальныхъ орудій въ *дни народнаго веселія, въ праздники*, а именно во время отправленія ими главнѣйшихъ

юдовыя релігіозныя торжества: весенняго—въ честь бога Пергубія, и осенняго—во славу бога Земенника; въ обоихъ случаяхъ, по словамъ Стрыйковского, (XV Ів), „пѣли пѣсни и играли на длинныхъ трубахъ“.

1. Пурпуровыя завѣсы и одежды.

Къ числу наиболѣе характеристическихъ предметовъ, свойственныхъ храмамъ балтійскихъ славянъ, принадлежатъ игравшія въ нихъ важную роль *пурпуровыя ткани*.—Извѣстно, что въ особенности въ западно-азіатскихъ государствахъ были въ большомъ употребленіи и высоко цѣнились *пурпуровыя ткани*. Приготовленіемъ пурпуровой краски и пурпуровыхъ тканей славились финикіяне, а изъ нихъ въ особенности тиряне. Восточные цари, а вслѣдъ за ними и прочія знатныя особы, а равно и жрецы, облакались въ *пурпуровыя одѣянія*, какъ признакъ высокаго происхожденія. По повелѣнію Валтасара, „облекли Данила въ багряницу... и провозгласили его *третьимъ властелиномъ* въ царствѣ“. Артаксерксъ, желая оказать особенную почесть Мардохею, приказалъ одѣть его въ царскую одежду, возложить на него виссонную и *пурпуровую мантию*. Ионафанъ (сынъ Іуды Маккавея), въ знакъ особенной чести, одѣтъ былъ царемъ Александромъ (сыномъ Антиоха Эпифана) въ *порфиру*. Вавилонскіе, ассирійскіе и, по ихъ примѣру, персидскіе и др. цари массами складывали въ своихъ дворцахъ *пурпуровыя ткани*. По свидѣтельству Плутарха, Александръ нашелъ въ Сузѣ запасъ *пурпуровыхъ тканей*, цѣною въ 5000 талантовъ. Іуда Маккавей, побѣдившій Горгія, нашелъ въ станѣ его „много золота и серебра, гіацинтовыхъ и багряныхъ одеждъ и великое богатство“. Древніе клявописныя надписи упоминаютъ объ *украшеніи идоловъ* въ халдейско-ассирійскихъ культахъ золотыми и серебряными одѣяніями, сверхъ которыхъ надѣвались одежды изъ *тканей*. Прор. Іеремія подтверждаетъ это извѣстіе, говоря объ *одеждахъ изъ пурпура и червленницы*, украшавшихъ вавилонскихъ истукановъ. Во храмѣ Сирійской боигни въ Гіераполисѣ избиравшійся ежегодно верховный жрецъ, по свидѣтельству Лукіана, одинъ только облакался въ *пурпуровую мантию*. Тертуліанъ упоминаетъ о *красныхъ одѣяніяхъ* жрецовъ Ваала въ Картагенѣ. Во дворцахъ и въ шатрахъ знатныхъ особъ, а равно и

во храмахъ восточныхъ народовъ, *пурпуровыя ткани служивъ коврами и завѣсами*. Въ шатръ Олоферна натянута была *завѣса*, украшенная *пурпуромъ*, золотомъ и драгоценными камнями. Завѣса изъ голубой, *пурпуровой и червленой шерсти* закрывала въ скипинъ „ковчегъ откровенія“. Во храмѣ Соломоновомъ ковчегъ покрывался *завѣсою*, сдѣланною „изъ *яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани*“. Пурпуровыя ткани ввѣстны были уже въ древней Египтѣ и оттуда, вѣроятно, распространились въ переднюю Азію. Священныя животныя въ египетскихъ храмахъ, по свидѣтельству Климента Александрійскаго, поклонись на великолѣпно украшенныхъ, покрытыхъ *пурпуровыми тканями* ложахъ; изображеніе позолоченной коровы, внутри которой египетскій царь Микеринъ схоронилъ тѣло умершей любимой дочери своей, по словамъ Геродота, *пурпуровой мантией*. Изображеніе Озириса, по свидѣтельству Плутарха, было облечено въ *огненно-цѣтливую*, очевидно, *пурпуровую мантию*.

Весьма сходныя явленія повторяются и у балтійскихъ славянъ. Внутренняя ограда Арконскаго храма, по словамъ Саксона Грамматика, „состояла изъ четырехъ крѣпкихъ колоннъ, которыя, не соединяясь твердою стѣною, *ушишаны были коврами*“; кромѣ того, весь храмъ Святовита *ушишанъ былъ пурпуровою тканью*, „прекрасной, но уже истлѣвшей“. По словамъ того же автора, какъ самый храмъ Руевита, находившійся въ Кореницѣ, на островѣ Руянѣ, такъ и стоявшее въ передней части его капище (святилище), не имѣя стѣнъ, *завѣшаны были пурпуровою тканью*. За этой тканью скрывался идолъ Руевита, какъ ковчегъ завѣта въ скипинѣ, а впоследствии — въ Иерусалимскомъ храмѣ; „когда сорваны были *оба покрова*, говоритъ Саксонъ, то дубовый идолъ Руевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ“. Истуканъ Радегаста въ Ретрескомъ храмѣ, по словамъ Адама Бременскаго, былъ золотой, а ложе его изъ *пурпуровой ткани*. Въ числѣ сокровищъ, хранившихся въ Кореницкихъ капищахъ, какъ мы видѣли выше, были *пурпуровыя ткани*; въ сундукахъ, въ святилищѣ Святовита Арконскаго, по свидѣтельству Саксона, сохранялось „*много пурпуровыхъ одеждъ* (см. выше склады и запасы пурпуровыхъ тканей у восточныхъ царей), отъ ветхости гнилыхъ и худыхъ“. Последнее замѣчаніе показываетъ, что одежды эти, а равно и истлѣвшая пурпуровая завѣса въ самомъ храмѣ, уже

не возобновлялись въ эпоху Саксона, а составляли храмовое достояніе, унаслѣдованное съ давнихъ временъ. На истуканѣ Святовита Арконскаго была „верхняя одежда“, спускавшаяся до берцовъ. Можетъ быть, и эта одежда, о цвѣтѣ и качествахъ которой Саксонъ умалчиваетъ, была сдѣлана изъ пурпуровой ткани, какъ на идолахъ египетскихъ и ассирійско-вавилонскихъ. Замѣчу еще, что преданіе о балтійско-славянскомъ, замодозрѣнномъ въ подложности, богѣ Флинсѣ (Flyns) представляетъ его одѣтымъ въ *красную мантию*. Во всякомъ случаѣ важная роль, которую, очевидно, играли пурпуровыя ткани въ декораціи храмовъ, отчасти и идоловъ балтійскихъ славянъ, и совпаденіе этой чрезвычайно характеристической, единственной въ своемъ родѣ, черты съ тождественными явленіями на древнемъ востоцѣ заслуживаютъ полнаго вниманія.

В. Идолы.

Многіе древніе народы первоначально поклонялись богамъ своимъ *безъ идоловъ*. Объ отсутствіи идоловъ у пеласговъ, у персовъ свидѣтельствуетъ Геродотъ, у древнихъ италиковъ—Варронъ. У южныхъ славянъ вовсе не видно слѣдовъ почитанія идоловъ, у восточныхъ—боготвореніе истукановъ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ центрахъ цивилизаціи (Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ), при чемъ великолѣпные, по тогдашнему вкусу, истуканы, поставленные Владиміромъ на кіевскомъ холмѣ, вѣроятно, заимствованы были отъ балтійскихъ славянъ *).

Идолопоклонство вообще, вѣроятно, произошло изъ почитанія изображеній боготворимыхъ умершихъ предковъ и родичей, родовыхъ геніевъ, то-есть пенатовъ или домовыхъ боговъ. Въ втомъ смыслѣ разсуждаетъ уже Соломонъ: „Вымыслъ идоловъ — начало блуда“, говоритъ онъ, „и изображеніе ихъ—растлѣніе жизни. *Не было изъ вначалъ*, и не во вѣки они будутъ. Отецъ, терзающійся горькою скорбію о рано умершемъ сынѣ, *сдѣлавъ изображеніе, какъ уже мертвого челоука*, затѣмъ сталъ почитать его, какъ бога“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ о художникѣ, который, уподобивъ древесный сукъ образу челоука или животного, „устроивъ для него достойное его мѣсто, *повѣсилъ его на стѣнѣ, укряпивъ желѣзомъ*“. Послѣднія слова Соломона от-

*) Ср. Вож. др. слав. I, 76. 89.

носятся, очевидно, къ божествамъ, почитавшимся домашнимъ культомъ (на это указываетъ прикрѣпленіе идоловъ къ стѣнѣ жилища), то-есть къ *домовымъ богамъ* въ образѣ чловѣка, къ которымъ присоединяются уже и изображенія боготворимыхъ звѣрей. вѣроятно, служившихъ символами извѣстныхъ божествъ. Домовыми божками были, очевидно, тѣ золотые идолы, которые Рахиль похитила у отца своего Лавана (месопотамца), скрывъ ихъ подъ верблюжье сѣдло, на которое сама сѣла. Идолы эти составляли не общественную святыню, а принадлежали исключительно дому Лавана, были *его богами*, то-есть *домовыми богами*. Въ Хорсабадскомъ дворцѣ, подъ порогами дверей, найдены небольшія глиняныя *статуэтки*, изображающія разныхъ боговъ: Вила—въ украшенной бычачьими рогами тиарѣ, Нергала—съ львиной головой и др. Древнія надписи объясняютъ назначеніе этихъ фигурокъ, разставлявшихся въ разныхъ частяхъ дома: онѣ должны были *покровительствовать дому*, устранять отъ него враговъ и всякое зло.

О существованіи домовыхъ боговъ у балтійскихъ славянъ и чеховъ неоднократно свидѣлствуютъ средневѣковые писатели: Титмаръ говоритъ о жертвоприношеніяхъ, предлагавшихся *домовымъ богамъ*. По словамъ Гельмольда, *пенатами* (домовыми богами) и идолами была преисполнена страна Староградская. Козьма Пражскій говоритъ о *пенатахъ*, принесенныхъ Чехомъ, о самодѣльныхъ истуканахъ (вѣроятно, также служившихъ домовыми богами), которымъ еще въ его время (XII в.) поклонялись чехи. Быть можетъ, въ качествѣ пенатовъ же почитались и нѣкоторыя изъ *статуэтокъ*, добытыхъ при раскопкахъ на балтійскомъ побережьѣ (въ Вагрии, Штральзундѣ, Верхней Лужицѣ, Ней-Стрелицѣ) и въ Кёнигсгрецкомъ округѣ въ Богеміи. Ушки и выступы на нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣлствуютъ о томъ, что онѣ прикрѣплялись къ чему-то: вѣроятно—къ стѣнамъ комнатъ, въ качествѣ домовыхъ божковъ. Въ землѣ Редарей найдены и *маленькія изображенія быковъ*, которыя, быть можетъ, также служили предметами домашняго культа.

Переходя, затѣмъ, къ *общественнымъ идоламъ*, стоявшимъ у балтійскихъ славянъ въ рощахъ, на горахъ, холмахъ, площадяхъ и въ храмахъ, опять встрѣчаемъ необыкновенныя, неожиданныя аналогіи съ народами азіатскими. Авторы книгъ ветхаго завѣта весьма часто упоминаютъ объ идолахъ народовъ, жившихъ по сосѣд-

ству съ Израилемъ; изъ словъ ихъ видно, что идолы эти были доревянные или глиняные, обложенные мѣдью, серебромъ или золотомъ, иногда каменные, часто литые изъ металла, преимущественно изъ серебра или золота. „*Боговъ литыхъ* не дѣлайте себѣ“, говорилъ Господь Моусею. Оставленные филистимлянами истуканы были сожжены Давидомъ, слѣдовательно, они были *деревянные*. Точно такъ и Іуй *сжегъ* въ Самаріи статуи, вынесенныя изъ храма Ваалова, а Іосій сокрушилъ „*рѣзные и литые кумиры*“, поставленные въ Іерусалимѣ впавшимъ въ язычество народомъ. „Идола *выливаетъ* художникъ, и золотильщикъ *покрываетъ* его *золотомъ* и придѣлываетъ *серебряныя цѣпочки*“, говоритъ пророкъ Исаія. „Вырубають *дерево* въ лѣсу“, пишетъ пророкъ Іеремія, „обдѣлываютъ его руками плотника при помощи топора, *покрываютъ серебромъ и золотомъ*, прикрѣпляютъ гвоздями и молотомъ, чтобы не шаталось“. Навуходоносоръ сдѣлалъ *золотой* истуканъ, вышиною въ шестьдесятъ локтей, шириною въ шесть локтей. Валтасаръ и его вельможи, по словамъ пророка Данила, „пили вино и славили боговъ *золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ*“. О вавилонскомъ идолѣ Вила (Bilu, Bel) тотъ же пророкъ выражается такъ: „онъ внутри *глина*, а снаружи *мѣдь*“. Геродотъ и Діодоръ рассказываютъ о *золотыхъ* истуканахъ боговъ въ вавилонскомъ храмѣ Вила. Лукіанъ упоминаетъ о стоявшихъ въ гераполисскомъ храмѣ *золотыхъ* идолахъ бога и богини, которыхъ онъ называетъ именами Зевеса и Геры. Евреи, не разъ впадавшіе въ идолопоклонство, сооружали себѣ подобныхъ же боговъ въ образѣ *человѣка* или *тельца*. Діодоръ упоминаетъ о *мѣдномъ* идолѣ Крона (Ваала) въ Карфагенѣ. По словамъ Аппіана, колоссальный истуканъ коеонскаго (на сѣверномъ берегу Африки) храма былъ *вызолоченъ*. Древніе греки и этрусски также воздвигали богамъ своимъ, по примѣру азіатскихъ народовъ, *золоченые* или богато *украшенные золотомъ* истуканы.

Идолы балтійскихъ славянъ были также частью *деревянные*, частью *металлическіе*, *золотые* и *мѣдные* (о каменныхъ истуканахъ старинныя свидѣтельства умалчиваютъ). Первые нерѣдко были *колоссальной величины* и *украшены металлическими аттрибутами*. Идолы въ Гостыковѣ отличались невѣроятнымъ, по словамъ Эбона (XII в.), *изяществомъ отдѣлки* и были столь удивительной *величины*, что нѣсколько паръ быковъ едва могли сдви-

нуть ихъ съ мѣста. Кумиръ Святовита Арконскаго *превосходилъ роста человека*. Идолъ Руевита, по свидѣтельству Саксона, *толщиною* превосходилъ человѣческое тѣло, а *высока* былъ такъ, что Абсолонъ, принимавшій участіе въ разрушеніи его святилища, будучи самъ очень высокаго роста, едва могъ достать его подбородокъ ручнымъ своимъ топоромъ. Истуканъ Святовита Арконскаго держалъ въ рукѣ рогъ, сдѣланный изъ разныхъ *металловъ*; ножны и черенъ огромнаго меча его, кромѣ красивыхъ рѣзныхъ фигуръ, были украшены отличною *серебряною отдѣлкою*; щитъ Яровита Волегагастскаго былъ обтянутъ *золотомъ*. Идолъ, стоявшій въ одномъ изъ городовъ Вагрія, упоминаемый Видукиндомъ подъ именемъ Сатурна, былъ сдѣланъ изъ *меди*; идолъ Триглава въ Волини былъ *золотой*, другія небольшія изваянія волинскихъ боговъ были украшены *серебромъ и золотомъ*; истуканъ Радегаста въ Ретрскомъ храмѣ былъ *золотой*; идолъ Триглава въ Штетинѣ имѣлъ покрывавшую три лица его *золотую* повязку; истуканъ Черноглава (на островѣ Руянѣ) изображенъ былъ съ *серебряными* усами; у идола въ образѣ старца, описаннаго Масуди, голова была *золотая*.

Главными атрибутами боговъ балтійскихъ славянъ служили *мечъ* (у Святовита Арконскаго, Руевита Кореницкаго), *сѣкира* (у Радегаста бодричей), наконецъ, *щитъ* (у Яровита Волегагастскаго).— „Имѣеть мечъ въ правой рукѣ и *сѣкиру*“, говоритъ пророкъ Іеремія о богахъ вавилонскихъ.

„Вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ, золотыхъ в деревянныхъ, *носимыхъ на плечахъ*“... замѣчаетъ тотъ же пророкъ, „безногіе, они *носятся на плечахъ*“. Картину древне-ассирійской религіозной *процессіи съ истуканами боговъ* можно видѣть у Ларда (Lajard: The monum. of Ninev.). Тамъ же изображена военная сцена взятія города штурмомъ. Въ одномъ изъ угловъ картины войны, очевидно, изъ числа осаждающихъ непріятельскій городъ, *несутъ на плечахъ нѣсколько идоловъ*. Объ обрядномъ *ношеніи изображеній боговъ* въ Гераполисѣ, въ Сиріи, упоминаетъ Лукіанъ.

Балтійскіе славяне также *носили изображенія боговъ* своихъ передъ войскомъ, отправляясь въ походъ. Лютичи, по свидѣтельству Титмара, „слѣдовали за своими *богами*, которые имъ *предшествовали*“. По словамъ того же автора, славяне, въ числѣ 30

частью пѣшихъ, частью конныхъ отрядовъ, разрушили непріятельское имущество, *при помощи своихъ боговъ*. И эти слова слѣдуетъ понимать такъ, что названные войны шли въ бой, *неся съ собою своихъ боговъ*.

Въ то время какъ всё до сихъ поръ разсмотрѣнныя черты идоловъ (и храмовъ) балтійскихъ славянъ тѣсно сближаютъ ихъ съ соответствующими предметами культа древнихъ восточныхъ народовъ семитскихъ или подчиненныхъ семитскому вліянію, въ нихъ проявляется одна весьма характеристическая черта древне-арійская, а именно—многія балтійско-славянскія божества изображались о *нѣсколькихъ головахъ* или *лицахъ*: Триглавъ имѣлъ *три головы* или *три лица*, Святovitъ—*четыре головы*, Руевитъ—*семь лицъ*, Поревитъ—*пять головъ*, Поренуть *четыре лица* (и *пятое на груди*). *Многочлівіе* боговъ можетъ быть прослѣжено у многихъ народовъ арійскаго племени.

Одинъ изъ древнѣйшихъ боговъ, упоминаемыхъ въ Ведахъ, былъ *Триглавъ* (трисивось). *Трехголовыми* являются у древнихъ грековъ пеласгійскій богъ Гермесъ и еракійская богиня Геката; у кельтовъ—Сегниппос; у балтійскихъ славянъ—Триглавъ. Подробнѣе о трехглавахъ и тройственныхъ богахъ я говорю въ другомъ очеркѣ: „Кто былъ Троянъ и т. д.“? *Четырехлицыми* представлялся Варуна въ Ведахъ, позже изображались Брама, Вишну, Рава у индійцевъ; *четырехлицымъ* (позже *двулицымъ*) представлялся и изображался Янусъ у древнихъ италиковъ, *четырехголовымъ*—Святovitъ у балтійскихъ славянъ, имѣвшій храмы во многихъ мѣстахъ. Пространное разсужденіе о Святovitѣ помѣщено въ моей книгѣ: „Бож. др. слав.“ I, 126—139. Нагроможденіе въ изображеніяхъ божествъ головъ или лицъ (какъ въ Инціи, кромѣ того, еще нагроможденіе рукъ, ногъ) имѣло, несомнѣнно, аллегорическое значеніе.

В. Верховный жрецъ.

Изъ святилищъ балтійскихъ славянъ наибольшимъ почетомъ и извѣстностью пользовалось святилище Святовита Арконскаго на островѣ Руянѣ. Оно служило главнымъ, первенствующимъ религіознымъ центромъ всѣхъ балтійскихъ славянъ. Жрецъ Арконскаго храма, по свидѣтельству Саксона Грамматика, *вопреки обыкновенію стражи, не стригъ ни головы, ни бороды*. Онъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ,

несомнѣнно, древней традиціи, о которой упоминается уже въ законѣ Моисеевомъ, преписывающемъ назареймъ не обстригать волосъ: „если мужчина или жепщина рѣшится дать обѣтъ назарейства, чтобы посвятить себя въ назареи Господу, то... во всѣ дни обѣта назарейства его *брита не должна касаться головы его., долженъ растить волосы на головѣ своей*“.

Тотъ же *жрецъ*, по свидѣтельству Гельмольда, *почитался народомъ выше князя*.— Это опять характеристическая черта, встречающаяся у народовъ древняго востока. „Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ Сиріи и Персіи“, замѣчаетъ Мори, „тѣмъ болѣе проявляется преобладаніе еократической формы правленія. *Верховный жрецъ* въ культахъ многочисленныхъ божествъ восточнаго происхожденія является вмѣстѣ съ тѣмъ и *главою страны*“.

Такъ напр., жрецъ Аванты въ Целѣ (Понтійской провинціи) въ древности обладалъ здѣсь *верховнымъ авторитетомъ*; жрецу богини Ма въ Команѣ (въ Каппадокіи) жители *повиновались болѣе*, чѣмъ управлявшему ими царю; въ Марименѣ (въ Каппадокіи же) жрецъ бога, вазывавшагося греками Зевесомъ, игралъ послѣ жреца команскаго *первую роль* въ данной провинціи.—Высокое, первенствующее значеніе верховнаго жреца Руянъ опять является, слѣдовательно, основнымъ на древнихъ восточныхъ преданіяхъ.

Г. Загадочныя параллели.

Изъ всего вышеизложеннаго нельзя не вывести заключенія, что своеобразный языческой культъ балтійскихъ славянъ, столь рѣзко отличающійся во многихъ отношеніяхъ отъ культовъ прочихъ славянъ, заключаетъ въ себѣ множество элементовъ семитскихъ и отчасти малоазійскихъ, проникшихъ сюда путями, вовсе еще не изслѣдованными, но отрицать которые невозможно, въ виду несомнѣнныхъ, достовѣрныхъ фактовъ, записанныхъ современными лѣтописцами, которые не могутъ быть подозрѣваемы въ сообщеніи праздныхъ измышленій о предметахъ и явленіяхъ, ими видѣнныхъ и тщательно отмѣченныхъ. Балтійско-славянскіе храмы, какъ мы видѣли, и по плану своей постройки, и по украшеніямъ стѣнъ и воротъ, и по заключающимся въ нихъ сокровищамъ, наконецъ, по украшавшимъ ихъ пурпуровымъ завѣсамъ и складамъ пурпуровыхъ одеждъ, представляютъ поразительное сходство съ храмами

(идворцами) народовъ передней и Малой Азіи. Идолы балтійскихъ славянъ, независимо отъ широко развитаго въ нихъ древнеарійскаго принципа многоглавія, представляютъ не менѣе удивительное сходство съ идолами тѣхъ же азіатскихъ народовъ. То-же замѣчено было и относительно важнаго значенія верховнаго жреца.

Остановлюсь еще на нѣкоторыхъ, не менѣе интересныхъ параллеляхъ. При разсмотрѣніи значенія *Святовита Арконскаго* (Бож. др. слав. I, 126 и сл.) я провелъ параллель между этимъ богомъ и греко-римскимъ Геракломъ — Геркулесомъ. По той роли, которую онъ игралъ въ прибалтійской области, Святовитъ Арконскій сближается и съ финикійскимъ Геракломъ — *Мелкартомъ*, знаменитымъ святилища котораго находились въ Тирѣ, Гадирѣ (Кадиксъ) и др. мѣстахъ. Какъ святилище Мелкарта въ Гадирѣ пользовалось въ своемъ районѣ громкою извѣстностью, служило цѣлью паломничества изъ далекихъ мѣстъ, предметомъ почитанія и другихъ народовъ, такъ и Арконскій храмъ на островѣ Руняи служилъ не только главнымъ религиознымъ центромъ для всего прибалтійскаго славянства, но пользовался вмѣстѣ съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ и среди другихъ народовъ: кумиру Святовита Арконскаго, по словамъ Саксона Грамматика, давали дань не только вся славянская земля (разумеется, прибалтійская), но даже сосѣдніе государи посылали ему подарки, „предпочитая чужую вѣру своей“.

Видукиндъ видѣлъ въ одномъ изъ городовъ Вагрии *мѣдный истуканъ Сатурна* (Крона). — По свидѣтельству Діодора, въ Кароагенѣ стоялъ *мѣдный идолъ Крона* (Ваала). Между прочими божествами балтійскихъ славянъ игралъ одну изъ главнѣйшихъ ролей *Радегастъ*, имѣвшій святилища въ Ретрѣ, землѣ Редарей, а также и въ землѣ Бодричей. По преданіямъ, сообщеннымъ Бангертомъ и другими авторами, идолъ *Радегаста бодричей* въ лѣвой рукѣ держалъ *стѣкуру о двухъ лезвіяхъ*, т.-е. нѣчто вроде *алебарды*. Имя Радегастъ, сближаемое съ *рат* (серб.), *ратъ* (русск.), значитъ „*ратный* гость“, „*ратный* богъ.“ — У Карійцевъ (собственно Каріей называлась береговая область въ югозападномъ углу Малой Азіи) находимъ бога, по свидѣтельству Геродота, спеціально этому народу свойственнаго, извѣстнаго у греческихъ писателей подъ именемъ *Завеса ратнаго* (*Zeus stratiotes*); онъ назывался также *алебарднымъ*, вслѣдствіе того, что истуканъ его держалъ въ рукѣ *стѣкуру о двухъ лезвіяхъ* или *алебарду* (отъ лидій-

скаго слова *Labrys*). Оба *ратные, алебардные боги*, на берегахъ одинъ—Эгейскаго, другой—Балтійскаго морей, представляютъ совпаденіе довольно интересное.

У ближайшихъ западныхъ сосѣдей балтійскихъ славянъ, германцевъ, пользовались особеннымъ почетомъ *мечевые боги*, боги *меченосцы* (*Zio* или *Tug*, *Saxnôt*, *Heru* и др.). Мечъ, какъ и другія острыя оружія (копье, стрѣла и др.), въ первоначальномъ миеологическомъ значеніи своемъ служилъ символомъ свѣтового луча, свѣта. Вооруженный мечомъ, копьемъ и пр. свѣтовой богъ, какъ побѣдитель тьмы, получалъ *воинственный* характеръ. Мечевые боги германцевъ, воинственные по своему характеру, отождествлялись писателями съ *Марсомъ или Аресомъ, богами войны*. Германскій *Heru* тѣсно сближается съ балтійско-славянскимъ *Геровитомъ* (*Herovitus*) или *Яровитомъ*, почитавшимся въ Гавельбергѣ и Волегасть. Подобно германскимъ мечевымъ богамъ, и Яровить считался *богомъ войны*; по словамъ Герборда, Яровить „по латыни называется *Марсамъ*.“—Опять встрѣчаемъ въ Каріи, специально этой странѣ свойственнаго *бога-меченосца*, называвшагося греками Зевесомъ *златомечнымъ* (*Zeus Chrysaogeus*) и представляющаго интересную параллель съ мечевыми богами прибалтійскими.

Къ числу наиболѣе характеристическихъ божествъ лелего-карійскихъ (лелеги—народъ близко-родственный, если не тождественный карійцамъ) принадлежала *богиня-кормилица*, *богиня-мать всей живой природы*, знаменитое, пользовавшееся громкою извѣстностью святилище которой находилось въ Эфесѣ, нѣкогда принадлежавшемъ лелегамъ. Греки называли эту богиню *Артемидой эфесской*. Изображеніе этой богини отличалось тѣмъ, что *вся зрудь ея была покрыта многочисленными сосками*, служившими символомъ питательной, плодоносной ея природы. Культъ Артемиды эфесской, высоко почитавшейся и греками, распространился по всей Фригіи и Каріи, также во многихъ мѣстахъ Греціи, отсюда перешелъ въ Массилію, а отсюда массилійскими колонистами перенесенъ въ разныя мѣста Иберіи. Въ Римѣ сходный съ многососковымъ образомъ Артемиды эфесской видъ имѣла Діана авентинская.—Среди вендовъ (остатки прибалтійскаго славянства) сохранилось преданіе о подобной же богинѣ, по имени *Цица*, что значитъ сосокъ. По свидѣтельству разныхъ старинныхъ авторовъ, записавшихъ древнее вендское преданіе о Ципѣ, это была *богиня-кормилица, мать-кор-*

милаца, *мать-земля*, подательница *плодородія*; она изображалась, какъ и Артемида эфесская, съ *множествомъ сосковъ* на груди. Ей поклонялись съ особеннымъ благоговѣніемъ бесплодная женщины. Она пользовалась особымъ почитаніемъ въ городѣ *Цейцъ* (Zeitz, въ Мерзебургскомъ округѣ), получившемъ свое названіе отъ имени *Цица*.

Укажу еще на одинъ изъ интересныхъ міеологическихъ образовъ лелего-карійскихъ, а именно на *Эндиміона*, прекраснаго юношу, генія ночи и глубокаго сна: онъ спалъ непробуднымъ сномъ, *сокрытый* въ горной пещерѣ, гдѣ еженочно посѣщала его влюбленная въ него заходящая богиня луны, Селена. Имя юнаго бога производится отъ *ἐν-δύω*, что значитъ *погружаюсь* во что-нибудь. — Въ числѣ кореницкихъ боговъ на островѣ Руянѣ опять находимъ міеологическую личность, по имени своему буквально совпадающую съ Эндиміономъ. Это — *Поренуть*; имя его сближается съ *поронуть* (серб.), *ponogiti* (чеш.) — *погрузиться*, означающими буквально то же, что *ἐν-δύω*. Поренуть, однако, самъ обнаруживаетъ лунную природу и представляетъ, какъ по существу своему, такъ въ особенности по внѣшнему виду, уже значительное отступление отъ соименнаго ему лелего-карійскаго оригинала.

Ограничиваюсь приведенными параллелями, указывающими на какую-то связь культа балтійскихъ славянъ съ древнѣйшими религиозными преданіями восточныхъ народовъ, какъ арійскаго, такъ и семитскаго племенъ. Своеобразныя, однимъ балтійскимъ славянамъ свойственныя черты культа, а именно: храмы опредѣленной архитектуры, съ ихъ украшеніями, пурпуровыми завѣсами, золотые, мѣдные или украшенные золотыми и серебряными атрибутами идолы, сословіе жрецовъ, — черты, какъ будто бы непосредственно заимствованныя изъ семитскаго міра; божества, сближающіяся частью съ древне-семитскими: Святovitъ (Мелкартъ), Сатурнъ (Кровъ-Вааль), частью съ лелего-карійскими: Радегастъ (Зевесъ ратный), Яровитъ (Зевесъ златомечный), Поренуть (Эндиміонъ), Цица (Артемида эфесская), — все это наводитъ на предположеніе, что балтійскіе славяне развились и жили при совершенно ивыхъ условіяхъ, чѣмъ прочіе ихъ соплеменники. Если бы они принесли съ собою съ востока на балтійское побережье всѣ упомянутыя преданія (при чемъ странно было бы предположить, что они *одни* изъ всѣхъ славянъ сохранили, практически примѣнили и развили

эти преданія на новомъ мѣстѣ своего поселенія), то слѣдовало бы ожидать встрѣтить центры идолопоклонства внутри страны, занятой балтійскими славянами; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, главнѣйшіе, наиболѣе прославившіеся центры идолослуженія расположены почти исключительно на островахъ и берегахъ Балтійскаго моря: на островахъ Руянѣ (святилища Святовита Арконскаго, Руевита, Поревита, Поренута Коренницкихъ), Волянѣ (Триглавъ и другіе малые и большіе идолы) и въ *прибрежныхъ городахъ*: Штетинѣ (Триглавъ), Староградѣ, Ростокѣ, Волегаствѣ, Гостыковѣ, Колобрегѣ и др. Все это приводитъ къ предположенію, что указанныя черты культа балтійскихъ славянъ, столь разительно отличающія ихъ отъ другихъ, соплеменныхъ имъ народовъ и въ то же время сближающія ихъ съ отдаленными, чуждыми имъ восточными народами, не составляли исконнаго ихъ достоянія, а заимствованы, восприняты ими уже на новомъ мѣстѣ своего поселенія отъ какихъ-нибудь предшествовавшихъ славянамъ обитателей балтійскаго побережья, прибывшихъ сюда съ береговъ Эгейскаго и Средиземнаго морей, въ доисторическія времена, морскимъ путемъ, и основавшихъ на островахъ и берегахъ Балтійскаго моря торговыя поселенія и религіозныя центры, впоследствии сдѣлавшіеся достояніемъ пришельцевъ-славянъ. Слившись съ застигнутымъ ими на балтійскомъ побѣрежѣ населеніемъ, славяне восприняли отъ нихъ не только уже готовыя, выработанныя формы культа, но и своеобразныя черты характера: въ отличіе отъ прочихъ соплеменниковъ своихъ, миролюбивыхъ и кроткихъ, балтійскіе славяне сами сдѣлались отважными мореплавателями, храбрыми воинами на морѣ и на сушѣ, грабителями, жестокими, лютыми, кровожадными. Разумѣется, данное объясненіе своеобразнаго развитія культуры и права балтійскихъ славянъ — не болѣе, какъ предположеніе, гипотеза, требующая фактическаго подтвержденія. И кто могли быть эти предполагаемые предшественники славянъ на балтійскомъ побережѣ?

Разсмотрѣнію этого вопроса посвященъ будетъ мною особый очеркъ.

Александръ Фаминцынъ.

НЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИРГИЗСКАГО НАРОДА.

Вопросъ о происхожденіи киргизовъ, этого почти исключительно степного народа, доходящаго своею численностью до трехъ милліоновъ душъ, какъ оно и понятно, уже не разъ возбуждалъ интересъ на столбцахъ преимущественно періодической печати. Разнородныя мнѣнія, высказываемыя многочисленными авторами, страдали часто тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что интересовавшіеся происхожденіемъ киргизскаго народа искали, такъ сказать, начало его во временахъ крайне отдаленныхъ, даже древнихъ. Между тѣмъ мы не имѣемъ никакихъ фактическихъ основаній приписывать киргизамъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, болѣе раннее происхожденіе, чѣмъ середина XV в. Тѣ смутныя свѣдѣнія, которыя даются Фирдоуси въ XI в. и еще раньше Константиномъ Порфиророднымъ (въ X в.) о «казакахъ», «казакіи» и «ханахъ казакскихъ», — далѣе, четырехсотлѣтній промежутокъ (отъ XI до XV в.) полного отсутствія упоминанія о киргизахъ (казакахъ) — не позволяютъ приписывать имъ болѣе древняго происхожденія и ставить «казаконъ», упоминаемыхъ Фирдоуси и Константиномъ ¹⁾ съ «казаками» XV вѣка въ какую-либо серьезную генетическую связь. Съ другой стороны, почтенные историческіе факты, указывающіе на происхожденіе современныхъ киргизовъ именно въ половинѣ XV в., и историческія указанія на ихъ непрерывное существованіе вплоть до нашихъ дней — не позволяютъ сомнѣваться во времени возникновенія интересующей насъ народности.

¹⁾ Потоцкій (Comte Jean Potoski. — Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829) предполагаетъ, что обитателями Казакіи (Константина) были касоги, которыхъ, вѣроятно, вытѣснилъ Метиславъ.

О происхожденіи казаковъ, т.-е. киргизовъ, какъ привыкли мы ихъ называть, упоминается въ существующемъ письменномъ памятникѣ, посвященномъ въ значительной своей части именно имъ. Этотъ памятникъ есть сочиненіе Тарихи-Рашиди, писанное на персидскомъ языкѣ отъ 1541 (-2) до 1546 (-7) г. (978—953 хеджры) Мухаммедомъ-Хайдеромъ-гуреканомъ¹⁾. Тѣ свѣдѣнія,

1) Вотъ что пишетъ В. Вельяминовъ-Зерновъ въ своемъ „Наслѣдовавіи о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ (ч. II. СПб. 1886 г.), у котораго мы пользовались переводомъ означеннаго персидскаго сочиненія, о немъ и его авторѣ. Первая часть содержитъ въ себѣ очеркъ исторіи отрасли Джагатаидовъ, происшедшей отъ Тоглукъ-Тимуръ-хана. Очеркъ доведенъ до кончины одного изъ потомковъ Тоглукъ-Тимура Султанъ-Сандъ-хана (умершаго въ зуль-хидже въ 939 г., т.-е. въ іюль 1533 г.), внука Юнусъ-хана и сына Султанъ-Ахмедъ-хана (Алача-хана), воевавшего съ Шейбани-ханомъ, известнымъ основателемъ династіи бухарскихъ Шейбанидовъ, внукомъ знаменитаго Абуль-Хайръ-хана. Въ концѣ этой первой части находится еще нѣсколько свѣдѣній о сынѣ и преемникѣ Султанъ-Сандъ-хана, Абд-ур-рашидъ-ханѣ, владѣльцѣ кашгарскомъ и яркендскомъ, въ честь котораго, между прочимъ, и названо сочиненіе Тарихи-Рашиди. Вторая часть заключаетъ въ себѣ автобіографію сочинителя и подробное изложеніе событій, которыя случились въ его время или которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ. Тарихи-Рашиди, въ особенности вторая часть его, составляетъ трудъ весьма замѣчательный. Это — источникъ единственный въ своемъ родѣ для позднѣйшей исторіи Джагатаидовъ. Почти все, что Мухаммедъ-Хайдеръ пишетъ, ново и въ высшей степени любопытно. Разсказъ его всегда добросовѣстенъ и отчетливъ. Впрочемъ, этихъ достоинствъ и слѣдовало ожидать отъ автора Тарихи-Рашиди. Самое оцѣбственное положеніе его давало ему возможность знать происшествія и изображать ихъ въ настоящемъ видѣ. Мухаммедъ-Хайдеръ, изъ рода Дуглавъ, принадлежалъ къ знатному роду, который уже при Чингисѣ былъ славенъ, а при Джагатаидахъ возвысился еще болѣе. Члены этого дома долгое время правили Кашгаромъ, Яркендомъ, Аксу и другими окрестными мѣстами. Близкія сношенія ихъ съ ханскимъ домомъ поддерживались и брачными союзами, доказательствомъ чего служитъ титулъ *гурекана*, носимый многими изъ нихъ. При Тоглукъ-Тимурѣ и его первыхъ наслѣдникахъ предки Мухаммедъ-Хайдера утвердили за собой и право на важное званіе улусъ-биковъ. Первыми улусъ-биками при Тоглукъ-Тимурѣ были Тулекъ и Булачи, родные братья Каиръ-ад-дина, прославившагося войнами своими съ великимъ Тимуромъ. Отъ Эмира Булачія и происходилъ по прямой линіи авторъ Тарихи-Рашиди. Онъ былъ, какъ онъ самъ пишетъ про себя, сынъ Мухаммедъ-Хусейнъ-гурекана (отъ третьей дочери Юнусъ-хана — Хубъ вигаръ-ханумы, родной тетки знаменитаго Бабера), сына Мухаммедъ-Хайдеръ-гурекана, сына Эмира Сендъ-Алія, сына Сендъ-Ахмеда, сына Эмира Худайдала, сына Эмира Булачія. Самъ Мухаммедъ-Хайдеръ или, какъ онъ звался, просто Хайдеръ-Мирва, родился въ 905 (1499—1500) г. Онъ очень

которыя даетъ этотъ авторъ, совершенно новы и въ высшей степени интересны. Вотъ что можно извлечь изъ его сочиненія о происхожденіи казаковъ (т.-е. современныхъ киргизовъ).

Въ то время когда въ Дешть-Кипчакъ, занятомъ всецѣло Узбеками, ханомъ былъ Абуль-Хайръ, то двое изъ султановъ рода Джучи-хана, по имени Джанибекъ и Гирей, опасаясь преслѣдованій со стороны Абуль-Хайра, бѣжали изъ Дешта въ Моголистанъ, приблизительно въ 1456 г. (860 хеджры). Исабуга-ханъ, властвовавшій тогда въ Моголистанѣ, принялъ ихъ охотно и отвелъ имъ земли на западѣ Моголистана, а именно въ Джу и Козыбаши. Когда Абуль-Хайръ-ханъ умеръ, то въ Узбекскомъ улусѣ поднялись смуты и неудовольствія; большое количество народа откочевало къ Гирею и Джанибеку, такъ что въ скоромъ времени вокругъ нихъ собралось до 200000 человекъ, а узбекскій улусъ пришелъ въ упадокъ. Такъ какъ Гирей и Джанибекъ сами, а потомъ и большая часть собравшагося вокругъ нихъ народа были бѣглецы, скитавшіеся нѣкоторое время безъ пріюта, то ихъ и прозвали «казаками» ¹⁾.

рано потерялъ отца своего Мухаммедъ-Хусейна, который былъ убитъ въ 914 (1508) г. по приказанію Шейбани-хана. По смерти отца Хайдеръ жилъ одно время (915=1509 до 918=1512 г.) у двоюроднаго брата своего Зешр-ед-динъ-Бабера. Затѣмъ въ 918 (1512) г., тринадцати лѣтъ отъ роду, отбѣжалъ онъ къ другому двоюродному брату своему Султанъ-Сандъ-хану; около двадцати лѣтъ оставался онъ при ханѣ, былъ женатъ на его родной сестрѣ и стяжалъ при немъ славу унаго совѣтника и полководца. Вскорѣ послѣ кончины Султанъ-Сандъ-хана, Мухаммедъ-Хайдеръ, опасаясь Абд-ур-рашидъ-хана, удалился въ Лагоръ къ сыну Бабера Камранъ-Мирзѣ. Отъ него впоследствии онъ перешелъ къ брату его Гумаяну. Какъ Камранъ, такъ и Гумаянъ высоко цѣнили его достоинства. Черезъ нѣсколько времени Гумаянъ, разбитый Ширъ-ханомъ, отправилъ Мухаммедъ-Хайдера въ Кашмиръ. Страна эта уже была равъ у него въ рукахъ въ 939 (1533) г., когда онъ служилъ еще Султанъ-Сандъ-хану. Хайдеръ овладѣлъ скорѣ всену всю страну и тамъ основалъ свое пребываніе въ качествѣ почти независимаго правителя. Въ своихъ владѣніяхъ онъ присоединилъ и Тибетъ. Лѣтъ чрезъ десять послѣ занятія Кашмира Мухаммедъ-Хайдеръ былъ убитъ.

¹⁾ Какъ извѣстно, большинствомъ авторовъ слово «казаки» толкуется именно въ этомъ смыслѣ; такъ, напримѣръ, Вамбери переводитъ это слово какъ странникъ или бродяга. Происхожденіе «казака» (киргиза) отъ волянаго степного человѣка видно между прочимъ, какъ кажется намъ, и изъ нижеслѣдующаго преданія киргизовъ о ихъ происхожденіи. Нѣкто Калча-Кадыръ, одинъ изъ военачальниковъ боевыхъ людей, проходившихъ съ какими-то

Начало господства казаковъ относить Мухаммедъ-Хайдеръ приблизительно къ 1465 (-6) году (870 хеджры). Изъ двухъ братьевъ и основателей казацкаго народа Гирей былъ старшій; послѣ него ханскій престолъ унаслѣдовалъ его сынъ Бурундукъ; послѣ Бурундука слѣдовалъ сынъ Джанибека Касимъ. Касимъ, какъ младшій братъ (собственно двоюродный братъ), сначала покорялся Бурундуку, но съ теченіемъ времени его популярностъ (вѣроятно, благодаря военной доблести) среди народа увеличилась и достигла, наконецъ, того, что Бурундукъ остался всѣми покинутый, былъ изгнанъ, и престоломъ завладѣлъ Касимъ. При этомъ умномъ ханѣ поднялось могущество казаковъ такъ, что его имя наводило страхъ на сосѣдей, и Мухаммедъ-Хайдеръ находить возможнымъ говорить, что послѣ Джучи-хана не было столь могущественнаго въ Дешть-Кипчакъ, какъ Касимъ; онъ умеръ въ 1518 году (929 хеджры), и съ его смертію на время блекнетъ и сила и слава казаковъ. Касиму наслѣдовалъ его сынъ Мамашъ, послѣ Мамаша ханствовалъ племянникъ Касима Тагиръ, а затѣмъ братъ послѣдняго Буйдашъ, который въ 1533 (-4) году (940 хеджры) умеръ. — Характерно то, что могущество казаковъ, сколько можно понять изъ словъ Мухаммедъ-Хайдера, обуславливалось притокомъ новыхъ кочевниковъ, такъ же, какъ и упадокъ ихъ власти — уходомъ многихъ приверженцевъ: такъ означенный авторъ говорить послѣ того, какъ онъ упоминаетъ, что у Касима было болѣе милліона подданныхъ, что во время Буйдашъ-хана казаковъ было не болѣе двадцати тысячъ, а затѣмъ, что послѣ смерти

завоевателями черезъ степь, отсталъ отъ войска и умеръ отъ голода и жажды, но былъ спасенъ спустившейся съ неба бѣлой гусыней (каз-ак). Вступивъ съ этой бѣлой гусыней (каз-ак) въ бракъ, Калча-Кадыръ сдѣлался родоначальникомъ казаковъ, т. е. кыргизовъ (И. Казанцевъ: Описаніе кыргизъ-кайсака. СПб. 1867 г.). Естественно, что вольные люди неоднократно появлялись во время разныхъ переворотовъ въ степи, и казаки (т. е. подобные давшимъ начало современнымъ кыргизамъ), о которыхъ мы говоримъ, конечно, не были первыми въ исторіи тюрковъ, такъ какъ таковыя, вѣроятно, существовали въ различныхъ времена въ смыслѣ недовольныхъ и бѣглецовъ отъ существующаго строя; но другимъ не удалось оставить послѣ себя слѣдовъ и образовать народностъ, подобную казакамъ Гирей и Джанибека. Что слово „казакъ“ слѣдуетъ понимать именно въ смыслѣ вольнаго, бродячаго челоука, повидимому, подтверждается и тѣмъ, что и наше казачество, воспринявъ тюркское слово и, вѣроятно, сохранивъ его въ его первоначальномъ смыслѣ, именно представляло бродячій элементъ независимыхъ людей.

Буйдашъ-хана они совсѣмъ исчезли. Послѣднее, конечно, не слѣдуетъ понимать буквально: казаки не исчезаютъ, но теряются, благодаря своей малочисленности; про нихъ нѣкоторое время мало слышно. Эта была тяжелая година для казаковъ, которая продолжалась лѣтъ двадцать или тридцать послѣ смерти Касима; имъ приходилось даже до того плохо, что они вынуждены были неоднократно искать убѣжища у своихъ враговъ ногайцевъ, какъ объ этомъ пишетъ, напр., ногайскій князь Сейдякъ Ивану IV; но въ дни силы, наоборотъ, они тѣснили ногайцевъ, подчиняли калмыковъ. Когда собственно началось возрожденіе казаковъ—сказать вполне точно очень трудно; но тѣмъ не менѣе существуютъ основанія, позволяющія предполагать, что оно произошло до 1570 года и что главнымъ лицомъ и первымъ дѣятелемъ по возрожденію казаковъ былъ Хаккъ-Назаръ-ханъ, такъ какъ наиболѣе важные факты изъ исторіи казаковъ, какъ, напримѣръ, раздѣленіе казаковъ на три орды, приписываются ему¹⁾.

Что казаки послѣ 1553 года, т.-е. послѣ смерти Буйдашъ-хана (вопреки словамъ Мухаммедъ-Хайдера), не исчезли, существуютъ весьма вѣскія историческія данныя, а именно: уже послѣ 1517 года (вплоть до нашихъ дней) мы имѣемъ непрерывныя свѣдѣнія о казакахъ изъ европейскихъ и нашихъ русскихъ источниковъ. Такъ, Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 годахъ, упоминаетъ о «казачьей ордѣ»; далѣе, посолъ Іоанна Грознаго Данила Губинъ, бывшій у ногайцевъ въ 1534 году, доноситъ царю, что «казаки, сказываютъ, добре сильны и, сказываютъ, государь, Ташкентъ воевали»; затѣмъ, Дженкинсонъ, бывшій въ Бухарѣ въ 1558 и 1559 годахъ, пишетъ, что ташкентцы находились въ его время въ войнѣ съ казаками. Въ 1569 году, какъ пишетъ Семенъ Мальцевъ (посолъ Іоанна IV у ногайцевъ), напали на ногайскій улусъ казацкія орды хана Акназара (Хаккъ-Назара), а въ 1574 году дана была Строгановымъ грамота на безошливную торговлю съ казацкою ордою.

Мы должны отмѣтить въ описаніи Мухаммедъ-Хайдера двѣ наиболѣе любопытныя нити: съ одной стороны то, что казаки, т.-е. современные киргизы или, какъ ихъ называютъ, киргизъ-кайсаки

1) На основаніи этого, повидимому, Хаккъ-Назара слѣдуетъ отождествить съ Акъ-Ніазомъ.

или киргизъ-казаки, ничто иное какъ политически цѣльное, но этнографически и антропологически разное племя, состоящее изъ разныхъ элементовъ, — а съ другой стороны, что киргизы получили свое начало отъ узбекскаго улуса, и, слѣдовательно, насъ не можетъ удивлять близкое сходство — тѣсная связь, между тѣми и другими, которое выражается первымъ дѣломъ въ общности многихъ родовыхъ именъ, какъ то: *камлы, найманъ, арынгъ, каштамалы, кун-кратъ, кирейтъ, табынъ, тама, кипчакъ, тасъ* и др.; насколько Мухаммедъ-Хайдеръ считаетъ своихъ казаковъ узбекскаго происхожденія, видно уже изъ того, что онъ ихъ называетъ узбеками-казаками ¹⁾.

Интересно то, что происхожденіе киргизовъ изъ сбродныхъ, такъ сказать случайныхъ, элементовъ подтверждается ихъ собственными преданіями. По однимъ изъ нихъ киргизы считаютъ себя выходцами изъ Туркестана, по другимъ — изъ Крыма; иные преданія передаютъ, будто киргизы пришли съ Евфрата, другія преданія утверждаютъ, что киргизы составляли нѣкогда одно племя съ сибирскими татарами-алатами. Есть преданія, согласно которымъ киргизы произошли отъ ногайцевъ, жившихъ на Волгѣ. Киргизы же Тургайской области считаютъ себя происшедшими отъ ногайцевъ; бѣжавшихъ (при преслѣдованіи калмыками) въ Уральскія горы; отъ этихъ послѣднихъ ногайцевъ, говоритъ преданіе, произошли не только киргизы, но и башкиры и каракалпаки.

Мы выше указали на общность родовыхъ именъ у киргизовъ и узбековъ; слѣдуетъ вообще замѣтить, что многія родовыя имена повторяются у разныхъ тюркскихъ племенъ, какъ, напр., у туркменъ, каракиргизовъ, алтайскихъ тюрковъ, каракалпаковъ и башкиръ (и киргизовъ съ узбеками). Въ послѣдующемъ изложеніи мы неоднократно будемъ сталкиваться съ разнообразными именами родовъ, которыя встрѣчаются одновременно у разныхъ современныхъ на-

¹⁾ Здѣсь у мѣста указать, что киргизы-букеевцы называютъ ногайцевъ, составляющихъ въ настоящее время киргизскій родъ въ Букеевской степи „ногай-казакъ“ (см. „Киргизы Букеевской орды“, в. I., стр. 36). По словамъ Н. И. Гродекова („Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской об., т. I — юридическій бытъ“. Ташкентъ 1889 г.), современные киргизы Сыръ-Дарьинской области, во-первыхъ, сами себя признаютъ узбекскаго племени, а во-вторыхъ, преданіе о томъ, что они произошли изъ частей разныхъ узбекскихъ племенъ, живетъ еще въ устахъ современнаго народа.

родовъ. Это частое повтореніе родовыхъ именъ и одновременная ихъ разбросанность среди различныхъ тюркскихъ племенъ ¹⁾ позволяетъ вообще держаться того мнѣнія, что древніе тюрки въ теченіе своей многовѣковой жизни неоднократно дробились, заносились въ самыя разнообразныя страны и, соединяясь, впоследствии образовали современныя группы, которыя въ корнѣ имѣютъ подчасъ если и не тождественное, то весьма близкое происхожденіе, которыя генетически всѣ болѣе или менѣе связаны между собой и антропологическая рознь которыхъ обуславливается съ одной стороны разнымъ процентнымъ содержаніемъ отдѣльныхъ элементовъ, а съ другой воспринятіемъ разныхъ чуждыхъ элементовъ извнѣ, а именно элементовъ монгольскихъ, финскихъ, иранскихъ и другихъ. Останавливаясь на родахъ тюркскихъ племенъ, мы постоянно сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ однихъ и тѣхъ же, среди которыхъ наиболѣе часто встрѣчаются *кипчаки*, *найманы*, *киргизы*, *татары*, *уйгуры* и др. Не говоря уже о томъ, что между родовыми именами киргизовъ и узбековъ (какъ, впрочемъ, уже было выше указано) имѣется много общихъ, но, напр., *кипчаки* встрѣчаются и среди башкиръ, далѣе въ Таврической губерніи: среди деревень таврическихъ татаръ попадаются нерѣдко таковыя съ именемъ *кипчаки*, такъ, напр., въ Перекопскомъ уѣздѣ, Евпаторійскомъ (Кара-кипчаки, Курулу-кипчаки, Бельдаузъ-кипчаки и Бай-оглу-кипчаки) и Феодосійскомъ уѣздѣ.

Не вдаваясь здѣсь, впрочемъ, въ эти общіе вопросы, мы вернемся опять къ киргизамъ.

Держась мнѣнія о весьма недавнемъ происхожденіи киргизовъ, какъ народной группы, и приписывая ей происхожденіе конгломератное, намъ приходится стать рѣзко противъ мнѣнія, высказываемаго Вамбери, о происхожденіи интересующей насъ народности, а именно: этотъ авторъ оттаиваетъ древность киргизовъ и ихъ этническую цѣльность. Правда, то, что онъ говоритъ о цѣльности

¹⁾ Не безынтересно отмѣтить, что въ Таврической степи мы неоднократно встрѣчаемъ татарскія селенія съ именами намъ извѣстныхъ тюркскихъ родовъ, а именно: въ Перекопскомъ уѣздѣ — *кипчаки*, *алчины*, *уйгуны*, *найманы*, *китай* (два селенія) и *кирей*; въ Евпаторійскомъ — *кара-кипчаки*, *курулу-кипчаки*, *бельдаузъ-кипчаки*, *бай-оглу-кипчаки*, *каранайманы*, *китай*, *кочматы* (быть можетъ тождественно съ *кочматы*), *узбеки* и *киргызы-казакъ*; въ Феодосійскомъ — *кипчаки*, *тама*, *арыны*, *найманы* и *китай*; въ Симееропольскомъ — *найманы*.

ихъ, касается преимущественно обычаевъ, обрядовъ, характера и языка ихъ, и въ этомъ случаѣ онъ, повидимому, правъ, а его слова относительно языка подтверждаются и В. Радловымъ ¹⁾; но Вамбери склоненъ признать и общій физическій типъ киргизовъ и древнее происхожденіе ихъ, съ чѣмъ мы положительно согласиться не можемъ и противъ чего говорятъ многочисленные факты.

Стараясь доказать этническую цѣльность и древность киргизовъ, Вамбери указываетъ только на три основанія: во-первыхъ, на то, что Константинъ Порфирородный въ X вѣкѣ упоминаетъ слово „казакія“, во-вторыхъ, что писатель Фирдоуси въ XI в. говоритъ о „казацкихъ ханахъ“, и въ-третьихъ, что языкъ киргизовъ несетъ нѣкоторыя лингвистическія особенности, свойственныя и мадьярскому языку; это, по мнѣнію Вамбери, указываетъ на столкновеніе названныхъ двухъ племенъ уже въ VIII в. Какъ намъ кажется на основаніи послѣдняго довода Вамбери, мы, насколько не умаляя силы лингвистическихъ выводовъ, можемъ считать, что тѣ оригинальныя формы венгерскаго языка, на которыя ссылается почтенный авторъ, указываютъ лишь на общія черты между венгерскимъ и иными тюркскими нарѣчьями, бывшими въ VIII в. у тѣхъ племенъ, которыя дали начало киргизамъ, и что тутъ киргизы, какъ народъ (въ современномъ смыслѣ слова), положительно ни причеми; это тѣмъ болѣе именно такъ, что въ VIII в. мы никакихъ свѣдѣній о киргизахъ (казакахъ) не имѣемъ. Что же касается словъ Фирдоуси (см. Кир. Бук. орды, вып. I, стр. 272 и 273) и Порфиророднаго, которые упоминаютъ о казакахъ, то это только указываетъ на существованіе бродячихъ элементовъ уже въ древности, а отнюдь не на предковъ современныхъ киргизовъ ²⁾. Самъ же Вамбери ³⁾ указываетъ, во-первыхъ, на значеніе слова ка-

¹⁾ Образцы народ. литер. тюрк. племенъ, ч. III, СПб. 1860 г.

²⁾ Наше казачество, которое мы въ известномъ смыслѣ можемъ съ полнымъ правомъ приравнять къ древнимъ казакамъ Средней Азии, образовалось при разныхъ условіяхъ и въ разные времена: казаки запорожскіе, донскіе, уральскіе, сибирскіе и другіе представляютъ разныя группы даже отчасти въ антропологическомъ отношеніи, и неправы были-бы мы, если-бы пожелали связать болѣе позднею по своему образованію группу съ болѣе раннею. Наконецъ, „казакъ“, какъ слово, есть звукъ пустой: оно могло переноситься отъ одного племени къ другому, отъ одной группы къ другой.

³⁾ Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885.

закъ — „бродяга“ (Vagabund); самъ же онъ отождествляетъ или собственно приравниваетъ это слово по его значенію къ персидскому слову „сергердъ“ („сер-гердиде—umgestürzten Hauptes“, т. е. сломя голову или „корѣю¹⁾, т.-е. сорви-голова) и турецкому башы-бузукъ („башы-бузукъ—Hauptwüst“, т. е. шальная голова), т. е. къ словамъ, не имѣющимъ никакого этническаго значенія; самъ же онъ въ главѣ объ узбекахъ²⁾ говоритъ, что „казаки“, послѣдовавшіе на ряду съ нѣкоторыми племенами за Шейбаниемъ противъ монголовъ, о чемъ говорится въ 54 пѣсни Шейбани-намэ, не что иное, какъ вольные, никому не подчиненные степные жители, „нѣчто въ родѣ персидскихъ сергердовъ и турецкихъ башы-бузукъ“, и онъ же, къ нашему удивленію, считаетъ современныхъ киргизовъ потомками древнихъ казаковъ и этнически, а не политически, цѣльными. Далѣе Вамбери не придаетъ достаточнаго значенія именамъ поколѣній и родовъ у киргизовъ и считаетъ ихъ тождественность у различныхъ народовъ случайностью; мы не можемъ не удивляться такому странному мнѣнію, высказанному такимъ знатокомъ тюркскаго племени, которому должно быть извѣстно, что вся жизнь тюрковъ, какъ древнихъ, такъ отчасти и современныхъ даже, обусловлена ихъ родовыми отношеніями. Почтенный авторъ, позволимъ себѣ замѣтить, самъ себѣ противорѣчитъ въ этомъ, во-первыхъ тѣмъ, что онъ, какъ неоднократно имъ высказывается въ сочиненіяхъ (съ тѣмъ, впрочемъ, мы лишь относительно согласны), считаетъ, что среди тюрковъ всѣ движенія и наплывы монголовъ XIII столѣтія оставались въ томъ отношеніи довольно безслѣдны, что отдѣльныя племена оставались какъ и прежде жить приблизительно на своихъ старыхъ мѣстахъ, такъ что даже возможность исключена, чтобы родовыя имена случайно заносились то къ туркменамъ, то къ узбекамъ, киргизамъ, каракиргизамъ, каракалпакамъ и башкирамъ; во-вторыхъ, самъ авторъ придаетъ громадное значеніе родовымъ именамъ у узбековъ, на основаніи которыхъ онъ считаетъ послѣднихъ, такъ же какъ и мы, конгломератомъ; въ-третьихъ, онъ самъ не отрицаетъ, что въ лицѣ нѣкоторыхъ поколѣній, какъ-то *кунратъ* и *найманъ* въ киргизовъ вошелъ посторонній элементъ. Почему же онъ считаетъ одно и то же явленіе возможнымъ и даже непременно совершившимся у узбековъ, а то же

1) Буквально: безголовый.

2) Loc. cit., стр. 349.

самое безъ всякихъ основаній отрицаетъ у киргизовъ? почему одни родовыя имена, по его мнѣнію, у киргизовъ обломки разныхъ племенъ, а другія лишь случайно занесены въ ихъ среду судьбою?

Если бы мы пожелали расчлениить современную киргизскую народность на ея составныя части, то это было бы далеко не такъ трудно, какъ можетъ показаться сначала. Раздѣленіе всего киргизскаго племени собственно очень стройно. Вся киргизская народность раздѣляется на три большія группы, называемыя ордами: Большую орду, Среднюю орду и Малую орду (Букеевская орда есть не что иное, какъ часть Малой, см. «Кир. Бук. орды» в. I, стр. 17); каждая орда раздѣляется на неравное количество поколѣній, каждое поколѣніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько родовъ, родъ дробится на отдѣленія, а отдѣленія на подотдѣленія. Между тѣмъ какъ отдѣленіямъ и подотдѣленіямъ (а также многимъ родамъ) нельзя приписывать древняго происхожденія, а напротивъ, ихъ слѣдуетъ считать происхожденіемъ болѣе или менѣе недавняго, поколѣній и даже рода, по крайней мѣрѣ изъ послѣднихъ очень многіе, ведутъ свое происхожденіе уже издавна; на это, во-первыхъ, указываютъ свидѣтельства древнихъ писателей, а во-вторыхъ, то обстоятельство, что многіе изъ нихъ встрѣчаются не только среди киргизовъ, но и среди узбековъ, каракиргизовъ, каракалпаковъ, туркменовъ и башкировъ. Правда, и въ числѣ родовъ мы найдемъ немалое количество, древность происхожденія которыхъ сомнительна, или же которые безусловно новѣйшаго происхожденія (какъ, напр., теленгуты и ногаи Букеевской орды, см. «Кир. Бук. орды» в. I, стр. 30 и 33), тѣмъ не менѣе очень многіе, во всякомъ случаѣ, происхожденія древняго.

Н. Аристовъ ¹⁾ говоритъ, что рода, будучи въ первоначальной основѣ своей результатомъ естественнаго размноженія людей въ первичныхъ общественныхъ группахъ, вслѣдствіе продолжающагося естественнаго народженія новыхъ членовъ, должны неминуемо дробиться. На образованіе новыхъ родовыхъ частей, по мнѣнію названнаго автора, могучее вліяніе имѣютъ и экономическіе, и политиче-

¹⁾ „Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свидѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тайгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій“ („Живая Старина“, вып. III—IV, 1894 г.).

скіе факторы, которые обусловливаютъ новую группировку родовъ и ихъ отдѣльныхъ частей, вызывая образованіе новыхъ родовыхъ единицъ и союзовъ. Не малое, по словамъ Н. Аристовъ, вліяніе на группировку родовъ имѣли сильные и удачливые вожди, подъ властью которыхъ собираются не только ближайшіе ихъ родственники, но и отдаленныя по крови части родовъ и даже иноплеменники. «Возникающіе такимъ образомъ на ряду съ родовыми дѣленіями кровнаго происхожденія, а потомъ и замѣняющіе ихъ частію, родовые союзы народнымъ сознаниемъ приравняются къ родовымъ единицамъ кровнаго происхожденія, хотя въ составъ ихъ входятъ нерѣдко части разныхъ родовъ и даже семьи и группы иноплеменниковъ». Такъ какъ процессы образованія новыхъ родовыхъ единицъ и группъ, исчезновеніе ихъ и созиданіе новыхъ союзовъ, какъ справедливо замѣчаетъ г-нъ Аристовъ, длится все время существованія тюркскихъ кочевниковъ, т.-е. тысячелѣтія, то слѣдовало бы ждать, что у киргизовъ роды утратили всякую между собою истинную кровную связь и соотношеніе; но въ дѣйствительности роды и ихъ подраздѣленія у тюрковъ-кочевниковъ находятся между собою въ опредѣленныхъ, имѣющихъ частію фиктивное, частію истинный кровно-родовой характеръ, соотношеніяхъ. Происходитъ это, конечно, вслѣдствіе сильнаго вліянія необыкновенно развитога родовога быта, сохраняющаго и понынѣ въ значительной степени свое громадное значеніе.

Тѣмъ не менѣе существуютъ достаточныя основанія смотрѣть на многіе рода и именно рода древніе, фигурировавшіе нѣкогда самостоятельными племенами, не какъ на союзы родственниковъ, а какъ на общественные и политическіе союзы, представляющіе въ свою очередь значительную конгломератность. Нѣчто аналогичное представляютъ и каракиргизы, но у нихъ, какъ и у южно-сибирскихъ ¹⁾ тюрковъ, кромѣ родовыхъ (собственно общественно-политическихъ) группъ, существуютъ союзы собственно родственниковъ — такъ называемыя «кости» (*сѣоки*), члены которыхъ твердо сохраняютъ сознаніе объ общемъ кровномъ происхожденіи; у алтайцевъ члены одного *сѣока* не могутъ вступать въ бракъ между собою, называютъ себя братьями по кости.

¹⁾ Н. Аристовъ. Ibid. стр. 448.

Мы уже выше говорили о томъ, что существуютъ основанія фактическія считать нѣкоторые рода, составляющіе современное киргизское и узбекское (а также и башкирское, каракиргизское и др.) племена за племена, существовавшія нѣкогда самостоятельно. Дѣйствительно, не всѣ рода могутъ быть отысканы съ легкостью въ дѣтوپясахъ исторіи, тѣмъ не менѣе про всѣ поколѣнія киргизовъ и про нѣкоторые рода ихъ намъ достовѣрно извѣстно, что они сами сравнительно недавно фигурировали совершенно самостоятельно и даже, отчасти, и теперь составляютъ свою особую народность, какъ, напримѣръ, кипчаки, о которыхъ мы, впрочемъ, скажемъ немного ниже.

(Остановимся теперь на поколѣніяхъ и нѣкоторыхъ родахъ киргизовъ. Нижеслѣдующія имена родовъ и поколѣній даетъ намъ А. Левшинъ ¹⁾).

¹⁾ «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и стеней». Спб. 1832 г. Этотъ списокъ родовъ относится къ 20-мъ годамъ, тѣмъ не менѣе, онъ не утратилъ своего значенія. Само собою разумѣется, что съ 20-хъ годовъ многое измѣнилось, но насъ, естественно, гораздо болѣе интересуютъ данныя старыхъ годовъ, такъ какъ новѣйшія измѣненія въ данномъ случаѣ не играютъ роли. Въ настоящее время въ разрозненной литературѣ о киргизахъ можно извлечь весьма много интересныхъ данныхъ во отношеніи родовъ, могущихъ дать довольно полный списокъ раздѣленія киргизскаго народа. Теперь, когда произошли многочисленныя раздробленія киргизовъ, далеко не вездѣ можно водвести ихъ въ вышеприводимой системѣ; въ этомъ мы можемъ убѣдиться, напримѣръ, на букеецахъ («Кир. Бук. орды», в. I, стр. 25—48), которые, отдѣлившись отъ Малой орды, съ одной стороны не имѣютъ въ своей средѣ представителей всѣхъ родовъ этой орды, а съ другой образовали новыя, какъ султанскій, ходжинскій, телегутуовъ и ногайскій (см. «Кир. Бук. орды», в. I, стр. 28, 29, 30 и 33). А. А. Ивановскій, занимавшійся изслѣдованіемъ киргизовъ Средней орды въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, сообщалъ намъ о существованіи тамъ 19 родовъ безъ поколѣній (мы приводимъ ихъ здѣсь потому, что они не появлялись въ печати). По свѣдѣніямъ, собраннымъ А. А. Ивановскимъ, найманъ въ Зайсанскомъ уѣздѣ дѣлится на четыре отдѣленія (или, если найманъ считать, что, по видимому, болѣе вѣрно, за поколѣніе, то на четыре рода), а именно: акъ-найманъ, джалъ, мамъ-бедъ и терть-ауль (дюрть-авуль Левшина). Терть-ауль, въ свою очередь, дѣлится на токапъ, тогусъ, джани-бекъ и тузагчы; если эти имена считать за имена отдѣльных, то каждое изъ нихъ раздѣляется на нижеслѣдующія под-отдѣленія.

1) *Токанъ*: ток-тогусъ, джуд-кайдаръ, нудоголь-куттубай, есенгуль, есенбекъ и карсаль-гакъ.

2) *Тогусъ*: тибей, сѣр-гора, кара-тока, даулетъ и ульджаше.

1. Большая орда.

1. Поколѣніе *Уйсюнъ*.

Рода: Вотбой, Чимиръ, Джанисъ или Янышъ, Сикъ-амъ, Абдайсуванъ, Сары-сулы, Чанычъ-кылы, Канкы или Канлы, Джалаиръ и прочіе.

2. Поколѣніе *Комратъ*.

Рода: Байларъ-Джанджаръ, Уразъ-Гельды, Кульджегачъ, Бочманъ, Токъ-булатъ, Яманъ-бай, Куракрся, Этимляръ, Куюшъ-Кансызъ.

3) *Даваны-бекъ*: джа-кау, бай-кучигъ, тасы-бай и мамъ.

4) *Трзачы*: терт-сары и тузагчы.

Всѣхъ же родовъ (или поколѣній) въ Зайсанскомъ уѣздѣ, какъ было сказано, 19; они слѣдующіе: найманскій (4 отдѣленія), главный аргинскій (5 отд.), таракъ-тинскій (2 отд.), найманъ-кунградскій (12 отд.), аргинскій (2 отд.), семиродцы-исакъ-кирейскій (3 отд.), аргинканджаголыскій (1 отд.), кипчакскій (4 отд.), кирейскій (6 отд.), мурунскій (5 отд.), танабуга-кипчакскій (6 отд.), куделян-кипчакскій (4 отд.), байджитскій (3 отд.), гаржигатинскій (12 отд.), гаччакскій (5 отд.), турь-ангырь-кипчакскій (4 отд.), узун-кипчакскій (6 отд.), баганалиманайманскій (13 отд.), аргин-табулкинскій (2 отд.). Сравнивая этотъ перечень родовъ Средней орды съ именами поколѣній и родовъ Средней орды изъ списка А. Левшина, мы можемъ понять, что въ настоящее время, время все же сильнаго паденія родового устройства, появилась масса новыхъ родовъ; съ другой стороны, повидимому, значеніе поколѣній, какъ объединяющей группы, утрачено, кромѣ того къ составу Средней орды примѣшались вѣтви рода Большой и Малой орды. И такъ, насъ не должно удивлять, если въ настоящее время во многихъ мѣстахъ среди киргизовъ не удается восстановить старую систему родового строя, и если она измѣнилась до неузнаваемости. Существуютъ и болѣе древнія свѣдѣнія о родахъ киргизовъ, чѣмъ даются А. Левшиной; таковыя, напримѣръ, помѣщены въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ (за 1820 г. часть IX: „Киргизъ-кайсаи Большой, Средней и Малой орды“). Авторъ раздѣляетъ орды на роды, а роды на отдѣленія. Въ Большой ордѣ—4 рода, въ Средней—22 и въ Малой—41; здѣсь, повидимому, сбиты понятія о поколѣніяхъ и родахъ, которые такъ стройно и наглядно изложены у А. Левшина. Слѣдуетъ отмѣтить, что уже эти старинныя свѣдѣнія указываютъ на раздробленность киргизскихъ родовъ и соединеніе двухъ родовъ въ одинъ общій (двойной), что въ настоящее время выступаетъ значительно рѣзче. Н. Аристовъ опредѣляетъ въ своемъ интересномъ „Опытѣ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ Большой орды“, родство и степень его разныхъ родовъ большой орды, а равно и степень ихъ перемѣшанности на основаніи родословныхъ преданій, тамъ и урановъ и приходитъ къ очень вѣрнымъ и новымъ выводамъ, проливающимъ свѣтъ на мало по сіе время наслѣдованное родовое устройство киргизовъ.

II. Средняя орда.

1. Поколѣніе *Наймагъ*.

Рода: Акъ-бура, Булатчи, Кара-Гирей, Тирсъ-тамгалы, Дюртъ-авуль, Кукъ-джарлы, Ирш-няклы, Семизъ-баганалы, Садыръ.

2. Поколѣніе *Кипчакъ*.

Рода: Торы-Ангыръ, Туюча, Кытабакъ, Булгунъ, Кара-Балыкъ, Кундялянъ, Тана-Буга, Узунъ, Кукъ-боронъ.

3. Поколѣніе *Увакъ-Гирей* (или *Кирей*).

Рода: Увакъ, Гирей или Кирей и Тараклы.

4. Поколѣніе *Аринъ*.

Рода: Кара-кисякъ, Каравуль-кисякъ, Чаръ-джитимъ, Джая-жаръ, Чачкакъ, Дюртъ-авуль, Атыгай, Алтай, Тебичъ, Табаглы, Борчи, Карпакъ, Басантіенъ, Агышъ-калкаманъ, Канджитали, Козюганъ, Кукъ-шалъ.

III. Малая орда.

1. Поколѣніе *Алимул*.

Рода: Кара-сакаль, Кара-кисякъ, Кия, Дюрткара, Чумекей и Чикли.

2. Поколѣніе *Байулы*.

Рода: Аздай, Джапшасъ или Дешпашъ, Алага, Байбакты, Маскаръ, Бершъ, Тазларъ или Тазъ, Иссеятемиръ, Черкесъ, Тана, Кызылкуртъ, Шинляръ.

3. Поколѣніе *Джити-уруу* (*Джетру*).

Рода: Табынъ, Тама, Кердери, Джагалбайлы, Керейтъ, Ти(е)-ляу, Рамоданъ.

Передавъ этотъ перечень поколѣній и родовъ киргизскаго племени, мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы уяснить себѣ образованіе киргизскаго народа. Мы видимъ, что Большая орда состоятъ изъ двухъ поколѣній: *уйсюмъ* (*усюмъ*) и *комратъ*; изъ нихъ послѣднее, по словамъ А. Левшина, принадлежало прежде къ Средней ордѣ и лишь впоследствии вошло въ составъ орды Большой, которая, въ свою очередь, въ древности состояла изъ трехъ поколѣній: *уйсюмъ* (или *усюмъ*), *сартамъ* и *тулатай*. Сохранилось ли имя послѣдняго поколѣнія или нѣтъ, намъ лично не извѣстно, что же касается *усюмъ* и *комратъ* (или *кунратъ*), то они, равно какъ и рода *сартамъ* (*сертамъ*, *сереле*) *канкмы*, *дасалаиръ* и *дулатъ*, нѣкогда составляли самостоятельныя племена, о

которыхъ мы имѣемъ, правда, довольно отрывистыя, тѣмъ не менѣе весьма интересныя данныя. Н. Аристовъ даетъ иное дѣленіе Большой орды. Согласно его изысканіямъ, эта орда дѣлится на 11 поколѣній, которыя въ свою очередь раздѣляются на роды и т. д. Эти поколѣнія слѣдующія: *дулатъ*, *адбанъ*, *суванъ*, *чапрашты*, *исты*, *ушакты*, *саръ-уйсунъ*, *джалаиръ*, *канлы*, *чаниклы* и *сергелы*. Это дѣленіе Большой орды, представляющее иную систему, чѣмъ дѣленіе Левшина, составлено Н. Аристовымъ на основаніи родословной Дикамбая-батыря устныхъ сообщеній биевъ Большой орды и нѣкоторыхъ литературныхъ источниковъ. Хотя источникъ родословной Дикамбая Н. Аристову и неизвѣстенъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія считать приведенное дѣленіе Большой орды произвольнымъ. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что, разспрашивая разныхъ киргизовъ, членовъ разныхъ родовъ, обитающихъ разныхъ мѣстности, можно получить довольно разнорѣчивыя показанія, касающіяся собственно системы раздѣленія той или иной орды и исторіи возникновенія даннаго дѣленія, и нельзя не согласиться съ Вамбергер¹⁾, который говоритъ, что немногое въ этнографіи тюрковъ представляетъ большія трудности, чѣмъ точное выясненіе главныхъ и послѣдующихъ родовыхъ дѣленій. Преслѣдуя свои задачи, намъ нѣтъ нужды вдаваться здѣсь въ детали родового дѣленія и въ сравнительную оцѣнку той или иной системы, но не можемъ не указать, что хотя Н. Аристовъ и не признаетъ, повидимому, дѣленія Большой орды на два поколѣнія—*уйсунъ* и *конратъ*—и какъ бы умалываетъ значеніе этихъ двухъ племенныхъ именъ, но съ другой стороны, отмѣчаетъ для насъ весьма важный фактъ, что Большая орда киргизовъ именуется также *усуновскою* или *уйсуновскою*, т.-е. и въ данномъ случаѣ, какъ и у Левшина, имени *уйсунъ* придается болѣе значенія, чѣмъ имени простого рода. Что касается *конратъ*, то имя этого поколѣнія Н. Аристовымъ совсѣмъ не упоминается, ни въ качествѣ рода, ни въ качествѣ поколѣнія; можно, какъ намъ кажется, съ достаточною вѣроятностью полагать, что нынѣ, если не повсемѣстно, то мѣстами, имя „конратъ“, какъ имя объединяющаго нѣсколько родовъ въ одну общую группу—поколѣнія—киргизами забыто.

¹⁾ Das Türkenvolk in seinen ethnol. und ethnogr. Beziehungen. Leipzig, 1885, p. 181.

Оно и вполнѣ понятно: чѣмъ больше дѣлятся большія (главныя) родовыя группы на дѣленія болѣе мелкія, то они въ своемъ значеніи уступаютъ этнигъ послѣднимъ. По Спасскому¹⁾, Большая орда состояла въ началѣ XIX в.: 1) изъ кочевавшихъ по китайской границѣ и распространявшихся до Сыръ-Дарьи *дулатовскаго* рода и *сары-юсунь-джалаурскаго*; 2) изъ занимавшаго земли между Туркестаномъ, Сары-су и Акъ-мечетью рода *серіаль* (*серіеле*), и 3) изъ обитавшихъ на Сыръ-Дарьѣ къ Ташкенту родовъ *камлы* и *чаниклы*.

Родъ Джалауръ.—Рашид-эд-динъ²⁾ описываетъ джалауръ, какъ племя многочисленное и состоявшее изъ десяти «вѣтвей» (быть можетъ, родовъ); это племя, по словамъ упомянутаго автора, вмѣстѣ съ *ойратъ* и *татаръ* принадлежало къ тѣмъ турецкимъ (тюркскимъ) племенамъ, которыхъ „нынѣ“ называютъ монголами; „наружность и слово ихъ похожи на типъ и слово монголовъ, поелику во время оно монгольская вѣтвь была племенемъ изъ тюркскихъ племенъ, а нынѣ по причинѣ процвѣтанія, вліянія и могущества монголовъ это имя усвоено всѣми другими племенами“. Абулгази³⁾ въ свою очередь лишь кратко повторяетъ слова Рашид-эд-дина и говоритъ, что *джалауръ* племя древнее, что оно было весьма многочисленно и что у него было много родовъ. Часть полка, даннаго Чингизъ-ханомъ сыну Джагатаю, состояла изъ *джалауровъ*, такъ какъ одинъ изъ начальниковъ (Мука-нойонъ) былъ именно изъ этого рода. При дворѣ Джагатая *джалауры* играли важную роль въ управленіи улусомъ. Тимуръ отдалъ „*джалауровскую орду*“ Абилю-шаху, сыну Беграмъ-джалаура⁴⁾. Н. Аристовъ⁵⁾ полагаетъ, что *джалауры* первоначально не были многочисленны и что составъ ихъ увеличился впослѣдствіи воспріятіемъ въ свою среду разныхъ родовъ извнѣ, давшихъ отчасти матеріалъ на образованіе впослѣдствіи киргизскаго народа, отчасти же кара-киргизскаго и иного происхожденія.

1) См. Н. Аристовъ, loc cit., стр. 403.

2) Переводъ съ примѣчаніями И. Н. Березина (Труды Вост. Отдѣла Имп. Археол. Общ., ч. V) Спб. 1858 г.

3) И. Березинъ—Библиотечка восточныхъ источниковъ, т. III ч. I. Исторія Абуль-Гази. Казань, 1854 г.

4) Исторія Чингизъ-хана до восшествія его на престолъ. (Н. Аристовъ.)

5) Loc. cit., стр. 406 и 407.

Родъ Канклы (Канлы, Канлы).—Канклы существовали, такъ же какъ и *джалаиръ*, нѣкогда какъ самостоятельное племя. Имя *канклы*, по словамъ Рашид-эд-дина, получили тѣ изъ тюркскихъ племенъ, присоединившихся къ Угузъ-хану (родоначальнику тюрковъ), которыя во время его борьбы съ родственниками доставляли добычу: „нагружали четвероногихъ, дѣлали собственнымъ умомъ телѣги—телѣга по-турецки канклы“. Абулгази передаетъ слѣдующую легенду (вариантъ первой) о происхожденіи канклы. Угузъ-ханъ воевалъ съ *татарами*, побѣдилъ ихъ и набралъ столько добычи, что нельзя было ее навьючить на лошадей, тогда нашелся одинъ человѣкъ, который сдѣлалъ телѣгу: ее назвали канкъ (прежде не было этого слова, такъ какъ не было телѣгъ), потому что она скрипѣла („канъ, канкъ“). Изобрѣтателя телѣги назвали Канклы, и весь народъ съ этимъ именемъ происходитъ отъ него. По мнѣнію Н. Аристовъ¹⁾, по китайскимъ источникамъ *канклы* существовали уже за полтора вѣка до Рождества Христова. Въ 568 г. византійскій посолъ Зимархъ проѣзжалъ на пути своемъ къ тюркскому хану Дивавулу черезъ страну *канкловъ*. О *канклахъ*, какъ о самостоятельной народности, имѣются свѣдѣнія отъ XI и XII вв., но, новидимому, канклы, какъ самостоятельное племя, существовали еще въ серединѣ XIII в. (и вѣроятно, еще позже); такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что Рубрукъ²⁾ послѣдовалъ съ низовьевъ Волги изъ Лагера Батя на Янгъ (р. Уралъ), а потомъ въ землю канкловъ. Въ 1220 году чинскій посолъ Вукусунъ упоминаетъ въ числѣ встрѣченныхъ имъ на пути къ Чингизъ-хану племенъ *канкловъ*³⁾. Плато Карпини послѣ земель половцевъ прослѣдовалъ черезъ землю *канитовъ*. Во время Тимура *канклы* продолжали занимать правый берегъ Сыръ-Дарьи, но численность ихъ была, по мнѣнію Н. Аристовъ, не велика: выдѣляя изъ себя въ продолженіе вѣковъ значительныя массы на югъ и на западъ въ полчища гуниовъ, печенѣговъ, половцевъ, они уменьшались въ численности и утрачивали преобладаніе въ исконныхъ своихъ земляхъ.

¹⁾ Loc. cit., стр. 403.

²⁾ А. Машкеевъ—Историческій обзоръ Туркестана и наступательное движеніе на него русскихъ. Сиб. 1890 г.

³⁾ Н. Аристовъ. Loc. cit. стр. 403.

П. Голубовскій ¹⁾ предполагаетъ, что печенѣги получили это свое наименованіе лишь послѣ своего перехода изъ Азіи въ Европу, и что они, находясь по ту сторону р. Урала, назывались *канклами* и составляли часть этого обширнаго племени (имя «печенѣги» неизвѣстно азіатскимъ сказаніямъ о тюркскихъ племенахъ). Если это предположеніе считать вѣроятнымъ, то окажется, что часть *канкловъ* (т.-е. печенѣги) уже въ IX в. жили между Волгой и Ураломъ.

Родъ Дулатъ.—Хотя свѣдѣнія объ этомъ родѣ, по мнѣнію Н. Аристовъ ²⁾ главнымъ по численности въ Большой ордѣ, и не особенно многочисленны, но они заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Есть основанія, какъ говорить только что упомянутый авторъ, полагать, что родъ (или собственно племя) *дугу* существовалъ до Р. Х., такъ какъ онъ уже во II столѣтіи нашей эры откочевалъ вмѣстѣ съ хуннами отъ предѣловъ Китая. Послѣ распаденія царства Аттилы, вожди *дугу* стали во главѣ той части болгаръ, которая основала дунайское болгарское царство. Объ оставшихся въ западной Монголіи дугу извѣстно въ V и VII вв. Съ VIII и по XII в. имѣются крайне отрывочныя свѣдѣнія о *дулатахъ*, изъ чего можно заключить, что если они и сохраняли извѣстную племенную самостоятельность, то видной роли не играли.

Поколѣніе Комратъ.—Это поколѣніе такъ же, какъ и вышеупомянутые рода *джалаиръ*, *канклы* и *дулатъ*, имѣетъ весьма древнее происхожденіе. Это племя издавна кочевало вмѣстѣ съ *найманами* (отчасти и въ настоящее время кочуетъ вмѣстѣ) и было при наступательномъ движеніи Чингизъ-хана, на ряду съ *найманами* и *ойратами*, покорено однимъ изъ первыхъ ³⁾. Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ *комратовъ* въ качествѣ составнаго элемента Золотой орды.

Поколѣніе Уйсюнъ.—Поколѣніе *уйсюнъ* (или *усюнъ*) имѣетъ также весьма древнее происхожденіе и представляетъ большой интересъ. Хотя болѣе или менѣе подробное описаніе исторіи древнихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ киргизовъ, и не можетъ входить въ цѣли этой нашей статьи, тѣмъ не менѣе мы должны остано-

¹⁾ Печенѣги, половцы и торки до нашествія татаръ. Кіевъ, 1884 г.

²⁾ Loc cit., стр. 400.

³⁾ Вамберг. Исторія Бохары. Спб. 1873 г.

виться нѣсколько на весьма любопытномъ племени усюней, возбуждавшемъ въ печати уже неоднократно интересъ, и важное для насъ тѣмъ, что оно, какъ племя не монгольское и не тюркское, внесло совершенно чуждый элементъ въ среду киргизовъ.

Уйсюни (уйсунъ, усюнь, усюнъ, усунъ, узунъ, уйшунъ, усіунъ, уссунъ) составляли нѣкогда самостоятельное племя, жившее у сѣверо-западной границы Китая; тѣснимые съ востока хуннами, они двинулись на западъ, въ свою очередь, стѣснивъ прежнихъ обитателей *буритовъ* на юго-западъ, заняли за два вѣка до Р. Х. нынѣшній Илійскій округъ¹⁾ часть Балкаша и Иссыкъ-куль²⁾. Здѣсь они оставались до VI в. по Р. Х., достигли значительнаго могущества, и число ихъ, по китайскимъ источникамъ, доходило до 630000 душъ и 180000 войска. Ихъ главный городъ Чи-гу-чинъ лежалъ у озера Иссыкъ-куль (Темурту). Въ настоящее время сохранились развалины древняго города, затонувшаго въ озерѣ, который, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, считается усюнскимъ, хотя, впрочемъ, Риттеръ³⁾ говоритъ, что онъ лежалъ лишь близъ озера, а не на берегу его; временемъ исчезновенія этого города можно принять VI вѣкъ. Такъ, въ первой половинѣ VII вѣка⁴⁾ Имп. Общ. Люб. Ест., Автр. и Этногр. 1890 г. вып. V).

мимо озера на пути изъ города Куча на р. Чуи и Толась проходилъ китайскій миссіонеръ Хюанъ-Цзанъ, который о городѣ Чи-гу-чинѣ уже ничего не упоминаетъ; далѣе съ VII до XIII столѣтія объ Иссыкъ-куль нигдѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется.

Итакъ, повидимому, начиная съ VI вѣка, свѣдѣній о городѣ *усюней* не имѣется; изъ этого конечно, нельзя сдѣлать заключенія, что сами *усюни* исчезли. Уже въ I вѣкѣ по Р. Х. усюни распадаются на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна⁵⁾ (малые усюни) двигается на западъ къ Уралу, а другая (большіе усюни) образуетъ могущественное государство. Расселеніе этихъ послѣднихъ *усюней* начинается собственно съ IV вѣка, когда часть ихъ перешла на Яксартъ и Трансокеанію, другая въ нынѣшнюю Кир-

1) Ионахъ Іоаннѣвъ.—Историческое обозрѣніе обротовъ или калмыковъ Спб. 1834 г.

2) Семеновъ.—Землеузданіе Азіа. Спб. 1859 г.

3) С. Ritter. Die Erdkunde von Asien. В. 5. Berlin. 1837.

4) А. Ивановскій.—Черепъ изъ озера Иссыкъ-куля. (Джевв. Автр. Отдѣла Имп. Общ. Люб. Ест., Автр. и Этн. 1890 г., вып. V.

5) Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1884.

гизскую степь на Иртышъ. Въ VII в., а именно въ 619 г.¹⁾ усюнами подчинились *тюркамъ* (*ту-кю*) и стали востепенно сливаться съ ними; китайскій писатель VII в. Шы-чу²⁾ пишетъ, что въ тюркахъ съ голубыми глазами и рыжими бородами слѣдуетъ видѣть потомковъ *усюней*; но, повидимому, можно сдѣлать заключеніе, что усюни оставались еще неслившекся и болѣе или менѣе самостоятельной народностью довольно долгое время. Китайскіе источники передаютъ намъ весьма интересныя свѣдѣнія о физическомъ типѣ усюней, а именно, что они были довольно высокаго роста и частью русо и рыжеволосы³⁾, съ голубыми и зелеными глазами. По китайскимъ источникамъ извѣстно еще нѣсколько племенъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ усюнами и имѣвшихъ такъ-же, какъ и эти, свѣтловолосый типъ⁴⁾: *ту-ло* или *чинъ-ша*, *ку-тэ*, предполагаемая отрасль *ютоговъ*, *динъ-линъ* или *тинъ-линъ*, *кямъ-куонъ* или *закасъ*—предполагаемые праотцы *каракиризовъ*, и *энъ-уай*—предполагаемые *аланы*.

Усюни возбуждали, благодаря своему свѣтловолосому типу, уже давно интересъ среди ученыхъ, а именно въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, всѣхъ интересовало происхожденіе усюней, а съ другой—вопросъ о современныхъ потомкахъ этой народности. Что касается происхожденія ихъ, то мнѣніе ученыхъ различно: нѣкоторые, и это большинство, считаютъ усюней арійскаго происхожденія, другіе финскаго, и нѣкоторые, наконецъ, монгольскаго. Къ послѣднимъ относится о. Іоакимъ⁵⁾; мнѣніе этого автора, вѣроятно основано на словахъ Абульгази, который говоритъ, что усюни (уйшунъ) поколѣніе монгольское. Это мнѣніе, повидимому, ничего за себя не имѣетъ, такъ какъ невозможно себѣ представить отрасль монголовъ свѣтловолосаго типа; усюни могли быть монголами по своей культурѣ и по языку, но не по физическому типу.

1) Семеновъ. Землезнаніе Азіи. Спб. 1859 г.

2) Монахъ Іоакимъ. Исторія народовъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, ч. III. Спб. 1851 г.

3) I. Klaproth.—Tableaux historiques de l'Asie. Paris 1826. (Peuple de race blonde, p. 163).

4) С. Ritter.—Die Erdkunde von Asien. Berlin. 1837.

5) Историческое описаніе ойратовъ и калмыковъ. СПб., 1834 г.

Происхождение арийское приписывается, какъ было только что сказано, большинствомъ; нѣкоторые, именно нѣмецкіе авторы, шли такъ далеко, что считали усюней германскаго происхожденія; основаніемъ этого служило названіе усюнскихъ властителей „куенно“, которое отождествлялось съ словомъ „конунгъ“; повидимому, въ этомъ предположеніи нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній. Естественно, что вопросъ о томъ, финскаго ли происхожденія усюни, или арийскаго, для разрѣшенія весьма труденъ; тѣмъ болѣе труденъ вопросъ, если признать ихъ за арийцевъ, германцы ли они (готы), или иранцы (алане); не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что въ теоріяхъ о происхожденіи усюней было одно свѣтловолосое племя забыто—славяне. Усюни, какъ уже было сказано, возбуждали давно интересъ; на основаніи ихъ внѣшности была даже построена теорія о третьемъ типѣ—рыжеволосомъ и зеленоглазомъ, который, по мнѣнію Топинара, распространился на западъ, оставилъ свои слѣды на финскихъ народностяхъ и проникъ даже въ Великобританію.

Новѣйшій изслѣдователь даннаго вопроса Н. Аристовъ¹⁾ держится особаго мнѣнія, которое, повидимому, имѣетъ за себя многое. Названный авторъ считаетъ, что *усюни* составляли лишь часть коренныхъ *кыргызовъ* (т.-е. каракиргизовъ), отдѣлившюся отъ оставшагося на Енисеѣ народа, который вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ китайцамъ подъ настоящимъ своимъ именемъ „кыргызъ“; но *усюнский* народъ въ средней Монголіи состоялъ не изъ однихъ *кыргызовъ*, а представлялъ собою союзъ тюркскихъ родовъ, во главѣ котораго стоялъ *усюнский* отдѣлъ *кыргызовъ*. Общіе предки *усюней* и енисейскихъ *кыргызовъ*—древніе *кыргызы*—произошли изъ смѣшенія тюрковъ съ *динлинами*, которые были однимъ изъ племенъ древней сѣверно-азиатской длинноголовой и свѣтлоокрашенной расы. Остатки этой динлинской, совершенно особой отъ арийской расы извѣстны, по мнѣнію Н. Аристова¹⁾, съ VII в. подъ именемъ „пѣгаго“ народа, найденнаго русскими завоевателями Сибири на Енисеѣ подъ именемъ *аринговъ*, *ассановъ* и *коттовъ*, въ настоящее же время представляются лишь вымирающими енисейскими *остяками*; самое же восточное изъ племенъ древней длинноголовой расы уцѣлѣло въ видѣ аборигеновъ сѣверной

1) Loc. cit., стр. 451.

части японскаго архипелага—*айновъ*, въ которыхъ обнаруживается сочетаніе длинноголовой расы съ монгольской.

Что касается собственно вопроса о современныхъ потомкахъ усюней, то мнѣнія разныхъ лицъ значительно расходятся: такъ Тошнаръ, напримѣръ, склоненъ видѣть потомковъ ихъ въ современныхъ *остякахъ* и *чувашихъ*, Н. Ядринцевъ¹⁾—въ *абокинскихъ*, *бийскихъ* и *кузнецкихъ* татарахъ, И. Яворскій²⁾—въ современныхъ *сартахъ* и *таджикахъ*; большинство же авторовъ, въ томъ числѣ и мы, склонны считать за *главные* остатки усюней часть киргизовъ, а именно усюнское поколѣніе Большой орды, а также и каракиргизовъ, среди которыхъ (т.-е. каракиргизовъ) у озера Иссыкъ-куля и нынѣ кочуетъ немало блондиновъ и среди которыхъ сохранился родъ *узунъ-бутъ*. Мнѣнія о сохраненіи усюнскаго племени среди киргизовъ Большой орды, между прочимъ, держатся Клапротъ, П. Семеновъ, А. Вилькинсъ, А. Ивановскій и Н. Аристовъ. На это существуютъ, дѣйствительно, весьма вѣскія доказательства. Во-первыхъ, самое имя „усюнь“ сохранилось среди киргизовъ, образующихъ цѣлое поколѣніе съ этимъ наименованіемъ; во-вторыхъ, современное поколѣніе усюнь кочуетъ приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ обитали и древніе усюни; въ-третьихъ, среди киргизовъ и каракиргизовъ, живущихъ на оз. Иссыкъ-кулѣ, свѣтловолосый и голубоглазый типъ далеко не рѣдокъ, какъ объ этомъ пишетъ А. Вилькинсъ и П. Семеновъ и др. Намъ извѣстно далѣе, что съ VII вѣка усюни начинаютъ подчиняться тюркамъ; китайскій же писатель VII в. Шы-чу пишетъ, что въ тюркахъ съ голубыми глазами и рыжими бородами слѣдуетъ видѣть именно усюней. Въ преданіяхъ самихъ киргизовъ усюнскаго поколѣнія сохранилось, по словамъ Валиханова³⁾, воспоминаніе о томъ, что они потомки большого и сильнаго народа. По другимъ преданіямъ⁴⁾ киргизовъ Большой орды они произошли отъ *рыжеволосаго* Уссуня, брата родоначальника двухъ остальныхъ

1) Объ изслѣдованіяхъ Н. Ядринцева. (Прот. Антр. Отд. съ 1881—1886 г. в. I, 1886 г. Изв. Имп. Общ. Д. Ест., Ант. и Эт., т. XLIX) и „Повѣдка въ Сибирь“, тамъ же, в. 3, 1890 г., стр. 748.

2) Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, ч. I. СПб. 1889 г.

3) Очерки Джунгаріи.

4) А. Красновъ. Очерки быта семарѣченскихъ киргизовъ. Изв. И. Р. Г. О. 1887 г., стр. 437—438.

ордѣ. По мнѣнію Н. Аристовъ ¹⁾, собственно прямыя потомки *усюней* не киргизы (*казаки*), а (*каракиргизы*) (*кыргызы*). Что же касается собственно усюнскаго поколенія Большой орды, то по мнѣнію названнаго автора, элементъ усюнский вошелъ въ нихъ путемъ отдѣленія части каракиргизовъ въ среду большеордынцевъ. По номенклатурѣ цитируемаго автора *усюнское* поколѣніе Большой орды («*уйсунъ*» Левшина) именуетсяя *сары-уйсунъ*. За кыргызское (т.-е., такъ сказать, каракиргизское) происхожденіе даннаго поколѣнія говорятъ елѣдующіе факторы: 1) отсутствіе въ именахъ отдѣленій рода *сары-уйсунъ* таковыхъ, которыя имѣлись бы у *дулатовъ* и *канловъ*; эти два рода считаются Н. Аристовымъ, такъ сказать, зерномъ киргизскаго народа и, слѣдовательно, *сары-уйсуни* имѣютъ особое отъ нихъ происхожденіе; 2) нахожденіе въ составѣ *сары-уйсуней* отдѣленія *кыркъ* или *кыркъ*, отъ имени котораго вѣроятно, проешло самое имя *кыргызовъ* (каракиргизовъ); 3) совершенное отличіе *сары-уйсунской* тамки отъ *длатовскихъ* и *кантойскихъ* и принадлежность ея къ типу четырехугольника, встрѣчающагося у *киреевъ* и *остяковъ* и указывающаго на *динлинское* его происхожденіе; 4) *сары-уйсунъ*, имя поколенія, вдвойнѣ подтверждаетъ, что оно является прямымъ и кореннымъ потомкомъ *уйсуней*, ибо не только носить имя *усунъ*, но съ приставкою къ нему *сары*, т.-е. желтый, указывающею на отличительную черту физическаго типа *уйсуней*, унаслѣдовавшихъ отъ древнихъ *динлиновъ* свѣтлую окраску волосъ.

Какъ намъ кажется, всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ достаточно, чтобы держаться взгляда, что усюни оставили свои главные слѣды въ киргизскомъ народѣ (и въ каракиргизахъ), а именно въ Большой ордѣ. Правда, свѣтловолосый типъ встрѣчается не только среди киргизовъ и каракиргизовъ, но и среди башкиръ, напримѣръ (хотя здѣсь болѣе вѣроятно вліяніе финской крови разныхъ сосѣдей), далѣе среди туркменъ, гальчей, таджиковъ, сартовъ и др. племень; но не слѣдуетъ забывать, что, кромѣ усюней, существовали и другія племена съ свѣтлыми волосами, какъ объ этомъ было уже сказано выше. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что свѣтловолосый типъ былъ нѣкогда гораздо болѣе распространенъ и, новидимому, постепенно уступалъ черноволосо-

¹⁾ Loc. cit., стр. 423 и 463.

му; это касается не только Азии, но и Европы: такъ, мы видимъ массовыя появленія брюнетовъ среди осетинъ—племени, бывшаго первоначально свѣтловолосымъ; далѣе, мы видимъ вытѣсненіе свѣтловолосаго типа черноволосымъ среди славянъ, также отчасти среди германцевъ и во Франціи. Все это позволяетъ думать, что свѣтловолосый типъ, если и не всегда, то по крайней мѣрѣ очень часто, является менѣе устойчивымъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ въ Азии при различныхъ передвиженіяхъ, имѣвшихъ мѣсто тамъ, утрачивалъ свою самостоятельность и явился раскинутымъ среди различныхъ народовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Большая орда, состоящая изъ двухъ поколѣній, существовавшихъ нѣкогда какъ самостоятельныя племена и при этомъ еще не въ отдаленномъ прошломъ, съ своей стороны не только не говоритъ за древность киргизскаго народа (въ современномъ смыслѣ слова, а не въ смыслѣ составныхъ элементовъ), а напротивъ того, указываетъ лишь на конгломератное строеніе его. Слѣдуетъ замѣтить, что все киргизское племя считается приблизительно въ $2\frac{1}{2}$ —3 милліона, изъ которыхъ приблизительно 450000—550000 (по другимъ даннымъ 900000—1036266) приходится на Большую орду, т.-е. эта орда составляетъ приблизительно $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{3}$ всего племени.

Что касается Средней орды, которая по однимъ даннымъ числитъ 712000, а по другимъ 900000—1000000 душъ, то она состоитъ изъ четырехъ поколѣній: *найманъ*, *кирей*, *кипчакъ* и *аринъ*; остановимся на каждомъ изъ нихъ.

Поколѣніе Найманъ.—Найманы, какъ самостоятельное племя, извѣстны уже давно, и Рашидъ-эд-динъ, причисляя ихъ къ группѣ тюркскихъ племенъ—*кераитъ*, *тангутъ*, *уйгуръ*, *кыргызъ* и др.—считаетъ ихъ однимъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ. По словамъ Рашидъ-эд-дина, *найманы* состояли изъ нѣсколькихъ родовъ, которые жили частью въ горахъ и частью въ степи, а именно на Большомъ Алтаѣ, Каракорумѣ и Куку-Иртышѣ; у нихъ были свои сильные государи, многочисленное хорошее войско; обычай и привычки ихъ были подобны монгольскимъ. Абулгази отъ себя добавляетъ, что этотъ древній народъ имѣлъ обширное скотоводство, но земледѣліемъ не занимался. По словамъ о. Иоакима, *найманы*, присоединивъ къ себѣ въ 1201 году земли за-

паднаго Киндякскаго царства, завладѣли всѣмъ Тарбагатаемъ. Во времена Чингиза ихъ ханомъ былъ Тянгъ, котораго знаменитый завоеватель покорилъ однимъ изъ первыхъ. Но еще въ продолженіе долгаго времени это племя фигурируетъ самостоятельно; такъ, напр., въ Шейбани-намэ¹⁾ на ряду съ *татаръ*, *манитъ*, *уйгуръ* и *дурманъ* упоминаются и *найманъ*, какъ соучастники похода Шейбаниа.

Поколѣніе Кирей или Керейтъ (Керайтъ).—Это поколѣніе извѣстно еще подъ именемъ гирей или увакъ-гирей (въ настоящее время съ этимъ именемъ существуетъ, кромѣ упоминаемаго поколѣнія, еще родъ въ Малой ордѣ Семиродскаго поколѣнія). *Керейтъ* или *керайтъ* есть имя одного изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ; оно, по словамъ Рашидъ-эд-дина, принадлежало къ группѣ тѣхъ тюркскихъ племенъ (*найманъ*, *онутъ*, *тангутъ*, *уйгуръ*, *кырмызъ*, *кармукъ* и *кыпчакъ*), у которыхъ не было „излишняго отношенія родства и отношенія по сближенію эпохъ съ племенами тюркскими *джалаиръ*, *ойратъ* и *татаръ* и съ племенами монгольскими, хотя по типу и языку они близки къ нимъ“. Въ свое время *керейты* были могущественнымъ племенемъ, и тотъ-же авторъ пишетъ, что у нихъ были „уважаемые государи изъ своихъ племенъ, и въ то время они имѣли силы и могущества въ тѣхъ предѣлахъ болѣе другихъ племенъ“. Абульгази въ свою очередь пишетъ то же самое, но лишь въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: это древній народъ; онъ стоялъ подъ управленіемъ своихъ собственныхъ государей, при которыхъ не было народа сильнѣе *кераитовъ*. По словамъ Абулгази, имя *керайтъ* значитъ черный баранъ (по Вамбери—сѣрая собака); у одного человѣка, передаетъ онъ, было 7 сыновей, которые были всѣ черные, почему ихъ и ихъ потомковъ прозвали *керайтъ*.

Уже въ X. в. *кераиты* доходили численностью до 900000 человѣкъ²⁾; въ началѣ XI в. они приняли христіанство отъ несторіанскихъ священниковъ и сохранили его въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій (до XIV в.).

Какъ знаки бывшаго христіанства, по словамъ Е. Смирнова, киргизы этого поколѣнія сохранили тамги въ видѣ креста. Дѣйствительно, у *кирейтово* Средней орды эта тамга ставится +, а

1) Шейбаниада писана не ранѣе 1510—1530 года.

2) Е. Смирновъ. Сыръ-Дарьинская область. СПб. 1887 года.

у *киреитовъ* Малой орды \pm . Впрочемъ, тамга въ видѣ креста принадлежитъ не однимъ *киреитамъ*; такъ, напримѣръ, *китинскій* родъ Букеевской орды имѣеть также тамгу въ видѣ креста, \times (по моимъ наблюденіямъ) или $\text{+}\times$ (по наблюденіямъ И. Казанцева), *китинцы* за Ураломъ имѣють тамгу + (по наблюденіямъ Мейера); далѣе Куясово отдѣленіе Ногайскаго рода Букеевской орды имѣеть тамги \times или + ; затѣмъ, алтайскіе калмыки имѣють среди своихъ тамгъ также + ; наконецъ, Рашидъ-эд-динъ, перечисляя внуковъ Угузъ-хана (родоначальника тюрковъ) называетъ Алушара, у котораго тамга какъ у *китинцевъ* \times , и Кырыка, тамга котораго \times ; такъ что, на нашъ взглядъ, подлежить крайнему сомнѣнію, насколько тамги *киреитовъ* въ видѣ креста могутъ указать на существовавшее у нихъ христіанство, которое они дѣйствительно исповѣдывали; такъ, Рашидъ-эд-динъ пишетъ, что „исповѣданіе Іисуса—миръ ему!—достигло къ нимъ, и они приняли его вѣру“. Н. Аристовъ¹⁾, придающій тамгамъ киргизовъ громадное значеніе, считая ихъ древняго происхожденія, съ тѣмъ, повидимому, нельзя не согласиться, считаетъ тамгу *киреевъ* въ видѣ креста одною изъ основныхъ киргизскихъ (точнѣе тюркскихъ) тамгъ. Къ такимъ основнымъ тамгамъ названный авторъ относитъ, кромѣ *киреевскаго* креста: 1) тамгу въ видѣ круга *дулатовъ*, 2) прямую черту и ея производныя—тамги *канловъ* и *кичачковъ* и 3) тамгу - уголь *наймановъ*. На основаніи тамгъ и народныхъ преданій тотъ же авторъ признаетъ близкое родство *киреевъ* съ *кырызами* (кара-киргизами) и *сары-уйсунами*.

Въ XIII в. у *киреитовъ* ханомъ былъ Онгъ-ханъ²⁾ (Унгъ-ханъ Абулгазія), замѣчательный противникъ Чингиза, надъ которымъ послѣдній одержалъ побѣду въ 1202 году (599 хеджры)³⁾

Поколеніе Китчакъ.—Одно изъ интереснѣйшихъ поколеній или собственно племенъ—это *китчаки*. Имя *китчакъ* (*китчакъ*), какъ нами было сказано уже выше, встрѣчается кромѣ киргизовъ еще среди башкиръ и узбековъ, кромѣ того до сего времени существуетъ маленькое, но самостоятельное племя этого имени. По словамъ

1) Loc. cit., стр. 421 и 427.

2) Вамберг.—Исторія Бохары. СПб. 1873 г.

3) Поколеніе *кирей* Средней орды называется также *уакъ-кирей* и состоитъ изъ трехъ родовъ: *уакъ*, *кирей* и *тараклы*; въ Малой ордѣ поколенія *кирей* пѣтъ, но есть этого же имени родъ Семиройскаго поколенія.

Уйфальви, *кипчаки* вошли своей незначительной частью и въ составъ *каракиризовъ*, образовавъ нѣчто въ родѣ отдѣльной вѣтви ихъ съ наименованіемъ *киризь-кипчакъ*.

Племя *кипчакъ* одно изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, и Рашидъ-эд-динъ причисляетъ его къ группѣ тѣхъ тюрковъ, къ которой принадлежатъ, по его словамъ, *кераиты наймань, уйгуры, кыргызы, карлуки* и др. Во время войны (говоритъ авторъ) Угузъ-хана (родоначальника тюрковъ) съ родственниками нашли въ дуплѣ дерева беременную женщину, мужъ которой оказался убитымъ. Угузъ-ханъ усыновилъ родившагося мальчика и далъ ему имя Кипчакъ, «отъ слова кипчакъ—сгнившее дерево, и всѣ *кипчаки* суть отъ этого мальчика».

Абулгази передаетъ слѣдующія легендарныя подробности о возникновеніи кипчаковъ: послѣ одного сраженія, въ которомъ Угузъ-ханъ былъ побѣжденъ, ему принесли ребенка, родившагося въ дуплѣ дерева отъ беременной женщины, взятой однимъ изъ князей Угуза съ собой и укрывшейся въ дуплѣ отъ холода. Такъ какъ пустое дерево на тюркскомъ нарѣчій называется «кипчакъ», то мальчикъ былъ названъ Кипчакомъ. Когда этотъ мальчикъ, воспитанный Угузомъ, выросъ, то народы *урусъ, авлакъ, маджаръ* и *башкуртъ* возмущались. Угузъ-ханъ поручилъ Кипчаку много народу и послалъ его на берега рѣкъ Дона и Итиля (Волги). Онъ царствовалъ въ этой странѣ 300 лѣтъ, и все народонаселеніе кипчацкое произошло отъ него. Со временъ Угузъ-хана и до Чингизъ-хана, по словамъ Абулгазія, на берегахъ Дона, Итиля и Яика не было другого народа кромѣ кипчаковъ, «которые здѣсь жили около 4000 лѣтъ»¹⁾.

1) Само собою разумѣется, что этой цифрѣ не слѣдуетъ придавать буквального значенія, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить извѣстную странность въ этомъ преданіи, которое приписываетъ такое огромное количество лѣтъ существованію кипчаковъ въ степи между Волгою и Ураломъ. П. Голубовскій (Печеняги, торки и половцы, Кіевъ 1884 г.) объясняетъ (какъ намъ кажется совершенно справедливо) это преданіе тѣмъ, что въ народной памяти тюркскихъ племенъ могли сохраниться воспоминанія о совершавшихся уже издавна выселеніяхъ тюрковъ изъ Азіи въ Европу (напр. хазары, угры, печеняги, торки и кипчаки), а такъ какъ монголы нашли за Ураломъ (т.-е. по сю сторону Яика) лишь кипчаковъ, то легко было народному воображенію ихъ переселать сюда за нѣсколько „тысячелѣтій“ до Чингизъ-хана.

Кипчакское поколѣніе киргизовъ, относящееся къ Средней ордѣ, раздѣляется на восемь родовъ: *тормаймыръ*, *тунога*, *кытабокъ*, *бултуль*, *карабамыкъ*, *кундьялыкъ*, *тана-була*, *кукъ-боронъ* и *узунъ*. До насъ дошли, между прочимъ, имена одиннадцати родовъ древнихъ кипчаковъ, которыя намъ передаютъ два автора: Рокнединъ-Бейбарсъ и Ибнъ-Хальдунъ¹⁾; первый называетъ ихъ такъ: *токсоба*, *іета*, *бурджомы*, *бурлы*, *канюомы* или *каноромы*, *анджомы*, *дурузъ*, *карабаромы* и *котлянъ*. Сопоставляя имена родовъ киргизскаго поколѣнія съ родами древнихъ кипчаковъ, мы не находимъ общихъ именъ²⁾. Несмотря на отсутствіе общихъ родовъ, мы должны признать родство между кипчаками узбековъ, киргизовъ, башкиръ и племенемъ современныхъ кипчаковъ съ одной стороны, и древними кипчаками съ другой. Такое расселеніе послѣднихъ могло произойти, во-первыхъ, послѣ покоренія кипчакскаго царства монголами, когда кипчаки и уводились въ плѣнъ, и бѣжали сами, а съ другой стороны, расселеніе могло произойти во время распаденія Золотой орды. Кипчаковъ вообще слѣдуетъ считать древнимъ тюркскимъ племенемъ, которое еще задолго до нашествія монголовъ кочевало между Дономъ, Волгою и Ураломъ³⁾

1) В. Тивенгаузенъ. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды. т. I. СПб. 1884 г.

2) Узбекское поколѣніе кипчаковъ называется собственно *китай-кипчаки* и раздѣляется на *китай* и *кипчаки*; *китай* имѣетъ слѣдующіе рода: *сары-китай*, *оторчи*, *кандсалаи*, *юш-тама*, *тарокмы*, *балами*; а *кипчаки* раздѣляется только на три рода: *тертъ-тамаи*, *сыры-кипчаки* и *тауусъ-бай*, Ибнъ-Хальдунъ передаетъ родовыя имена древнихъ кипчаковъ слѣдующимъ образомъ: 1) *токсоба*, 2) *сета*, 3) *бурджомы*, 4) *эльбули*, 5) *канааралы*, 6) *олы*, 7) *дурутъ*, 8) *калабалы*, 9) *джерсакы*, 10) *кандакабиркы* и 11) *кунукъ*. Здѣсь кажется умѣстнымъ указать, что родъ *китай*, невидимому, съ достаточною справедливостью можно считать остаткомъ древняго племени *киданей*, государство которыхъ пало въ началѣ XIII в. (Н. Аристовъ, стр. 432).

3) Впервые появляются кипчаки въ нашихъ степяхъ въ 1055 году (ихъ первое нападеніе на Русь въ 1061 г.). Изъ трехъ ближайшихъ предшественниковъ такъ называемаго монголо-татарскаго нашествія кипчаки были послѣдними. Движеніе тюркскихъ племенъ по сѣю сторону р. Урала, такъ сказать, непосредственно передъ нашествіемъ XIII в. шло въ слѣдующемъ порядкѣ: въ IX в. появляются въ степи между Волгою и Ураломъ печенѣги, которые, повидимому, съ одной стороны стѣсняють къ югу татаръ, а съ другой къ западу угровъ; въ 915 году печенѣги впервые нападаютъ на Русь (ихъ самостоятельная дѣятельность оканчивается въ 1134 году, когда они претерпѣли окончательное пораженіе отъ русскихъ). Послѣ печенѣговъ появляется по сѣю

въ степяхъ, которыя получили отъ нихъ свое наименованіе Дешть-Кипчакъ, т.-е. степь кипчаковъ. Объ этомъ мѣстѣ ихъ жительства упоминаетъ уже Джовеини и Рашидъ-эд-динъ; послѣдній пишетъ, что когда покоренное Угузъ-ханомъ (родоначальникомъ тюрковъ) племя Итъ-баракъ возстало, то противъ нихъ Угузъ послалъ кипчаковъ, которые поселились между страной Итъ-баракомъ и Янкомъ.

Понятіе Дешть-Кипчакъ было впоследствии сильно обобщено, такъ что подъ этимъ именемъ подразумѣвались и Крымъ, и всѣ наши южныя степи, и степи по ту сторону р. Урала, даже съ частью Туркестана. По совпаденію событій можно догадаться, что подъ кипчаками слѣдуетъ подразумѣвать половцевъ нашихъ лѣтописей, т.-е. кумановъ (византійцевъ). Вамбери, въ свою очередь, выражаетъ убѣжденіе, что кипчаки—одно изъ самыхъ древнихъ племенъ тюркской семьи; онъ также говоритъ, что въ нарѣчій современныхъ кипчаковъ нѣтъ ни малѣйшей примѣси персидскихъ или арабскихъ словъ, и что оно составляетъ лучший переходъ отъ монгольскаго къ джагатайскому. Во всякомъ случаѣ не правъ Гаммеръ¹⁾, который считаетъ кипчаковъ за печенѣговъ, желая произвести послѣднее слово отъ перваго („печенѣги=печеняки=кипчаки“); впрочемъ, и онъ считаетъ кипчаковъ однимъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ.

Намъ извѣстно, что въ XIII столѣтіи Чингизъ-ханъ, покоривъ Азію, послалъ войско по сю сторону р. Урала, которое и напало на *алановъ* и *кипчаковъ*, одно изъ самыхъ многочисленныхъ тюркскихъ племенъ, какъ говоритъ арабскій писатель Ибнъ-эль-Асиръ²⁾; и тѣ, и другіе были отведены въ плѣнъ, многіе побиты. Но въ результатѣ оказалось, что не только многіе кипчаки оста-

сторону р. Урала новое тюркское племя—это, повидимому, довольно иррелябные, скоро разсѣявшіеся и не сыгравшіе особенно важной политической роли—узы или гузы (торки нашей лѣтописи). Въ началѣ IX в. они жили еще за Ураломъ въ азіатскихъ степяхъ, но затѣмъ, перешедши Янгъ и вытѣснивъ печенѣговъ, они, повидимому, въ концѣ IX или въ началѣ X в. заняли степь между Волгою и Ураломъ, въ X же вѣкѣ они завладѣли правой стороною Дона, гдѣ оставались въ небольшомъ количествѣ еще въ XII в. Въ серединѣ XI вѣка, наконецъ, появляются по сю сторону р. Урала кипчаки или куманы (византійцевъ) или половцы (нашей лѣтописи).

¹⁾ Die Geschichte der Goldenen Horde.

²⁾ Извѣдінъ Абульхасакъ Али эль-Джезери (Тивергаузенъ).

лись на своихъ мѣстахъ, но что они даже стали сильно вліять на пришельцевъ, и именно до того¹⁾, что вновь учрежденное государство сохранило свое старое наименованіе Дешть-Кипчакъ. Впрочемъ, при завоевательномъ движеніи монголовъ случалось не разъ, что тояъ задающіе были они, но въ скоромъ времени, послѣ покоренія той или другой страны, выплывали на первый планъ турки, захватывали власть въ свои руки и распространяли на монгольскомъ основаніи свое тюркское вліяніе. Такъ и въ Дешть-Кипчакъ, впослѣдствіи Золотой ордѣ: во-первыхъ, сохранилось тюркское вліяніе отъ самаго начала, а во-вторыхъ, власть довольно скоро перешла въ руки тюрковъ. Слово Дешть-Кипчакъ такъ скоро утвердилось въ царствѣ *Души-хана* (Джучія), что уже въ XIV столѣтіи никто иначе я не звалъ Золотую орду, какъ царствомъ кипчакскимъ, а хановъ—ханами дештскими, кипчакскими (или сарайскими), и только впослѣдствіи, послѣ Берке-хана, Дешть-Кипчакъ сталъ называться Дешть-Берке. Еще позже, а именно въ концѣ XIV и въ XV столѣтіяхъ, повидимому, Дешть-Кипчакъ назывался и страной Узбека, по имени знаменитаго хана Узбека; такъ, напр., арабскій писатель Эль-Асади²⁾ (1377—1446-48) пишетъ, что Дулумбія-хатунъ изъ дома хана Узбека, прибывшая изъ земель *Узбековъ* въ 1320 году, вышла замужъ за египетскаго султана Мелик-эн-Насара.

О вліяніи кипчаковъ на пришельцевъ рассказываетъ весьма краснорѣчиво арабскій писатель Ибнораблаллахъ Эломлари³⁾ (?) слѣдующее: „Золотая орда была прежде страной кипчаковъ, но когда ими завладѣли татары, то кипчаки сдѣлались ихъ подданными;

1) Здѣсь можно къ слову отмѣтить до известной степени аналогичный фактъ, касающійся кипчаковъ же: англійскій путешественникъ XIV в. Мандевилъ, бывшій въ Египтѣ, передаетъ намъ, что переселившіеся въ Египетъ кипчаки захватили власть въ свои руки и поставили своего султана Мелена Мандиброна, который, по словамъ Георгія Пахимера, скупалъ рабовъ изъ кипчаковъ, чтобы собирать вокругъ себя свое племя (П. Голубовскій.—Печенѣги, торля и половцы. Кіевъ, 1884). Естественно, что племя, способное на такое народное самосознаніе и обнаруживавшее такую нравственную силу, могло играть весьма видную роль въ только что возникавшей Золотой ордѣ и побѣдителей, если не всецѣло, то отчасти ассимилировать съ собой.

2) Савиндинъ Абубекръ Ахмедъ-эль-Асида; летопись Ибнъ-Шахбы (Тизенгаузенъ).

3) Пути взоровъ по государствамъ разныхъ странъ (1299—1348—49).

потомъ татары смѣшались и породнились съ кипчаками, и земля одержала верхъ надъ природными и расовыми качествами татаръ: всѣ они стали точно кипчаки, какъ будто они одного съ ними рода, оттого что монголы и татары, поселившись на землѣ кипчаковъ, вступали въ браки съ ними и оставались жить въ землѣ ихъ. Такимъ образомъ¹⁾, заключаетъ авторъ, „долгое пребываніе въ какой-либо странѣ и землѣ заставляеть натуру человѣческую уподобляться ей и измѣнять прирожденныя черты согласно ея природѣ“.

Много ли, впрочемъ, осталось *коренныхъ* кипчаковъ послѣ завоеванія страны монголами, сказать очень трудно; мы только знаемъ, что расселеніе ихъ было весьма значительно; такъ, на-примѣръ, есть указанія венгерскихъ источниковъ, что извѣстная часть кипчаковъ перебралась въ Венгрію¹⁾; далѣе, арабскій писатель Ибнъ-эль-Асиръ²⁾ говоритъ, что монголы, покоривъ кипчаковъ, избили всѣхъ тѣхъ, которые сопротивлялись имъ; остальные бѣжали, покинувъ землю свою, которою овладѣли татары. Далѣе, часть кипчаковъ, поселившаяся въ Крымской степи, подпала подъ вліяніе христіанъ-европейцевъ и приняла христіанство; впослѣдствіи эти кипчаки постепенно сливались съ европейскимъ населеніемъ и, вѣроятно, дали, въ свою очередь, часть тюркскаго элемента для образованія нынѣшнихъ степныхъ и частью южно-бережныхъ татаръ Крыма. Что живущіе, напр., у Судака кипчаки дѣйствительно воспринимали христіанство, на это, по словамъ В. Смирнова³⁾, указываетъ масса именъ, записанныхъ въ припискѣ къ греческому Синаксарю и несущихъ несомнѣнные слѣды тюркскаго происхожденія; такія имена принадлежать не только простымъ мірянамъ, но и лицамъ, принадлежавшимъ церковному клиру. О кипчакахъ христіанскаго вѣроисповѣданія пишетъ и ибнъ-Батута. Онъ ихъ встрѣтилъ въ степи непосредственно за Керчью, т. е. на Крымскомъ-же полуостровѣ. Кромѣ выселившихся кипчаковъ въ Венгрію (гдѣ они также приняли христіанство) и въ Крымъ, намъ извѣстно, что часть ихъ ушла въ Закавказье и

1) И. Бьяевъ.—О сѣвер. бер. Чернаго моря. (Зап. Одес. Об. Ист. и Древ. т. 3. 1883 г.).

2) Извѣдникъ Абульхасанъ Али-эль-Джезери (Тязенгаузенъ).

3) Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб. 1887 г.

овладѣла Дербентомъ; далѣе, что кипчаки, жившіе между Днѣ-промъ и Дунаемъ, перешли послѣдній, явились на Балканскомъ полуостровѣ и заняли Македонію. Кромѣ того, многіе изъ кипчаковъ, совершенно утративъ свою самостоятельность, поступили во служеніе къ русскимъ князьямъ, образуя цѣлыя отряды¹⁾. Только что приведенныя слова арабскаго писателя Ибнъ-эль-Асира о томъ, что будто всѣ непокорившіеся татарамъ кипчаки были избиты или бѣжали сами, естественно, не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе что намъ извѣстно, что они снова появляются среди татаръ. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть слова Плато-Карпини, путешественника XIII в., который говоритъ, что многіе кипчаки были обращены въ рабство и что многіе изъ бѣжавшихъ возвратились.

Были ли болѣе или менѣе истреблены монголами („татарами“⁴⁾) кипчаки, или нѣтъ, много ли ихъ выселилось—мы не знаемъ; намъ извѣстно только то, что они всплываютъ вновь. Тѣмъ же они, что прежде были, или это возродившаяся народность—намъ неизвѣстно; но какъ бы то ни было, кипчаки оставили послѣ себя слѣды въ видѣ отдѣльныхъ поколѣній и родовъ, о которыхъ мы уже говорили выше. Намъ извѣстно, что на территоріи собственно Дештъ-Кипчака послѣ монголо-тюркскаго нашествія толпились разные народы и племена, преимущественно и даже почти исключительно тюркскія; такъ, Ибнъ-Арабшахъ²⁾ говоритъ, что Дештъ-Берке есть область исключительно тюркская, что она переполнена тюркскими племенами; онъ даже называетъ нѣсколько изъ нихъ, какъ *актау*, *кунгратъ* (послѣднее вошло въ составъ узбековъ и киргизовъ), при чемъ добавляетъ, что у тюрковъ разные племена и нарѣчія, какъ и у арабовъ.

Мы можемъ сдѣлать такимъ образомъ то предположеніе, что побѣжденные кипчаки, во-первыхъ, не слились съ пришельцами, во-вторыхъ, вліяли на пришельцевъ и до извѣстной степени ассимилировали ихъ съ собой и, въ-третьихъ, что они образовали свое

1) П. Голубовскій. — Печенѣги, торки и половцы. Кіевъ 1884 г.

2) Шихабеддинъ Ахмедъ, сынъ Мухаммеда; его сочиненіе называется: „Чудеса предопредѣленія въ судьбахъ Тимура“. Авторъ родился въ 1388 г., былъ малолѣтнимъ взятъ въ плѣнъ въ Самаркандѣ, изучилъ персидскій и монгольскій языки и впоследствии посѣтилъ Золотую орду; умеръ онъ въ 1450 г. (Тизенгаузенъ).

особое племя, жившее на ряду съ другими тюркскими племенами, а въ послѣдствіи ушедшее на образованіе башкиръ, частью же узбековъ, отъ которыхъ, въ свою очередь, отдѣлилась особая часть на образованіе киргизовъ, а часть, быть можетъ, осталась самостоятельной, переселившись на востокъ. Во всякомъ случаѣ въ современномъ племени кипчаковъ, какъ передаютъ нѣкоторые авторы, живетъ еще сознаніе того, что они были нѣкогда владѣтелями Дештъ-Кипчака.

Намъ кажется, что Вамбери напрасно оговаривается въ одномъ изъ своихъ сочиненій¹⁾, полагая, будто имъ сдѣлана ошибка въ предыдущемъ трудѣ²⁾, гдѣ онъ признаетъ кипчаковъ за отдѣльную народность, тогда какъ они будто ничто иное, какъ отдѣльный родъ каракиргизовъ, и что ихъ слѣдовало бы назвать „кир-изъ-кипчаками“. Повидимому, Вамбери допускаетъ ошибку именно въ своей послѣдней работѣ, такъ какъ, напримѣръ, Уйфальви³⁾, на ряду съ измѣреніями кара-киргизовъ и киргизъ-кипчаковъ, которыхъ онъ считаетъ, какъ и Костенко⁴⁾, за одно племя, часть цифръ измѣреній относитъ собственно къ кипчакамъ, изъ чего можно сдѣлать выводъ, что онъ считаетъ послѣднихъ за особое племя отъ киргизъ-кипчаковъ, а слѣдовательно и каракиргизовъ. Радловъ въ своей системѣ тюркскихъ племенъ совсѣмъ не удѣляетъ мѣста кипчакамъ, какъ отдѣльной народности, а указываетъ лишь на узбекскій родъ *китай-кипчакъ*⁵⁾, который раздѣляется на *китай* и *кипчакъ*; онъ говоритъ, что эти два поколѣнія такъ связаны другъ съ другомъ, что на вопросъ о ихъ происхожденіи они всегда отвѣчаютъ „*китай-кипчакъ*“. Впрочемъ, тотъ-же авторъ говоритъ, ссылаясь на рассказы, что въ Коканѣ кочуютъ, а частью живутъ осѣдло много кипчаковъ. Н. Остроумовъ⁶⁾ же указываетъ, что въ Ферганской области живутъ до 5000 кипчаковъ. Костенко и, ссылаясь на него, Васильевъ⁷⁾ говорятъ, что

1) Das Türkenvolk in sein. ethnol. und ethnogr. Beziehungen. Leipzig. 1885, p. 278.

2) Reise nach Mittelasien. Leipzig. 1865, p. 304.

3) Le Kohistan, le Ferganah et le Kuldja, p. 55.

4) Туркестанскій край, I. p. 328. 1880 г.

5) Ethnograph. Ueber. d. Türkstämme. Leipzig, 1883.

6) Геогр. Туркестан. края. СПб., 1886 г.

7) Н. Васильевъ. Кочевники Туркестана (Опытъ этноэкономическаго обзора). Самаркандъ. 1890 г.

въ Ферганской области въ 70-хъ годахъ жили до 70,107 душъ кипчаковъ, такъ что, повидимому, если кипчаки и считаютъ себя отчасти принадлежащими къ узбекамъ и каракиргизамъ, то еще не оовсѣмъ слились съ ними и, быть можетъ, находятся въ томъ же отношеніи къ нимъ, какъ *ногайцы* и *каракамаки* къ киргизамъ Букеевской орды (см. „Кир. Бук. орды“ вып. I, стран. 33—34).

О внѣшности древнихъ кипчаковъ намъ почти ничего неизвѣстно, да и вообще разные писатели арабскіе или персидскіе или какіе другіе всегда болѣе интересовались внѣшнимъ бытомъ народности, которую они посѣщали, чѣмъ физическими свойствами: обыкновенно они ограничиваются лишь замѣткой, что тѣ или другіе красивы или безобразны, страшны на видъ и т. д. Такъ, напр., ибнъ-Батута, гостившій довольно долго у хана Узбека, пишетъ, что кипчаки народъ крѣпкій, сильный и здоровый, но больше ничего не говоритъ объ ихъ внѣшности. Гаммеръ, на основаніи китайскихъ источниковъ, говоритъ, что у кипчаковъ глуболежащіе глаза, выступающіе носы и густыя бороды, далѣе, что у нихъ голубые глаза и рыжіе волосы. Нельзя придавать здѣсь слову «рыжій» буквальный смыслъ и слѣдуетъ понимать только какъ цвѣтъ русый; эта ошибка часто встрѣчается и зависитъ, вѣроятно, чисто отъ лингвистическихъ причинъ. Ибнъ-Батута, напримѣръ, описывая русскихъ, говоритъ, что они голубоглазы и красноволосы; врядъ-ли всѣ русскіе, которыхъ видѣлъ ибнъ-Батута, были рыжеволосые, а онъ ихъ видѣлъ въ самомъ Сараѣ, какъ постоянно живущихъ, такъ и прѣзжихъ купцовъ и во время своей поѣздки въ Болгарію, слѣдовательно, видѣлъ ихъ, вѣроятно, много; китайскіе писатели также называютъ русскихъ красноволосыми. Итакъ, судя по описанію Гаммера, кипчаки были блондины и, повидимому, не носили въ сильной степени выраженныхъ монголо-тюрескихъ чертъ (въ современномъ смыслѣ этого слова). Спрашивается, насколько дѣйствительно это описаніе касается именно кипчаковъ, а не какого-либо другого племени (или рода), называвшагося этимъ именемъ въ очень широкомъ смыслѣ слова; по крайней мѣрѣ, представить кипчаковъ блондинами трудно; объ этомъ ничего не говоритъ, напримѣръ, ибнъ-Батута, которому они должвы были броситься своею русоволосостью въ глаза и о чемъ онъ долженъ былъ бы упомянуть, какъ онъ это дѣлаетъ по отношенію русскихъ.

Кипчаки, повидимому, изъ общей массы тюрковъ Золотой орды не выдѣлялись своею наружностью и представляли, вѣроятно, съ остальными тюрками типъ болѣе или менѣе близкій. Впрочемъ, арабскій писатель XVI в. ибнъ-Яхйа ¹⁾ говоритъ, что тюрки-кипчаки отличаются отъ остальныхъ тюрковъ, а именно они религіозны, храбры, быстры въ движеніяхъ, съ красивой фигурой, правильными чертами и благородны. Откидывая изъ этого перечня нравственные качества, мы видимъ, что здѣсь существуетъ весьма ясный намекъ на немонгольскую и нетюркскую (въ современномъ смыслѣ этого слова) организацію кипчаковъ; хотя, конечно, и здѣсь можно допустить, что говорится о кипчакахъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Что имя «кипчакъ» переносилось и на другія племена, а, быть можетъ, нѣдѣко и на всѣ племена, обитавшія Дешть-Кипчакъ, является вполне естественнымъ: разъ наименованіе Дешть-Кипчакъ распространилось на огромный районъ, то и имя кипчаковъ могло распространиться, впрочемъ, повидимому, не уничтожая отдѣльныя родовыя и племенные имена.

Во всякомъ случаѣ, говорить съ увѣренностью о физическомъ типѣ древнихъ кипчаковъ въ настоящее время невозможно; въ этомъ отношеніи могутъ оказать услугу многочисленныя курганы, раскинутыя по нашимъ южнымъ степямъ, такъ какъ, по словамъ Рубруквиса ²⁾, кипчаки хоронили своихъ мертвецовъ, насыпая надъ прахомъ курганъ и ставя на него статую лицомъ къ востоку, держащую у пояса чашу. Какъ извѣстно, такихъ кургановъ „со статуями“ разсыпано въ изобиліи въ современной Донской степи; изъ нихъ, какъ передаютъ мѣстные жители, нѣкоторые и до сихъ поръ сохраняютъ каменные фигуры ³⁾.

¹⁾ Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы. Кіевъ 1884 г.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Нѣсколько освѣтить антропологию, если не собственно древнихъ кипчаковъ, то по крайней мѣрѣ вообще населенія Золотой орды, могли бы курганы, находящіеся въ Букеевской степи. Намъ самимъ довелось въ 1888 году раскопать нѣсколько группъ кургановъ, а именно у Хавской Ставки, у Ново-Казанки и у Таловки. Раскопка въ послѣдней мѣстности не можетъ считаться удачною какъ по малочисленности раскопанныхъ кургановъ, такъ и по испорченности ихъ; во всякомъ случаѣ, курганы этой группы ничего общаго съ другими нами раскопанными не имѣютъ, относятся, повидимому, къ совершенно другому курганному району и принадлежатъ, сколько можно судить по

По наблюденіямъ Уйфальви, всѣ современные средне-азиатскіе кипчаки исключительно черноволосы; такіе результаты получены, по крайней мѣрѣ, на 17 субъектахъ. Впрочемъ, слѣдуетъ здѣсь же указать, что, напр., среди *кара-и каратай-кипчаковъ*, родовъ оренбургскихъ башкиръ, по наблюденіямъ П. Назарова, оказывается приблизительно до 50% темнорусыхъ и рыжихъ субъектовъ, хотя, впрочемъ, темнорусые субъекты среди башкиръ вообще не представляютъ рѣдкости.

сдѣланнымъ находкамъ, къ довольно древнему періоду. Что касается двухъ другихъ группъ, у Ново-Казани и Ханской Ставки, то эти курганы представляютъ одинъ типъ, не имѣющій общаго съ курганами Уфимской, Пермской губерній и Сибири, но стоящій весьма близко къ таковому Тургайской области и Кубанской степи (быть можетъ, Дона и Крыма?) Курганы названныхъ двухъ группъ, раскопанные нами, относятся къ XIV в., т.-е. къ времени процвѣтанія и начала упадка Золотой орды, принадлежатъ кочевому народу тюркскаго типа съ мало выраженными монгольскими чертами, во племени не чистому, а состоявшему изъ представителей разныхъ антропологическихъ группъ, стоящихъ то ближе къ монгольству, то дальше отъ него. Несмотря на разнообразіе череповъ, ихъ можно подвести къ нѣкоторымъ очень определеннымъ типамъ; таковыхъ четыре. (Подробности см. „Курганы Бузевской степи“. Изв. Им. Об. Л., Е. Ант. и Эт., т. LXIV. Труды Антроп. отдѣла, т. XI, в. 2. Москва 1890 г.). Первый типъ, къ которому относится большая часть найденныхъ нами череповъ, характеризуется слѣдующими чертами: надбровныя дуги развиты хорошо, носовой шипъ выступаетъ впередъ довольно сильно, *glabella* у большинства тоже выступаетъ значительно, по величинѣ вти черепа средніе, низкоширокіе, съ довольно широкимъ затылкомъ, съ значительно суженнымъ въ передней своей части лбомъ, съ большимъ межглазничнымъ пространствомъ, низкоорбитные, съ несильно выступающими скулами, узко—или среднеширокоскулые, широко—или узконобые, узкохребетные и среднешироконосые. Говоря вообще, эти черепа нельзя отнести къ монгольской группѣ, хотя, съ другой стороны, они не лишены монголизма, выступающаго у разныхъ череповъ въ разной степени. Этотъ типъ череповъ, сколько можно судить по богатымъ коллекціямъ Антропологическаго музея Им. Московскаго университета, очень распространенъ въ курганахъ, лежащихъ по Волгѣ и въ нашихъ южныхъ степяхъ; тотъ же типъ череповъ, какъ кажется, встрѣчается и среди киргизскихъ череповъ. Второй типъ череповъ, найденный нами, рѣзко отличается отъ предыдущаго, имѣетъ монгольскія черты въ меньшей степени, чѣмъ первый, хотя вліяніе монгольской крови, повидному, отрицать нельзя, но оно казалось въ незначительной степени. Этотъ типъ череповъ бросается въ глаза своею грубостью, рѣзкостью чертъ, рѣзко выраженными мѣстами прикрѣпленія мышцъ, если можно такъ выразиться, угловатостью всей физіономіи. Совершенно такіе же черепа были находимы Ф. Д. Неедовымъ въ курганахъ Тургайской области (хра-

Изъ Средней орды намъ предстояло бы остановиться еще на одномъ поколѣннн, а именно *аринъ* (или *арина*). Мы, къ сожалѣнню, не имѣемъ никакихъ фактическихъ свѣдѣннй о древности этого поколѣннн и можемъ здѣсь указать лишь на преданнє киргизовъ, согласно которому ханъ Алача или Алаша, (до извѣстной степени) мнѣическнй герой—собиратель киргизскаго племени (часто смѣшиваемый съ Хаккъ-Назаръ-ханомъ или Акназомъ), раздѣлилъ свой народъ между своими тремя сыновьями: Уйсюнъ, Аргынъ и Алчинъ, давшими начало Большой, Средней и Малой ордамъ. Слѣдовательно, Аргынъ фигурируетъ въ преданняхъ киргизовъ какъ имя одного изъ сыновей Алача-хана. Но, зная, что Уйсюнъ есть не что иное, какъ имя одного изъ племенъ, вошедшихъ въ составъ киргизовъ, зная далѣе, что и Алчинъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не что иное, какъ имя древняго племени, зная, наконецъ, что какъ Уйсюнъ, такъ и Алчинъ въ киргизскихъ преданняхъ являются сыновьями Алача-хана,—естественно предположить, что и Аргынъ не что иное, какъ имя самостоятельнаго народа, но имя, съ теченнємъ времени, такъ же какъ Алчинъ, утратившее свое значеннє и даже совершенно забытое исторнєй. Мы не думаемъ,

нится въ Московскомъ Антропологическомъ музеѣ, такъ же, какъ и всѣ черепя, найденные нами); среди киргизовъ Букеевской орды, а также среди уральскихъ казаковъ (которые отчасти состоятъ изъ вогайцевъ) намъ доводилось встрѣчать лицъ, общнй обликъ которыхъ позволяеть думать о существованнн того же типа, что и у названныхъ череповъ; послѣдннє представляють тождественный типъ съ таковыми у вѣкоторыхъ вогайскихъ череповъ, взятыхъ изъ могилъ Ф. Д. Неведовымъ. Третнй типъ найденныхъ нами череповъ отдѣляется отъ двухъ предыдущихъ я характеризуется преимущественно выступающими монгольскими чертами, которыми и составляють ставнть черепа этого типа въ особый отъ предыдущихъ рядъ. Наконецъ, четвертый типъ характеризуется полнымъ отсутствнємъ какихъ бы то ни было монгольскихъ чертъ и сильною долихоцефалнєю. Вотъ что можно замѣтить о курганномъ племени Букеевской степи съ антропологической точки зрѣннн: племя было смѣшано изъ разныхъ и разнородныхъ элементовъ, быть можетъ, просто изъ выходцевъ изъ разныхъ странъ, слотившихся воедино, благодаря случайнымъ историческимъ событнямъ; преобладахъ въ этомъ народѣ элементъ тюркскнй, съ слабо выраженными монгольскими чертами; къ этому элементу примѣшался другой, вѣроятно тоже тюркскнй, но съ меньшими признаками монголизма; кромѣ того, въ составъ этого народа вошли и другнє элементы, какъ чисто монгольскнє, такъ и чисто индо-европейскнє. Какъ извѣстно, историческня данння о Золотой ордѣ подтверждаютъ эти общня антропологическня заключення.

чтобы въ этомъ предположеніи заключалась натяжка ¹⁾; но даже если бы это и было, то одно поколѣніе, о которомъ мы, какъ сказано, фактическаго ничего не знаемъ, не можетъ помѣшать намъ остаться при томъ мнѣніи о киргизахъ, ихъ образованіи и увеличеніи въ числѣ, которое нами высказывается.

Расчленяя такимъ образомъ Большую и Среднюю орду киргизовъ и проводя мысль о конгломератномъ строеніи этихъ ордъ, мы одновременно, такъ сказать, отрѣзываемъ отъ киргизскаго племени почти двѣ трети или 1450000 душъ (принимая, по Вамбери, Большую орду въ 450000 (—500000), а Среднюю въ 900000 или же 1748266 душъ, и принимая, согласно другимъ источникамъ, Большую орду въ 1036266, Среднюю въ 712000 душъ). Намъ остается, слѣдовательно, еще третья орда, считающаяся въ 700000—900000 душъ (съ Букеевскою),—это Малая орда. Она состоитъ, какъ нами было сказано, изъ трехъ поколѣній: *алимулинскаго*, *баюлинскаго* и *семиродскаго*; наименованіе послѣдняго само по себѣ уже наводитъ насъ на мысль, что древняго происхожденія ему мы приписывать не должны; то же самое, впрочемъ, говорятъ и имена остальныхъ поколѣній. Обратимъ вниманіе на преданіе, передающее намъ исторію возникновенія этой орды. Сынъ Алача-хана, Алчынъ (см. „Кир. Бук. орды“, в. I, стр. 25), говоритъ преданіе киргизовъ, сталъ во главѣ младшей сотни (давшею впоследствии Малую орду); у него было три сына, отъ которыхъ пошли три поколѣнія Малой орды: старшій сынъ Алимъ („ученый“) далъ начало *алимулинскому* поколѣнію, которое уже издавна считается старшимъ поколѣніемъ и его рода старшими родами въ ордѣ (см. „Кир. Бук. орды“, в. I, стр. 45); второй сынъ Кадыръ-Ходжа имѣлъ 12 сыновей, былъ прозванъ „байдулы“, т.-е. богатый сыновьями, и далъ начало *баюлинскому* поколѣнію (съ 12 родами) и, наконецъ, третій сынъ Картъ-казакъ имѣлъ 7 сыновей и образовалъ поколѣніе *джитру* (джити-семь и ру-родъ) или *семиродское*. Мы видимъ, что въ этомъ преданіи возникновеніе *старшаго* поколѣнія приписы-

1) Мы можемъ подтвердить эти наши слова слѣдующими словами В. Радлова (Обр. нар. лит. тюрк. племень, ч. III, СПБ. 1870 г.). О происхожденіи киргизовъ намъ очень мало извѣстно, говоритъ этотъ авторъ:—родовыя ихъ имена свидѣтельствуютъ о томъ, что киргизы образовались изъ разныхъ народовъ, какъ это доказываютъ, напр., названія племенъ кипчакъ, найманъ и аринъ.

вается „ученому“ сыну, дагѣе, что поколѣніе наиболѣе многочисленное по своимъ родамъ происходитъ отъ человѣка „богатаго сыновьями“, и, наконецъ, что третье поколѣніе лишено вообще соботвеннаго имени и называется семиродскимъ, по числу заключающихся въ немъ родовъ. Мы не можемъ не усмотрѣть въ этомъ разсказѣ известную искусственность и приуроченіе повдѣйшаго къ ранѣе совершившемуся факту и при этомъ совершившемуся инымъ путемъ.

Дѣйствительно, исторія намъ передаетъ нѣчто другое, а именно, по запискамъ Тевкелева (1740), оказывается, что Малая орда издавна состояла изъ одного племени *алчинъ*, которое дѣлилось на алимулинское и баюлинское поколѣнія; къ алчинцамъ присоединились семь мелкихъ родовъ, которые, по словамъ А. Левшина, не имѣли силъ противостоять въ барантахъ сильнымъ и многочисленнымъ алчинцамъ. Нѣчто цѣльное образовали эти семь родовъ только въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка, когда ихъ ханъ Тявка (умеръ около 1717 г.) соединилъ въ одно поколѣніе, названное имъ семиродскимъ. Общее племенное имя для баюлинскаго и алимулинскаго поколѣній—*алчинъ*, выѣ утраченное и забытое (имя этого народа сохранилось въ узбекскомъ родѣ *алчинъ*), существовало еще въ прошломъ столѣтіи и о немъ упоминается въ бумагахъ Абуль-хайра-хана (1748 г.). Если мы теперь остановимся на самомъ *семиродскомъ* поколѣніи, о происхожденіи котораго въ древности намъ неизвѣстно, то нельзя не отмѣтить, что изъ семи родовъ этого поколѣнія три не являются присущими только этому поколѣнію, а именно: *табынъ* встрѣчается я у узбековъ, *тама* у узбековъ и башкиръ, *керейтъ*—есть имя поколѣнія Средней орды, о которомъ мы говорили уже выше. Слѣдовательно, изъ семи родовъ Семиродскаго поколѣнія максимумъ лишь четыре можно было бы считать оригинальными.

Мы остановились на всѣхъ отдѣльныхъ поколѣніяхъ киргизскаго народа и на нѣкоторыхъ родахъ его, заслуживающихъ наибольшаго вниманія. Развѣ мы послѣ этого не видимъ, что въ киргизскомъ народѣ нѣтъ ничего коренного и цѣльнаго, что въ немъ не только отсутствуетъ этнологическая и антропологическая цѣльность, но что даже въ немъ нѣтъ основнаго выдающагося много-

численностью ядра ¹⁾, вокруг котораго группировались бы отдѣльные элементы? Напротивъ того, все киргизское племя расплывается среди массы тюркскихъ, монголо-тюркскихъ и даже иныхъ (усюни) племенъ. Мы не желали выходить изъ рамокъ историческихъ фактовъ и событій, вотъ почему мы ограничились приведенными выше поколѣніями и родами, между тѣмъ область преданій народныхъ нами почти совсѣмъ не затронута. Многочисленные преданія, впрочемъ значительно варьирующіяся по мѣстностямъ, могутъ открыть широкое поле для изысканій сравнительной древности многихъ киргизскихъ родовъ и существованія ихъ нѣкогда въ качествѣ самостоятельныхъ народовъ. Съ другой стороны, сопоставленіе киргизскихъ родовыхъ именъ съ таковыми другихъ тюркскихъ племенъ обнаружить, въ свою очередь, смѣшанность киргизовъ съ элементами, входящими въ иныя самостоятельныя племена.

Въ конгломератномъ строеніи киргизовъ нѣтъ ничего новаго; напротивъ того, здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ же, что и у уйгуръ, монголо-татаръ и другихъ племенъ, съ тою лишь разницею, что эти уже погибли, распавшись и давши пищу новымъ родамъ, а киргизы — племя позднѣйшихъ эпохъ, переживавшее и переживающее времена менѣ бурныя и воинственныя, чѣмъ времена древнія, переживающее эпоху вліянія сильныхъ въ культурномъ отношеніи сосѣдей, вліяющихъ на нихъ своею цивилизаціею, которая ихъ сохраняетъ въ томъ объемѣ и составѣ, каковыя сформировались въ теченіе полутысячелѣтія ихъ политической жизни.

Мысль о конгломератномъ строеніи киргизскаго племени, хотя, подчасъ, и не смѣло, но уже неоднократно высказывалась русскими авторами: такъ, Красовскій ²⁾ говоритъ, напр., что между отдѣльными родами киргизовъ существуютъ нерѣдко очень замѣтныя отличія въ физическомъ типѣ ихъ; далѣе Мейеръ ³⁾ пишетъ,

¹⁾ Конечно, *казахи* Джанибека и Гирея составляютъ ядро, вокруг котораго группировались впоследствии отдѣльные роды или части ихъ, но *казахи* Джанибека и Гирея сами по себѣ представляли смѣсь равнообразныхъ родовъ, сами были, такъ сказать, случайнаго состава, сами нѣкогда принадлежали союзу „*узбековъ*“, но не цѣльное ядро какой-либо цѣльной и сплоченной народности.

²⁾ Область сибирскихъ киргизовъ, ч. I. СПб. 1868 г.

³⁾ Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства. 1865 г.

что нѣтъ никакихъ причинъ предполагать, будто киргизы произошли путемъ естественнаго размноженія и что они непременно составились изъ разныхъ народностей, что отразилось и въ ихъ чертахъ. Другой авторъ ¹⁾ лишь подтверждаетъ вышеприведенныя слова и пишетъ, что наружныя черты киргизовъ весьма различны у различныхъ родовъ. Затѣмъ И. Ибрагимовъ ²⁾, между прочимъ, говоритъ, что отъ Алтая до Урала кочуетъ племя, или, лучше сказать, *кочуютъ племена*, которыя сами себя называютъ „казаки“. В. Радловъ ³⁾, въ свою очередь, говоритъ, что родовыя имена киргизовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что киргизы образовались изъ различныхъ народовъ (кыпчакъ, аргынъ и найманъ); то-же мнѣніе высказывается и Вельяминовымъ-Зерновымъ ⁴⁾ и П. Семеновымъ ⁵⁾. Наконецъ, В. Григорьевъ ⁶⁾ говоритъ, что киргизы прежде не были народомъ, а просто степною азіатскою „казачиною“, сложившейся и сплотившейся въ одно политическое цѣлое изъ обломковъ тюркскихъ племенъ, имѣвшихъ прежде отдѣльное, независимое другъ отъ друга существованіе; далѣе, онъ продолжаетъ, что киргизская народность состоитъ изъ цѣлыхъ родовъ, принадлежавшихъ прежде къ составу другихъ народовъ.

Но если все это дѣйствительно такъ, какъ мы говоримъ, т.-е. если современные киргизы, дѣйствительно, не что иное, какъ кон-

1) Изв. Имп. Об. Л. Ест., Австр. и Эти. т. XXXV. Антропология. Выставка. Т. III, ч. 2. Тутъ у мѣста замѣтить, что нѣкоторые рода киргизовъ отличаются и въ одеждѣ (объ этомъ сохранились воспоминанія въ Букеевской степи; см. „Кир. Бук. орды“ в. I, стр. 45; у ногайцевъ—стр. 37); объ этомъ, между прочимъ, докладывалъ путешественникъ Б. Л. Громбчевскій въ засѣд. Общ. Люб. Ест. 9 февраля 1890 г.; онъ указывалъ, между прочимъ, на головной уборъ женщинъ рода *найманъ*.

2) Русскій Туркестанъ. В. 2, 1872 г.

3) Образцы народа. литер. тюркскихъ племенъ. Ч. III, СПб. 1870 г.

4) Исслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Ч. II, СПб. 1864 г.

5) Географич.-статистич. словарь.

6) Изъ Зауральской степи.—„День“ 1862 г. №№ 28, 32 и 35. Статья написана подъ псевдонимомъ „Мендали Пираліевъ“. Въ первомъ выпускѣ „Киргизовъ Букеевской орды“, ссылаясь на Мендали Пираліева, мы два раза попали въ одну и ту же ошибку, считая псевдонимъ „Мендали Пираліевъ“ за имя собственное и, слѣдовательно, принимая автора за киргиза; эти ошибки находятся на стр. 275 и 287, и наше вниманіе на нихъ обратилъ профессоръ Э. Ю. Петри, которому мы выражаемъ нашу искреннюю признательность.

гломерать различныхъ тюркскихъ и иныхъ племень, имѣвшихъ нѣкогда самостоятельное существованіе, если киргизы, дѣйствительно, не что иное, какъ продуктъ сліянія разнообразныхъ элементовъ, то спрашивается, какія условія окружали эти племена, которыя могли обусловливать ихъ сплочиваніе въ нѣчто однородное и цѣльное, разросшееся до такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ племя современныхъ киргизовъ? Какъ могло случиться соединеніе (и что содѣйствовало ему) этихъ элементовъ въ нѣчто цѣльное, когда мы видимъ въ другихъ мѣстахъ совершенно противоположное, какъ, напр., на Кавказѣ, гдѣ фактически родственныя племена нерѣдко дробятся на десятки политически разныхъ, другъ отъ друга рѣзко отличающихъ себя? Причина этого (кроме, быть можетъ, общаго языка, обычаевъ и, вѣроятно, вѣрованій) лежитъ въ степи—аренѣ этихъ кочевыхъ народовъ. Степь не знаетъ преградъ, она не знаетъ строгаго разграниченія земли на участки, степь сама по себѣ есть объединяющій элементъ, заставляющій всѣхъ живущихъ на ней считаться въ большей или меньшей степени членами одной семьи. Въ горахъ не то: каждая долина, каждое ущелье можетъ считаться собственностью той или другой группы людей, защищающихъ эту собственность, какъ свое; каждая скала, каждый камень даже служитъ убѣжищемъ, служить защитой противъ пришельцевъ; и эти скалы и камни огораживаютъ и защищаютъ за ними стоящихъ отъ проникновенія не только чужеземца самого, но и его обычаевъ, обрядовъ, воззрѣній. Степь, поистинѣ вольная, не знаетъ этихъ преградъ, свободно открываетъ она свои пастбища для своихъ дѣтищей, кочующихъ и тамъ, и тутъ. Но и кочевникъ-степнякъ не знаетъ преградъ: гдѣ онъ былъ вчера, тамъ его нѣтъ завтра, на его же мѣсто является новый чловѣкъ. Степнякъ той замкнутости, которая есть у жителя горнаго, не знаетъ: его образъ жизни извѣстенъ сосѣду его, онъ мирится съ нимъ охотно, отдавая свою дочь замужъ за сына его—онъ дѣлается его тамыромъ.

Но сліяніе разнородныхъ элементовъ произошло не сразу, а послѣ долгой междоусобной борьбы, когда родъ воевалъ съ родомъ сосѣднимъ, когда аулъ шелъ на аулъ, когда кровь лилась рѣкою, и тысячи головъ виновныхъ и безвинныхъ въ спорѣ людей падали, покрывая степь. Немало борьбы выдержали эти элементы между собою, немало бѣдъ претерпѣли ихъ семьи; но, несмотря

на эту кровопролитную борьбу, отдѣльные элементы не переставали сталкиваться другъ съ другомъ и смѣшиваться: кто бѣжалъ къ сосѣду, прося защиты отъ своихъ же, кто подружился съ сосѣдомъ, благодаря гостепрѣимству, закрѣпивъ эти дружескія узы женитьбой, а кто былъ взятъ въ плѣнъ и порабощенъ, но всѣ несли свою кровь на смѣшеніе съ кровью иной, имъ искони чуждой ¹⁾).

Итакъ, мы повторяемъ ²⁾, киргизъ есть сынъ своей степи въ полномъ смыслѣ этого слова: она выработала въ немъ особенности его характера, выработала въ немъ своеобразный бытъ; но этого мало: она произвела его на свѣтъ изъ разныхъ элементовъ своею замиряющею и объединяющею средой. Элементы слились въ одно цѣлое настолько, что въ правѣ носить общее племенное названіе киргизовъ („казаки“), но не настолько, чтобы составить строгую антропологическую группу, стройную въ самой себѣ.

Между Ташкентомъ и Ходжентомъ живетъ въ настоящее время маленькая народность, называемая *курама*; она состоитъ преимущественно изъ пяти родовъ: *джалаиръ*, *телеу*, *тама*, *джалалбайлы* и *тараклы*; ни одинъ изъ этихъ родовъ не имѣетъ самостоятельнаго происхожденія: такъ, родъ *джалаиръ* встрѣчается у киргизовъ Большой орды въ поколѣннн усювъ; *телеу*, *джалалбайлы* и *тама* суть рода семиродскаго поколѣннн Малой орды, а *тараклы*—одинъ изъ родовъ поколѣннн кирейтъ киргизской Средней орды. Всѣ признають *куруму* за смѣсь киргизовъ и узбековъ ³⁾, никто не считаетъ кураминцевъ самостоятельною народ-

1) Насколько сравнительно легко сліяніе чужихъ по существу элементовъ въ степи, мы видимъ въ настоящее время на сліяніи ногайскаго рода съ киргизами въ Букеевской ордѣ,—скажъ, о которомъ мы говорили много выше („Кир. Бук. орды“ в. I, стр. 36 и 37). Конечно, данное сліяніе должно произойти легче и быстрее въ силу измѣнившагося политическаго положенія Букеевской орды, чѣмъ во время вольнаго жнтья кочевника въ степяхъ, не испытывающаго на себѣ вліянія культурныхъ сосѣдей, но скажъ этотъ характеръ для степи и не могъ бы имѣть мѣсто среди жителей горъ.

²⁾ См. „Кир. Бук. орды“ в. I, стр. 283.

³⁾ Кураминцы живутъ въ долинахъ рѣкъ Бодана, Келеса, Чиръника и Ангрена (въ Чимкентскомъ и Кураманскомъ уездахъ); ихъ число всего только, по словамъ Островскаго (Геогр. Туркест. края, 1886 г.), 77,000 душъ. По мнѣнію Яворскаго (Опытъ мед. геогр. Туркест. 1889 г.), имя „курама“ обозначаетъ „сбродъ“; ихъ поселенія, по словамъ послѣдняго автора, не

ностью, и даже имя ихъ „курама“, по мнѣнію В. Радлова, объясняютъ словомъ „кура“—штопать, шивать („zusammenflicken“); такъ говорятъ, и совершенно справедливо говорятъ, о маленькомъ племени кураминцевъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о киргизахъ (казакахъ), сшитыхъ изъ пестрыхъ лоскутковъ, тюркскихъ, монгольскихъ, монголо-тюркскихъ и иныхъ племенъ.

Ал. Харузинъ.

Рубанка, 3 августа 1895 г.

старше 100—150 лѣтъ; состоятъ они изъ слѣдующихъ родовъ: рода киргизской Большой орды—сары, уйсунъ, сергале, таракъ, сты, уймауты, угакты, чемиръ, чанышкулъ, джанысь, канглы, джаланръ, кунгратъ, атагай, алтай, тебичъ, такалы, берчъ, карпакъ, киндагалы, караганъ, басантисъ, ак-бура, булатчи, кара-гирей, тиря-тамгалы, иргянналы, салыръ, тормангыръ, тугочка, тытабакъ, бултунъ, карабалыкъ, кундялинь, тана-буга и узунъ; рода киргизской Малой орды—джагалбайлы, рамаданъ и тама; нѣсколько узбекскихъ родовъ и т. д.

ЭПОСЪ ЛИ ДРЕВНѢЙШІЙ РОДЪ ПОЭЗІИ?

Статья Д. Матова ¹⁾

(съ болгарскаго).

Судя по другимъ областямъ умственной дѣятельности человѣка, необходимо предположить, что и въ мірѣ поэзіи первоначально не было того разнообразія видовъ и родовъ, которое мы видимъ теперь. И здѣсь разнообразіе возникало изъ прежде однообразнаго, сложное выходило изъ безформеннаго, простого. Особенно это очевидно изъ того, что вначалѣ не только отдѣльные роды поэзіи не разграничиваются хорошо одинъ отъ другого, но и сама поэзія въ своемъ первобытномъ проявленіи сливается съ другими искусствами—мимикой, танцами, не говоря уже о пѣсняхъ. Ярко проявляется это въ танцахъ дикаря, который сопровождаетъ слова пѣніемъ, одновременно танцуетъ и дѣлаетъ мимическіе знаки. Въ этихъ забавахъ, въ основѣ которыхъ кроются эстетическія и религіозныя потребности, можно видѣть зачатки поэзіи, музыки и пластичнаго искусства. Сперва является цѣлое, неопредѣленное, а затѣмъ органической шагъ—развитіе, т.-е. самостоятельное выдѣленіе отдѣльныхъ частей ²⁾.

Древніе философы-поэты не или далѣе вопроса о духовной силѣ, которая дѣйствуетъ въ поэтѣ и о назначеніи искусства. Они оставили довольно точныя опредѣленія родовъ поэзіи главнымъ образомъ драмы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высказали неясно мысли о происхожденіи лирики, эпоса и т. д. Въ лицѣ Платона и Аристотеля греки положили начало наукѣ о поэзіи, и не ихъ вина, что долгое время спустя философы и критики почти не выходили изъ тѣхъ границъ, въ которыхъ вращались и они, и не задавались вопросами о постепенномъ развитіи поэзіи. Но теперь, когда усердно изучаютъ развитіе всякаго явленія физической и умственной жизни человѣка, необходимо было выдвинуть вопросы

¹⁾ Переводъ статьи г. Матова, профессора Высшей школы въ Софїи (помѣщенной въ „Български Прегледъ“ 95 г. № 1), сдѣланъ нами съ нѣкоторыми незначительными пропусками (особенно опущены нѣкот. ссылки и примѣчанія, которые свободно можно было оставить безъ перевода). Интересно сравнить нѣкоторыя мѣста этой статьи со ст. Оболенскаго въ „Русской Мысли“ 1895 г. (мартъ), подъ загл. „Основы научной теоріи искусства и критики“. Н. Г.

²⁾ Развившіяся въ послѣдствіи особнякомъ искусства могутъ снова сливаться и образовывать новый организмъ. Это мы видимъ въ драматическомъ искусствѣ. Для совершенной формы его необходимо предварительное развитіе мимики и музыки; въ самой области поэзіи необходимо развитіе отдѣльно эпоса и лирики, пока возможно изображеніе жизни въ формѣ дѣйствительности, которая совершается предъ нами. Впрочемъ, первобытная драма или, скорѣе, зачатки драмы явились въ глубокой древности, въ играхъ и религіозныхъ процессіяхъ прежде, чѣмъ обособились лирика и эпосъ. Ср. М. Карьеръ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣчества. М. 1871 г. II, 182; Ch. Letourneau, L'evolution littéraire dans les diverses races humaines: Paris 1894.

и о хронологическомъ отношеніи между родами поэзіи. Если драма, какъ то издревле извѣстно, хотя и не совсѣмъ представляется несомнѣннымъ, является самымъ новымъ родомъ поэзіи, то который болѣе старъ изъ двухъ другихъ родовъ: лирики и эпоса? Произшли одинъ отъ другого или вмѣстѣ отъ третьяго рода, въ которомъ заключались, и если такъ, то одновременно, или одинъ послѣ другого? Отвѣтъ, который можетъ дать наука на этотъ вопросъ, важенъ не только для объясненія эволюціи въ поэтическомъ творчествѣ, но и для извѣстныхъ догадокъ о будущемъ значеніи поэзіи... Определеннаго взгляда на это держался и покойный славистъ Миклопичъ, высказавшійся особенно ясно въ своемъ послѣднемъ сочиненіи (*Die Darstellung im slavischen Volksepos*. Wien, 1890), и я попытаюсь по этому поводу разъяснить здѣсь, какъ стоитъ теперь занимающій насъ вопросъ и куда клонится рѣшеніе его.

Методъ, посредствомъ котораго можетъ быть рѣшенъ научно вопросъ объ относительномъ старѣйшинствѣ эпоса и лирики, кажется, хорошо опредѣленъ въ началѣ одной статьи Е. Вольфа, посвященной тому же самому вопросу (*Eugen Wolff. Vorstudien zur Poetik*. I—IV. *Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte*. N. F. VI. 1893, 423 стр.). „Въ настоящее время очень часто раздается голосъ за индуктивную поэтику, но не совсѣмъ еще ясно, что нужно разумѣть (въ этомъ случаѣ?) подъ индуктивными методами. Такъ какъ произвольный выборъ и накопленіе примѣровъ во всякой научной отрасли считается дилеттантствомъ, индуктивная поэтика только тогда можетъ соперничать съ методомъ филологіи и другихъ установившихся наукъ, когда будетъ въ состояніи разсматривать исторію словесности безъ увлеченія, въ полнотѣ и порядкѣ. Полнота и порядокъ то же самое, что и разсматривать исторію словесности въ исторической непрерывной послѣдовательности. Доселѣ поэтика пользовалась исторіей словесности, какъ окаменѣлымъ организмомъ, или какъ какимъ-то складомъ для рѣдкостей. Часто думали, что ученіе обо всемъ можно исчерпать однимъ примѣромъ или нѣсколькими примѣрами, подобранными кое-какъ. Такой способъ былъ-бы недостаточенъ даже въ томъ случаѣ, если исторія и особенно исторія словесности не были волнообразнымъ организмомъ. А это именно такой организмъ, съ перемѣнами и преобразованиями, которыя, если будутъ въ безпорядкѣ нагромождены другъ на друга, могутъ заставить насъ усумниться, можно ли опредѣлить общее понятіе поэтики, но если будутъ расположены въ порядкѣ, дадутъ самый вѣрный регуляторъ варіацій одного типа. Если соберемъ всѣ внутреннія и внѣшнія совпаденія различныхъ по формѣ и виду отраслей всемірной поэзіи, то добудемъ главный принципъ всякой поэзіи“.

На этихъ принципахъ основанъ трудъ французскаго эволюциониста Летурно: *L'évolution littéraire dans les diverses races humaines*. Paris 1894 (XV т. *Billiotheque Anthropologique*). Въ увѣрен-

ности, что антропология можетъ пролить свѣтъ на темные вопросы развитія поэзіи, Летурно разсматриваетъ фазисы поэзіи у всякаго народа, обращая главное вниманіе на словесность дикихъ народовъ. Профессиональные историки, говоритъ Летурно, написали до сихъ поръ массу книгъ, которыя, несмотря на всю свою важность и цѣнность, все же неполны, такъ какъ не обнимаютъ всего человѣческаго рода. Слово „словесность“ до сихъ поръ придавалось этимологическое узкое значеніе, такъ какъ изъ нея понятія исключались болѣе примитивная наивная поэзія. Между тѣмъ какъ болѣе совершенная словесность есть развитіе болѣе грубой, и послѣдняя также далека отъ перваго зарожденія словесности. Поэзія зарождается отъ тѣхъ именно забавъ и движеній, которыя удовлетворяютъ одну и ту же эстетическую потребность, но которыя пользуются въ самой слабой степени словомъ, почему изученіе генезиса поэзіи нужно начинать отсюда. Сочиненіе Летурно, которое вызвано этими соображеніями, дѣлится на три главные части: 1) литература негритянскихъ расъ, 2) литература желтыхъ расъ и 3) литература народовъ бѣлой расы. Вначалѣ находится вступительная глава, посвященная вообще разсмотрѣнію мѣста, которое занимаетъ поэтическое творчество въ развитіи человѣка. Летурно начинаетъ съ біологическихъ основъ эстетическихъ рефлексовъ, даетъ примѣры начальной эстетики у животныхъ, затѣмъ останавливается на связи поэзіи съ первобытнымъ языкомъ, которую можно наблюдать и въ образованіи дѣтскаго языка, и, наконецъ, отмѣчаетъ соотношеніе между развитіемъ поэзіи и общественнаго устройства народа.

На ту же тему, которая занимаетъ насъ здѣсь, 3—4 года тому назадъ было написано другое важное сочиненіе поэта-философа Л. Якововскаго (Ludvig Iacobovski, Die Anfänge der Poesie. Grundlegung zu einer realistischen Entwicklungsgeschichte der Poesie. Dresden und Leipzig, 1891). Послѣдній подступаетъ къ вопросу съ другой стороны, потому что изслѣдуетъ или, скорѣе, отгадываетъ судьбу первичной поэзіи не столько путемъ наблюденія, сколько чрезъ дедукцію. И любопытно, что выводы Якововскаго и Летурно, идущіе разными путями, встрѣчаются между собой. Оба они приходятъ къ заключенію, что первая поэзія, Созданная, человѣкомъ имѣла скорѣе лирический характеръ.

Теорія, стоящая за субъективный характеръ первобытной поэзіи, кажется мнѣ болѣе вѣроятной, чѣмъ теорія тѣхъ философовъ-археологовъ, къ которымъ принадлежитъ и Миклошичъ, и которые учатъ, что сначала всякая поэзія есть эпосъ. И дѣйствительно, исторія духовнаго развитія показываетъ намъ, что основы нашихъ душевныхъ способностей (память, воля, разсудокъ) суть рефлексы, что отличительная черта психикіи первобытнаго человѣка есть импульсивность, т.-е. неудержимое подчиненіе первому чувству. Потому-то первобытный человѣкъ прежде всего склоненъ изображать

словами и движеніями то, что его волнуетъ, и все находящееся внѣ своего „я“ представляетъ также субъективно. И какъ вообще объективное представленіе видимаго и испытываемаго является труднымъ, то для неразвитаго человѣка оно почти невозможно (Спенсеръ Основ. псих § 253, Соціол. § 31; Letourneau, La biologie, I, VI, X гл.).

Я наложу сперва доказательства субъективности первоначальной поэзіи, затѣмъ попытаюсь показать, къ какой эпохѣ общественнаго развитія можно приложить теорію эпоса. Такимъ образомъ, удобнѣе всего будутъ противопоставлены и до извѣстной степени примирены противоположныя ученія.

Якобовскій доказываетъ сначала, пользуясь аналогіей, что первоначальная поэзія есть пралирика. Обыкновенно сравниваютъ человѣчество съ отдѣльнымъ человѣкомъ, и какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ въ цѣломъ человѣчествѣ различаютъ фазисы: дѣтство, юность, зрѣлость и старость. Дѣтство принимаютъ моделью примитивнаго человѣка.

Спрашивается, какія первыя проявленія сознанія дѣтской души? Дитя, появяясь изъ утробы материнской, издаетъ крикъ, выражаетъ страхъ и непріятное чувство. Внѣшняя природа служитъ для дѣтей только для того, чтобы, возбуждая ихъ нервы, причинять удовольствіе или боль; до объективнаго воспріятія не достигаютъ дѣтскія способности. Нервная раздражительность, ощущенія, воспріятія, представленія—все это въ дѣтскомъ организмѣ тѣсно сливается съ чувствомъ пріятнаго и непріятнаго. Въ ощущеніяхъ выражается весь душевой міръ ребенка, ощущенія—первый опредѣленный моментъ въ чувствительной жизни дѣтей. И такъ какъ пралирика есть выраженіе черезъ звуки чувственныхъ проявленій, то ясно, что лирикѣ принадлежитъ первичность, а не эпосу.

Такимъ образомъ, пралирика или первоначальная поэзія отвѣчала пріятнымъ и непріятнымъ ощущеніямъ. Но нужно замѣтить, что только сильныя возбужденія—пріятныя или непріятныя—выводятъ человѣка изъ индифферентности, приводятъ его въ состояніе „священнаго безумія“ и заставляютъ творить лирику. (однообразныя и слабыя впечатлѣнія, повторяясь, не имѣютъ уже болѣе силы для нашего чувства, такъ сказать, притупляютъ его и не могутъ побудить къ творчеству, потому-то необходимо разнообразіе и смѣна ощущеній, чтобы получилась сильная и настоящая лирика.

Сознаніе, выведенное изъ безразличнаго состоянія какимъ-либо ощущеніемъ, откликается на него соотвѣтствующимъ звукомъ, отличающимся быстротой, какъ и рефлексивныя движенія. И такіе первые звуки, вышедшіе изъ человѣка, образуютъ лирику, но они въ то же время начало языка и пѣсни. Потому поэзія, языкъ и пѣсня—вѣтви одного и того же ствола.

Такъ какъ чувства бывають прїятныя и непрїятныя, то соотвѣтственно этому первоначальная лирика являлась въ формѣ радостной или скорбной. Якобовскій доказываетъ, что для поэзи скорби требуется менѣе возбужденія, чѣмъ сколько для противоположной. Потому-то первый родъ поэзи значительнѣе второго и по качеству, и по количеству. Литература всемірная доказываетъ этотъ замѣчательный фактъ. Укорь за то, что пессимистическая поэзія будто бы является болѣзною и превосходить количествомъ поэзію жизнерадостную, не имѣеть значенія. Пессимистическая лирика является не только естественной необходимостью, но по справедливости можетъ завять большую часть всякой поэзи. Не нужно забывать и того, что человекъ имѣеть склонность размышлять надъ причинами непрїятныхъ ощущеній. Удовольствіе же переживаетъ безъ того, чтобы задаваться вопросами о причинѣ его.

Предметами, которыми возбуждаются въ человекѣ прїятныя и непрїятныя чувства, опредѣляется содержаніе первоначальной лирики.

Прежде всего человекъ отражаетъ рефлексивно физическія ощущенія, которыя отличаются чисто мѣстнымъ характеромъ, какъ напр., боль отъ пораненія и удовольствіе отъ прекращенія боли. Того же характера и тѣ движенія, причины которыхъ кроются въ аномаліи жизненнаго процесса. Если послѣдній идетъ правильно, мы ощущаемъ удовольствіе, если же нѣтъ, то огорченіе. И эти виды ощущеній черезъ звуки выливаются въ скорбь или радость, часто выражаются въ движеніяхъ, часто самымъ бессмысленнымъ образомъ. И эти звуки слѣдовало бы назвать лиричными, но разумѣется, они болѣе низкаго качества, такъ какъ подобные звуки издаются всякимъ животнымъ, вслѣдствіе чисто физическихъ свойствъ, владѣющимъ нервною раздражительностью и способностью издавать звуки. Такія ощущенія и въ человекѣ рефлексивны, но Якобовскій думаетъ, что нужно упомянуть о нихъ, такъ какъ всѣмъ народамъ свойственны почти одинаковыя междометія для изобразенія радости и скорби.

Затѣмъ по степени важности идутъ тѣ ощущенія, которыя имѣють въ основѣ два главныя влеченія первобытнаго человека въ періодъ грубой борьбы за жизнь: 1) влеченіе къ пищѣ 2) — къ любви. Первобытный человекъ испытывалъ большее возбужденіе, когда былъ голоденъ, чѣмъ когда сытъ, но особенно благопрїятно для проявленія прїятныхъ и непрїятныхъ ощущеній состояніе жажды. Это зависитъ отъ физиологическихъ отправленій, которыя наступаютъ вслѣдъ за насыщеніемъ и при пищевареніи вызываютъ у нѣкоторыхъ животныхъ съ развитымъ аппаратомъ для пищеваренія даже сонъ. Съ другой стороны, почти всякій народъ употребляетъ опьяняющіе напитки — медъ, вино и проч., которые возбуждаютъ въ чувствѣ силу и вообще дѣятельность. Потому-то всякій народъ имѣеть поэзи пира, но нѣтъ поэзи насыщенія.

Такъ какъ голодъ и жажда сами по себѣ непріятныя состоянія, то понятнo, что они больше побуждаютъ къ пессимистическому поэтическому творчеству. Къ такому же роду творчества побуждаетъ человѣка и половая страсть. Первобытнѣйшій человѣкъ испытывалъ мученіе, желая удовлетворить свою страсть, и только уже позднѣе могъ предвкушать пріятность отъ удовлетворенія ея и быть весело настроеннымъ. Впрочемъ, чтобы угодить женщицѣ и привлечь ее къ себѣ, измѣняя первобытнѣйшій человѣкъ голосъ своей скорбной и болѣзненной лирики на веселый и жизнерадостный. Точно также и функціи пяти чувствъ, особенно высшихъ — зрѣнія и слуха, и сложныя ихъ дѣйствія способствуютъ такъ или иначе проявленію душевнаго настроенія. Болѣе низшія чувства (осязаніе, обоняніе, вкусъ) стоятъ на второмъ планѣ. Наконецъ, и впечатлѣнія отъ окружающей природы возбуждали въ первобытнѣйшій человѣкъ радость или скорбь, страхъ или надежду.

Звуки, которыми первобытнѣйшій человѣкъ почти невольнo и безсознательно проявлялъ свое настроеніе, носили характеръ импровизаціи. Всякій звукъ навѣрно имѣлъ нѣсколько оттѣнковъ и тоновъ ударенія, но о числѣ звуковъ нельзя сказать ничего положительнаго. Возможно только предположить, что во многихъ случаяхъ вмѣсто словъ служили движенія и мимика. Законъ привычки облегчалъ для человѣка повтореніе произнесенныхъ много разъ лирическихъ звуковъ, такъ что со временемъ число ихъ росло. Такого рода упражненія происходили сперва наединѣ безъ вниманія къ публикѣ.

Когда появилась публика, тамъ уже явилось условіе для эпоса. Изъ четырехъ главныхъ источниковъ лирическихъ проявленій: голода, любви, зрѣнія, слуха, только одинъ — дѣйствіе любви побуждаетъ человѣка искать другого, чтобы высказать ему чувства свои и мысли, и чтобы тотъ раздѣлилъ ихъ съ ними. Жена есть первая публика для мужа-лирика. Но это только временная публика, а не постоянная. Такъ думаетъ Якововскій, потому что бракъ первоначальный представляется ему, какъ совершенно свободное моногамичное супружество, продолжающееся только извѣстное время между двумя лицами.

Всякій разъ, какъ только жена отвѣчаетъ мужу не только мимикой, но и словами, лирическая поэзія дѣлаетъ шагъ къ эпосу и получаетъ въ то же время драматическую форму. Но настоящая эпика развивается только тогда, когда изъ семейства образуются роды. Тогда не только чувство любви, но и другія чувства заставляютъ человѣка дѣлиться своими впечатлѣніями съ другими. Подражаніе, свойственное природѣ первобытнаго человѣка, заставляетъ тѣхъ, которые слышатъ лирическаго пѣвца, повторять его слова, особенно когда послѣднія выражаютъ пріятное настроеніе, потому что всякій желаетъ такимъ образомъ испытать подобное же состояніе.

Такимъ, можетъ быть, смутно сознаваемымъ желаніемъ звуками и движеніями произвести то же чувство, которое создали эти звуки и движенія у того, кто первый ихъ произнесъ, объясняются общественные хороводы и пѣсни у первобытныхъ народовъ, обладающихъ очень небольшимъ количествомъ пѣсень, пѣтыхъ однимъ человѣкомъ наединѣ, безъ общества соучастниковъ или зрителей.

Господство лирики продолжается, по мнѣнію Якововскаго, недолгое время. Но нѣтъ необходимости придавать такое ограниченное значеніе термину лиризма, какой придаетъ онъ ему. Поэзія, въ которой преобладаетъ чувство, въ которой рисуется не столько фактъ или картина, сколько душевное настроеніе, вызванное ими, остается, несомнѣнно, лирической.

Впадаютъ въ ошибку и тѣ ученые, которые предполагаютъ, что первоначальная поэзія была эпичной, такъ какъ древнѣйшей формой общественной жизни былъ родъ (союзъ, задруга, кланъ и др.), и такимъ образомъ не было мѣста для индивидуальности, для лирической поэзи. Говорятъ, въ родѣ человѣкъ сознаетъ себя не какъ самостоятельный индивидуумъ, а какъ членъ плѣлаго — рода и народа, и его личныя духовныя и моральныя способности подавляются и обнаруживаться могутъ только въ дальнѣйшемъ періодѣ жизни. Якововскій допускаетъ, что до образованія общества человѣкъ былъ самостоятельной единицей. Слѣдовательно, индивидуальность была только во время періода нестройства, и только въ это время процвѣтала лирика. Но, можетъ быть, человѣкъ былъ стаднымъ общественнымъ животнымъ — тогда куда отнести первичную лирику?

Одно забываютъ въ такихъ разсужденіяхъ: если исчезаетъ личность въ задругѣ, родѣ, то все же остается нѣкоторое личное сознаніе, а послѣднее въ болѣе сильныхъ формахъ и есть родовое, общее. Цѣлый родъ имѣетъ одинаковые интересы, одну мораль, вѣру и чувства, и это лучшія условія для лирическихъ произведеній, которые создаются отдѣльными личностями, но воспроизводятся цѣлымъ родомъ и понятны всякому его члену.

И Летурно допускаетъ такой именно родовой лиризмъ (*lirisme du clan*) для первичной поэзи. Многочисленные примѣры, приведенные въ его книгѣ, убѣждаютъ насъ, что истина на сторонѣ его предположенія. Въ Греціи, которую застаемъ еще въ томъ фазисѣ общественнаго развитія, существуютъ хороводныя пѣсни лирическаго характера, и только позднѣе ихъ развивается эпосъ. Какъ всѣ эстетическія игры и забавы австралійцевъ, такъ и пѣсни ихъ, соединенныя съ хоромъ и мимикой, обнимаютъ цѣлый кланъ, среди нихъ имѣются и лирическія. Папуасы, у которыхъ хоры являются для изображенія всякихъ важныхъ общественныхъ событій, какъ жатва, война и пр., сопровождаютъ хоръ словами, которыя хотя ведутся въ диалогической формѣ — между начальникомъ и родомъ — но въ сущности выражаютъ воинственное настроеніе рода и пр.

Въ позднѣйшемъ періодѣ времени, когда отжилъ родовой порядокъ, когда явились частная собственность, частные интересы, когда одни стали бѣдными, другіе богатыми, когда образовались разные классы, разныя убѣжденія и пр., явилась другая лирика, главное содержаніе которой—любовь.

Такъ представляетъ себѣ Летурно до-историческую поэзію современныхъ образованныхъ народовъ, которую можно отчасти наблюдать и у существующихъ дикихъ племенъ. Послѣ указанныхъ двухъ фазисовъ развитія поэзіи наступаетъ третій: образуются особыя сословія, которыя культивируютъ музыку и пѣніе, искусство такъ идетъ впередъ, что всякій уже не можетъ въ немъ упражняться, необходимы особенное дарованіе и подготовка. Техника совершенствуется, но въ то же время отъ этого искусство погибаетъ для свободы созданія, исчезаетъ природное вдохновеніе. Въ этотъ періодъ поэзія вовсе не выражаетъ того, что называется „коллективной душой“ народа, появляются и покровители поэзіи, налагающіе часто на нее странное стѣсненіе и обрекающіе на упадокъ.

За этой фазой развитія поэзіи слѣдитъ Летурно съ особенной любовью. А относительно происхожденія поэзіи онъ держится особеннаго мнѣнія, о которомъ я намекнулъ раньше. Именно, онъ доказываетъ, что поэзія началась въ драматическихъ играхъ и забавахъ, и отъ драмы, явившейся въ неразвитой формѣ, отдѣлилась мало-по-малу лирика. Очень много подробностей находится у Летурно, доказывающихъ драматичность игръ у первобытныхъ и древнихъ народовъ Австраліи, Перу и Мексики, Китая, Іудей, Греціи и т. д.

Необходимо признать, что только въ усовершенствованной формѣ драма—самый молодой родъ поэзіи, а въ формѣ начальной она могла появиться и очень рано.

Что касается другихъ двухъ родовъ поэзіи—лирики и эпоса—время ихъ происхожденія гораздо менѣе интересуетъ Летурно. Вообще же онъ приписываетъ лирикѣ старшій возрастъ, но нужно замѣтить, что лирику онъ понимаетъ въ очень широкомъ смыслѣ, когда относитъ къ ней и всѣ легенды и преданія. Изъ примѣровъ книги видно, что Летурно подъ словомъ эпосъ понимаетъ только такія развившіяся эпическія произведенія, какъ Магабгарата или Одиссея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даетъ примѣры, которые содержатъ эпическій элементъ, а онъ ихъ называетъ „лирикой“. Съ другой стороны, наблюдается путаница и въ томъ, когда лирическія пѣсни, составленныя отдѣльными личностями, противоплагаются коллективнымъ хороводнымъ пѣснямъ.

Для нашего вопроса необходимо строго соблюдать различіе между лирическими и эпическими элементами, необходимо отличать не только главную родовую черту произведенія, которое изучаемъ, но и оттѣнки его, такъ какъ рассказъ, напр., можно переложить въ настоящій лирическій тонъ.

Вотъ поэтому необходимымъ мнѣ казалось прослѣдить не только систему эволюціи Летурно, но и примѣры, разбросанные въ его книгѣ, чтобы такимъ образомъ видѣть, оправдывается ли для первобытныхъ народовъ то, что предположилъ Якобовскій для до-историческаго человѣка, особенно на основѣ дедуктивныхъ соображеній о его психической природѣ.

И дѣйствительно, у первобытныхъ народовъ встрѣчаемъ поэтическія произведенія, во всякомъ случаѣ отличающіяся болѣе лирическимъ характеромъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

У южно-африканскихъ негровъ, стоящихъ на слишкомъ низкой степени культуры, поются разговоры и погребальныя пѣсни. Кромѣ этой „бѣдной лирики“, можетъ быть, у нихъ есть и другія поэтическія творенія, но это неизвѣстно. Поэзія готтентотовъ состоитъ въ импровизированныхъ молитвахъ и въ лирическихъ (и сатирическихъ) пѣсняхъ, соединенныхъ съ хоромомъ и музыкой и представляющихъ смерть знаменитаго вождя, охотника на охотѣ и пр. У папуасовъ, которыя достаточно интеллигентны, рядомъ съ сказаніями находимъ и военныя пѣсни. А у эскимосовъ, являющихся мирнымъ народомъ, рядомъ съ разсказами и легендами находимъ пѣсни посвященныя прославленію природы и ея красоту, къ которымъ этотъ народъ оказывается очень чувствительнымъ. Краснокожіе американцы имѣютъ и легенды (прозой), но большая часть поэзи у нихъ состоитъ изъ лирическихъ пѣсенъ—военныхъ, любовныхъ и погребальныхъ. Военныя пѣсни ихъ, по словамъ Летурно, подобны реву дикихъ звѣрей. Любопытно, что между этими лирическими пѣснями находятя состоящія изъ безсвязныхъ словъ, оставшіяся, какъ воспоминанія цѣлаго содержанія, а другія совсѣмъ неясны, т. к. состоятъ только изъ междометій. Китай, который подтверждаетъ теорію Летурно о старѣйшинствѣ драматическихъ представленій, не даетъ въ настоящее время цѣнныхъ примѣровъ ранней лирики: первые образцы ея датированы 1766 г. до Р. Хр. И ассирійская словесность, какъ то видно по надписямъ, прочитаннымъ съ большимъ искусствомъ, содержала не только космогоническіе мифы, но и гимны. Такъ какъ трудно здѣсь рѣшить, что принадлежитъ къ древнѣйшему времени, то хорошо дѣлаетъ Летурно, что не рѣшаетъ общій вопросъ на такихъ недатированныхъ фактахъ. Потому и на Бытіи библейскомъ онъ не останавливается долго, тѣмъ болѣе что находитъ сильное вліяніе на него одного ассирійскаго разсказа. Содержаніе еврейской поэзи особенно лирично, и главныя черты этой поэзи разсматриваетъ Летурно подъ заглавіемъ „лирическая еврейская поэзія“. И въ старой германской поэзи находимъ проявленіе „очень древней лирики“, напр. въ пѣсни о Лодброкѣ. Когда взглянемъ на классическіе народы, то принуждены будемъ оставить римлянъ за недостаткомъ данныхъ и остановиться на греческой поэзи. И что ви-

димъ здѣсь? Отъ древнихъ временъ здѣсь сохранились въ связи съ хороводами и пѣсни, которыя не всегда были эпичными. Въ древности были славословія, посвященные гостямъ и другимъ лицамъ въ разныхъ случаяхъ, особенно во время свадьбы и погребенія. Любопытно, что самъ Гомеръ упоминаетъ о гименейяхъ, т.-е. о брачныхъ пѣсняхъ, которыя первоначально отличались лирическимъ характеромъ, а позднѣе могли перейти въ сказанія.

И такъ, многочисленныя условія, которыя вызываютъ дѣйствительно лирическую поэзію у первобытнаго человѣка: общественныя игры и забавы, военное настроеніе, любовь, восхищеніе красотами природы, оплакиваніе умершаго вождя или родственника, молитва къ нему или божеству.

Вникая въ условія, объясняющія намъ преобладаніе лиризма въ поэзіи первобытныхъ народовъ, мы должны признать, что лирика является главнымъ содержаніемъ первичной поэзіи. Говорю „главное содержаніе“, потому что и эпическія творенія создавались тогда, когда образовывались родъ или семейство, что видимъ изъ наблюденій. Позднѣе, вслѣдствіе долгаго прожитаго времени и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могъ возникнуть и развиться чистый эпосъ, въ то время какъ чистый лиризмъ свойственъ самой глубокой древности.

Впрочемъ, нѣчто подобное допускаютъ и нѣкоторые нѣмецкіе ученые, стоящіе вообще за первородство эпоса. Такъ и М. Каррьеръ допускаетъ, что главные качества, которыми отличается эпосъ, именно объективность, подробность и единство—еще неразвиты въ началѣ: отдѣльныя пѣсни, впервые зарождающіяся въ эпической поэзіи, берутъ поводомъ дѣйствительное событіе и воспѣваютъ его для прославленія какого-либо героя или подвига; въ нихъ звучитъ лирической тонъ, герой иногда является и самимъ пѣвцомъ. Для позднѣйшаго поколѣнія, для котораго не все является яснымъ, становятся необходимыми подробности и настоящій эпическій слогъ. Позднѣе является и объединеніе нѣсколькихъ пѣсней, относящихся къ одному герою или событію. И только тогда можетъ ослабѣть въ значительной степени лирической элементъ, который совершенно никогда не исчезаетъ. Посмотримъ теперь, на что опираются ученые, которые поддерживаютъ старѣйшинство эпики и которые принадлежатъ главнымъ образомъ къ нѣмецкой филологической школѣ, основанной Гриммомъ. Прежде всего они пользуются историческими доказательствами. По послѣднимъ самымъ древнимъ произведеніямъ нѣмецкой литературы, насколько знаетъ исторія, поэтическія, а самыя первыя изъ нихъ—эпическія, если начнемъ со времени Тацита. Еврейская литература начинается эпосомъ, точно также индійская и греческая. Съ другой стороны и внутреннія соображенія приводятъ этихъ ученыхъ къ тому же заключенію. Изъ всѣхъ душевныхъ силъ, по ихъ мнѣнію, при созданіи поэтического образа особенно дѣйствовало воображеніе: чувство и разумъ

стояли на второмъ планѣ. А понятно воображеніе приводило къ эпическому творчеству. Да и легче было для человѣка, предполагають указанные ученые, понять извѣстное событіе и представить его въ словесномъ произведеніи, чѣмъ вникнуть въ самого себя изображать свои чувства. Далѣе, будто-бы въ періодъ родового строя человѣкъ былъ способенъ творить только эпическія произведенія, потому что все индивидуальное погибало, какъ неинтересное для всѣхъ членовъ рода. Сообразно этому упомянутая школа допускаетъ, что первоначальное содержаніе эпоса состояло въ изображеніи природныхъ явленій, на которыя смотрѣли какъ на дѣла и состоянія существъ считавшихся божествами¹⁾.

Но какъ видѣли мы уже, ни одно изъ этихъ доказательствъ не выдерживаетъ критики. Сообразно природнымъ свойствамъ души первобытнаго человѣка необходимо предположить, что онъ былъ болѣе способенъ для лирическихъ проявленій своихъ чувствъ и впечатлѣній, которыя занимали его дольше всего. Во-вторыхъ, когда человѣкъ принадлежитъ къ роду, семейству, то сохраняется все же индивидуальность, и къ тому же цѣлый родъ можетъ имѣть одно общее чувство, такъ что и здѣсь является полный просторъ для лирики. Религіозное чувство, этотъ важный фактъ въ общемъ ходѣ развитія человѣка, способствовало тому, чтобы первобытный человѣкъ творилъ не только мины, но и молитвы²⁾. Наконецъ, историческіе примѣры, на которыхъ основывается ученіе о перво-родствѣ эпоса, малочисленны и не прочны, и если вѣрно что древнѣйшія произведенія грековъ, германцевъ и пр. эничны, то откуда мы знаемъ, что записаны дѣйствительно только древнѣйшія. Извѣстно слабое вниманіе древнихъ народовъ ко всему, что не носитъ серьезнаго характера. Потому изъ старыхъ лирическихъ пѣсенъ только религіозныя обратили на себя вниманіе и были удостоены записи вмѣстѣ съ легендами. А на другія кто обращалъ вниманіе? Тотчасъ съ появленіемъ письменности явилось желаніе записывать событія. И вотъ въ лѣтописяхъ записываются и поэтическія преданія, которыя цѣнятся наравнѣ съ прозаическими разсказами очевидцевъ. Народныя любовныя пѣсни не были записаны у классическихъ народовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ существо-

¹⁾ Wackernagel. Poetik, Rhetorik und Stilistik, II Aufl (1888) 52—60. M. Carrière Aestetik II, 541, 533. По второй теоріи героическій эпосъ явился поэмою; сказанія о герояхъ — будто-бы религіозныя (посв. природ. явлен.) мины, перенесенныя съ божества на героя. Но, конечно, мало вѣроятно, чтобы человѣкъ сначала создавалъ поэтическія творенія о богахъ, а потомъ о себѣ и подобныя себѣ людяхъ.

²⁾ И нѣкоторые допускають, что древнѣйшая пѣснь есть молитва. I. Grimm. Kleinere Schriften II, 460. Если примемъ, что религія возникла отъ прославленія умершихъ предковъ, то обращая вниманіе на погребальныя пѣсни и славословія, найдемъ и въ нихъ болѣе лирики, чѣмъ эпоса. Спенсеръ. Основы социолог. I, 289.

вали. Съ другой стороны предъ нашими глазами развивается поэзія у современныхъ дикихъ народовъ. Какъ мы видѣли, наблюденія въ этой области показываютъ, что эпосъ занимаетъ менѣе мѣста въ первичной поэзіи, чѣмъ лирика.

Но нужно ли здѣсь брать за аналогію дикіе народы. Е. Вольфъ, слова котораго о научномъ методѣ поэзіи я привелъ, принадлежитъ къ защитникамъ. Пользуясь только примѣрами изъ поэзіи арійскихъ и семитическихъ народовъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ, не пропустилъ-ли онъ цѣлой эпохи въ развитіи всемірной поэзіи? И на этотъ вопросъ отвѣчаетъ, что разница между поэзіей, которую застаемъ (въ историч. памятникахъ), какъ самую древнюю, и тою, которая на самомъ дѣлѣ была самой древней, должна быть невелика, т. к. настоящая поэзія требуетъ извѣстной степени культуры и языка. Потому, онъ думаетъ, поэзія названныхъ первобытныхъ народовъ не можетъ служить аналогіей и нормой, т. к. тѣ народы были неисторическіе, и все у нихъ было какъ бы павыворотъ.

Такой взглядъ совершенно ошибоченъ. Если изъ жизни дикихъ народовъ берутся факты для историческаго изученія религіи, обычая, соціальнаго строя и пр., то нѣтъ причины поступать иначе въ исторіи поэзіи. И самые культурные современные народы могли нѣкогда находиться на томъ низкомъ уровнѣ культуры, на которомъ видимъ современныхъ дикихъ народовъ, у которыхъ наблюдаемъ процессъ развитія поэзіи. Теперь можемъ спросить: гдѣ осталось выше приведенное похвальное желаніе Вольфа, по которому историческая поэзія должна опираться на полноту и порядокъ, на примѣры собранные отъ цѣлаго міра?

* * *

Развитіе поэзіи и языка находится въ связи съ умственнымъ и душевнымъ развитіемъ человѣка. Если языкъ создается и развивается въ обществѣ, то и для поэзіи необходимо допустить тоже. Если на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія являются зачатки драмы и лирики, а чистый эпосъ развивается очень поздно, то значитъ, что въ первое время поэзія ограничена въ средствахъ своихъ: она легче изображаетъ внутренній міръ, конечно безъ самосознанія, а внѣшній міръ еще изображаетъ въ отношеніи къ внутреннему. Отсюда субъективность первичной поэзіи, сливающаяся съ ея безличностью или общенародностью. Объективность развивается, какъ и въ языкѣ, мало-по-малу. Объективность языка есть забвеніе образности. А такъ какъ поэзія есть мышленіе образами, то рождается вопросъ: не суждено-ли впослѣдствіи поэзіи исчезнуть въ одинъ день навсегда? Но этотъ вопросъ можетъ разсматриваться особо.

ИЗЪ ЗАП.-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

II.

Новые материалы для изученія исторіи развитія семьи.

(Heinrich Cunow: Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Stuttgart. 1894. 8°. Стр. 190+VIII).

Система родства, господствующая у австралийцевъ, служила неоднократно предметомъ изслѣдованія и еще чаще толкованія въ пользу того или иного взгляда на исторію развитія семьи. Свѣдѣнія, которыя имѣлись объ этой системѣ до настоящаго времени, были, однако, недостаточно точны, и, какъ таковыя, позволяли однимъ опираться на нихъ для доказательства, что наиболѣе древней ступеню развитія семьи слѣдуетъ считать бевпорядочное сожительство, другимъ — на основаніи недостаточно провѣренныхъ свѣдѣній, что у нѣкоторыхъ австралійскихъ народовъ уже существуетъ счетъ родства по отцу — доказывать, что агнатическая семья была эмбриономъ развитія въ исторіи семьи вообще. Работѣ г. Бунова суждено внести свѣтъ въ дѣло изученія этой системы, и такъ какъ она имѣетъ важное значеніе для рѣшенія вопроса о ходѣ развитія семьи вообще, то трудъ г. Бунова приобретаетъ существенный интересъ для изученія законовъ развитія семейныхъ отношеній на низшихъ культурныхъ ступеняхъ.

Прежде всего г. Буновъ старается разсѣять ходячее мнѣніе, что въ лицѣ туземнаго населенія Австраліи мы имѣемъ дѣло съ однородной по своему культурному уровню массой, остановившейся въ своемъ развитіи. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого взгляда, пишетъ онъ; среди австралийцевъ также господствуютъ жизнь и движеніе, ростъ и упадокъ, и какъ-бы ни казались намъ ничтожными различія въ системахъ родства у наиболѣе низко стоящихъ племенъ Австраліи, сравнительно съ наиболѣе развитыми племенами ея, послѣднія прошли длинный путь, при чемъ прохожденіе его, при той медленности, съ которой подвигается впередъ культура на низкихъ ступеняхъ развитія, потребовало, вѣроятно, нѣсколькихъ тысячелѣтій. Известное дѣленіе австралийцевъ на классы, связанные съ ними запретительные законы о бракѣ и нормы, опредѣляющія происхожденіе, не являются, какъ то думалъ Морганъ и др., наиболѣе примитивной изъ известныхъ до настоящаго времени общественныхъ формъ; они не представляютъ «первыхъ робкихъ попытокъ къ развитію», напротивъ того имъ, по мнѣнію г. Бунова, предшествуетъ еще болѣе древняя стадія.

Эта стадія, освѣщенная впервые г. Куновымъ у австралійцевъ и которая можетъ быть открыта на основаніи системы родства и у другихъ народовъ, имѣетъ наиболѣе важное значеніе для исторіи развитія семьи: на ней мы преимущественно и остановимся.

Чтобы исполнѣе оцѣнить значеніе труда г. Бунова, вспомнимъ, что по теоріи Моргана за періодомъ отсутствія регламентаціи въ отношеніяхъ между лицами разнаго пола наступаетъ періодъ ограниченія, и первый шагъ въ этомъ направленіи выражается въ формѣ, которую Морганъ называетъ «семьей, основанной на кровномъ родствѣ»: ограниченіе въ этой семьѣ заключается въ запрещеніи вступать въ бракъ между восходящими и нисходящими; группы супруговъ раздѣлены на поколѣнія, при чемъ члены каждой группы считались между собой братьями и сестрами; въ предѣлахъ каждой группы бракъ былъ разрѣшенъ; одну группу супруговъ составляли дѣды и бабушки, другую—всѣ дѣти обоего пола и, наконецъ, третью—ихъ внуки. Въ этому выводу Морганъ пришелъ на основаніи изученія системы родства въ Полинезій, въ частности на Гавай, вслѣдствіе чего и вся система эта названа гавайской; хотя она въ настоящее время и не соответствуетъ жизни, но она могла сложиться только при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ сказано выше, когда кровныя узы, воспрещающія вступать въ бракъ, понимались только въ смыслѣ восходящихъ и нисходящихъ родственниковъ—не больше.

Эта-же система родства существуетъ и въ Австраліи, в у низшихъ племенъ, по крайней мѣрѣ, она соответствуетъ въ значительной степени самой жизни, хотя значеніе ея, какъ это можетъ считаться въ настоящее время доказаннымъ г. Куновымъ, и было невѣрно понято Морганомъ и его послѣдователями.

Каждое изъ австралійскихъ племенъ, т. е. группа индивидовъ, представляющихъ діалектически обособленную массу, имѣетъ г. Буновъ, дѣлится на известное число самостоятельныхъ группъ; каждая изъ послѣднихъ объединена владѣніемъ известной территоріи, въ предѣлахъ которой группа кочуетъ, добывая себѣ скудное пропитаніе; объединеніе группъ происходитъ лишь для празднествъ и рѣшенія споровъ. Дѣленія на родственные союзы не существуетъ, но каждая группа раздѣлена на три класса, между которыми брачныя узы воспрещены; въ настоящее время существуютъ ограничительные законы о бракѣ и внутри каждого класса, но эти законы, по справедливому замѣчанію г. Бунова, являются продуктомъ дальнѣйшаго развитія, и для уясненія болѣе древней стадіи они не могутъ имѣть значенія; первый классъ каждой группы состоялъ въ болѣе отдаленное время, вѣроятно, такъ же, какъ и въ настоящее время, изъ мальчиковъ до 17—18 и дѣвочекъ до 13—14 лѣтъ; слѣдующій классъ состоялъ изъ взрослыхъ, которые еще не имѣли дѣтей, достигшихъ брачнаго возраста, и третій классъ—изъ родителей тѣхъ, которые принадлежали ко 2-му классу, т.-е. 1-й классъ состоялъ изъ внуковъ, 2-й изъ отцовъ и 3-й изъ дѣдовъ; члены каждого класса считаются между собой братьями и сестрами. Въ понятіяхъ *дядя*, *отецъ*, *сынъ*—лежать у австралійцевъ, однако, представленія не о кровномъ родствѣ, какъ думали

раньше, а лишь о различіяхъ по возрасту; это доказывается тѣмъ, что этимологія указанныхъ терминовъ указываетъ на происхожденіе ихъ отъ словъ, означającychъ возрастъ лица; напр., у Банжум: *kĩtbájà*—большой, *kĩtbiájá*—отецъ; у Вамбо: *kĩtbaia*—большой, *kĩtbia*—отецъ, у жителей сѣв. Бвэнсланда слово *yunger, yanga, yunga* и пр. означаетъ и мать, и взрослую женщину. Такимъ образомъ, принимая, что первоначальное дѣленіе группы основывается на возрастѣ входящихъ въ ея составъ лицъ, мы получимъ естественное дѣленіе: на лицъ, еще не достигшихъ брачнаго возраста, лицъ, достигшихъ его, и, наконецъ, стариковъ. Что именно возрастъ, а не кровное родство, опредѣляетъ положеніе лица въ группѣ, доказывается и тѣмъ, что каждый классъ находится въ постоянномъ измѣненіи; напр., два лица, которые, по нашимъ представленіямъ о родствѣ, считаются двоюродными братьями, будутъ, если одному 30 лѣтъ, а другому 15—принадлежать къ различнымъ классамъ, при чемъ старшій будетъ считаться отцомъ младшаго; но когда послѣдній, достигнувъ брачнаго возраста перейдетъ въ классъ «отцовъ», то онъ будетъ считаться «младшимъ братомъ» старшаго; точно также при извѣстныхъ условіяхъ племянникъ отъ старшей сестры или младшая племянница (дочь дяди по отцу) могутъ оказаться братьями и сестрами тетки. Такого рода переходъ изъ класса въ классъ внутри группы имѣетъ, по словамъ г. Бунова, мѣсто только у тѣхъ племенъ, которые не развили еще дѣленія на брачные классы, какъ Камиларон, гдѣ принадлежность къ классу опредѣляется происхожденіемъ¹⁾.

Такъ какъ браки въ предѣлахъ каждаго изъ классовъ по возрасту разрѣшаются, то если дядя и племянница, тетка и племянникъ окажутся въ одномъ классѣ, то браки между ними могутъ состояться; то-же слѣдуетъ сказать и относительно родныхъ брата и сестры. Единственнымъ ограниченіемъ является запретъ родителямъ состоять въ одномъ классѣ съ дѣтьми, а слѣдовательно и вступать съ ними въ бракъ. Но и от-

¹⁾ Дѣленіе Камиларон является уже продуктомъ позднѣйшаго развитія; они дѣлятся на двѣ крупныя группы: Dilbi и Kupathin (наз. г. Куновымъ вслѣдъ за Морганомъ «ратриями»), основанныя на кровномъ родствѣ и ведущія свое происхожденіе отъ женщинъ родовачальницъ; Dilbi дѣлятся на три рода: Duli, Murriira и Mute; Kupathin—также на три: Dinoun, Bilba и Nurai. Рядомъ съ этой организаціей существуетъ еще раздѣленіе на 4 класса, а именно: въ «ратрии Dilbi: I Murri (женск. mata) и II Kubbi (женск. kubbota); въ «ратрии Kupathin: III Irrai (женск. irrata) и IV Kumbo (женск. buta). Членъ класса Irrai могъ жениться только на женщинѣ изъ класса kubbota, kumbo—только на mata, murri—только на buta, kubbi—только на irrata. Дѣти отъ этихъ браковъ причисляются къ роду матери, но входятъ въ составъ другого, чѣмъ ихъ мать, класса той-же «ратрии, т.-е. дѣти женщины изъ рода Duli («ратрии Dilbi) класса mata, будутъ также Duli но войдутъ въ классъ kubbi (kubbota). Наоборотъ, дѣти женщины рода Duli, но класса kubbota, войдутъ въ составъ класса murri (mata). Отсюда происходитъ, что дѣти женщины изъ класса kubbota всегда будутъ считаться въ классѣ murri (mata); дѣти buta—въ классѣ irrai (irrata); дѣти mata—въ классѣ kubbi (kubbota) и дѣти irrata—въ классѣ kumbo (buta).

числительно этого запрещенія есть основаніе предполагать, что оно не является первоначальнымъ, такъ какъ, несмотря на него, браки между родителями и дѣтми продолжаютъ встрѣчаться.

Картина, которую раскрываетъ передъ нами г. Куновъ, рисуетъ стадію беспорядочнаго сожительства, когда единственнымъ ограниченіемъ двумъ лицамъ вступить въ сожительство служилъ возрастъ. Первое ограниченіе, вытекающее изъ кровнаго родства, заключается въ этой стадіи въ запрещеніи родителями вступать въ бракъ со своими дѣтми, и это второе весьма важное свидѣтельство, которое намъ даетъ г. Куновъ: въ самомъ дѣлѣ, чтобы это ограниченіе могло быть примѣняемо на практикѣ, необходимо, чтобы отецъ былъ извѣстенъ; это-же условіе необходимо для перечисленія лица изъ класса отцовъ (т.-е. не имѣющихъ дѣтей, достигшихъ брачнаго возраста) въ классъ дѣдовъ. Этотъ опровергается положеніе, что отецъ на низшей ступени общественнаго развитія оставался неизвѣстнымъ—положеніе, на основаніи котораго строился выводъ о неизбѣжности существованія на низшей ступени цивилизаціи счета родства по женской линіи. При полной свободѣ сожительства между лицами одного и того-же класса, когда извѣстное лицо могло сожительствовать хотя-бы съ родной сестрой, союзы все-же имѣли извѣстную продолжительность.

Дѣйствительно, и въ настоящее время найти примѣры супружеской вѣрности среди австралійцевъ большая рѣдкость; случаи нарушенія ея, несмотря на то, что равенство является качествомъ сильно развитымъ у мужчинъ, встрѣчаются часто и не возбуждаютъ неудовольствія въ членахъ группы, если только нарушители принадлежать къ одному классу по возрасту. Несмотря однако на это, союзы всегда имѣютъ извѣстную продолжительность; изъ всеобщаго употребленія словъ: отецъ, мать—въ отношеніи во всѣмъ членамъ старшаго класса, замѣчаетъ г. Куновъ, не сдѣдуетъ дѣлать заключенія, чтобы австраліецъ не зналъ мужа своей матери во время его рожденія; онъ знаетъ не только его, но и отцовъ другихъ дѣтей своей группы и подчасъ даже и сосѣднихъ группъ.

Положеніе женщины у низшихъ австралійскихъ племенъ крайне принижено: физическое превосходство мужчины и здѣсь играетъ свою роль; «мужъ абсолютный собственникъ своей жены (или женъ): онъ можетъ обращаться съ ней хорошо или дурно—совершенно по произволу; онъ можетъ оставить ее у себя, проституировать ее, прогнать на другую женщину или отдать ее другимъ членамъ одного съ нимъ класса». Если вспомнить, что территоріальныя группы, единственныя, на которыя—если оставить въ сторонѣ классификацію по возрасту—дѣлятся низшія племена австралійцевъ, крайне немногочисленны (40--50 лицъ), то фактъ, что отецъ ребенка оказывается извѣстнымъ, будетъ совершенно понятенъ; но изъ этого факта еще отнюдь нельзя дѣлать заключенія, какъ это было сдѣлано между прочимъ г. Штарке, что на низшихъ ступеняхъ развитія мы уже встрѣчаемся съ зародышемъ агнатической семьи. Въ той стадіи, которую передъ нами раскрываетъ г. Куновъ, опредѣленія родства, строго говоря, не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ не выработалось еще вообще понятія о кровномъ родствѣ; при рожденіи ребенка

его причисляютъ къ *территориальной* группѣ ¹⁾, къ которой принадлежатъ его родители, не дѣлая при этомъ различія, оказывается-ли мать его членомъ этой территориальной группы по происхожденію, или она введена въ нее инымъ путемъ: похищеніемъ, покупкой или ибной. Дѣло въ томъ, что, при малочисленности территориальныхъ группъ, мужчинамъ нерѣдко приходится искать себѣ женъ изъ сосѣднихъ группъ, и это даже у низшихъ племенъ (какъ, напр., у Вайкувъ) приводитъ или къ похищенію или къ ибнѣ сестранн со стороны лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ территориальнымъ группамъ. Этотъ-же недостатокъ женщинъ приводитъ у нѣкоторыхъ племенъ Австраліи и къ полиандріи, при чемъ старшіе братья разрѣшаютъ сожителство съ своими женами младшимъ братьямъ, подь условіемъ подобнаго-же разрѣшенія со стороны послѣднихъ послѣ женитьбы.

Система родства, которую г. Куновъ встрѣтилъ у низшихъ австралийскихъ племенъ и которая позволила ему обрисовать одну изъ наиболее первобытныхъ формъ общественнаго развитія, не является исключительнымъ достояніемъ австралийцевъ: система родства у полинезийцевъ («гавайская») и у зулусовъ, по справедливому объясненію г. Кунова, сохраняетъ ясныя слѣды такого-же порядка вещей, какъ и у австралийцевъ, и если указанныхъ фактовъ до накопленія новыхъ аналогичныхъ и недостаточно для возведенія вышеприведеннаго вывода г. Кунова въ общій законъ человѣческаго развитія, онъ тѣмъ не менѣе заставляетъ критически отнестись къ господствующему мнѣнію, что матриархатъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той стадіи развитія, когда отецъ былъ неизвѣстенъ: мы имѣемъ здѣсь форму общности, гдѣ при извѣстности обоихъ родителей отсутствуетъ институтъ родства.

Первый шагъ къ ограниченію свободы общенія заключался, какъ было отмѣчено выше, въ запрещеніи родителямъ и дѣтямъ вступать въ бракъ: развитіе представленій о кровномъ родствѣ распространило запретительные законы на родныхъ братьевъ и сестеръ, даѣе на двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ; въ этомъ состояніи развитія находятся въ настоящее время племена Гурндитшмара и Курнаи, при чемъ у первыхъ еще встрѣчаются браки между членами одной территориальной группы, а у вторыхъ браки запрещаются, вслѣдствіе близости родственныхъ узъ, даже съ представительницами нѣкоторыхъ сосѣднихъ группъ. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ родство одинаково служитъ препятствіемъ къ браку, безъ различія, будетъ-ли оно родствомъ съ отцовской или материнской стороны. Племя Нарриньерн пошло въ этомъ отношеніи еще дальше: запретительные законы распространяются здѣсь одинаково, какъ на членовъ территориальной группы отца, такъ и матери.

Не ясно, пишетъ г. Куновъ, что дало толчекъ къ развитію этихъ

1) Территориальныя группы объединены только общностью территорій; дѣленіе на тотемическія группы является впоследствии. Названіе территориальныхъ группъ получаютъ отъ характера занимаемой ими мѣстности, и при перемѣнѣ послѣдней мѣняется и названіе группы.

ограниченій: быть можетъ, стали замѣчать, какъ на ато, невидимому, указывать одно изъ преданій племени Діейри¹⁾, что браки братьевъ в сестеръ имѣли результатомъ дегенерацию; одно лишь совершенно ясно, продолжаетъ авторъ, что въ исторіи этнихъ ограниченій играютъ роль понятія о родствѣ, представленія о кровныхъ узлахъ.

Тотъ-же порядокъ, который господствуетъ при существованіи исключительно дѣленія племени на территориальныя группы, продолжаетъ существовать нѣкоторое время и послѣ того, какъ территориальная группа развилась въ тотемическую, т. е. группу, которая признаетъ существованіе извѣстной связи между каждымъ изъ своихъ членовъ и извѣстными видами животныхъ или растений, и появилось сознаніе, что члены одной группы происходятъ отъ «той-же плоти», какъ, напр., у племенъ Турра, Муррингъ, Харриньеръ и др., т. е. дѣти причислялись къ группѣ отца, и это вполне естественно: такъ какъ тотемическій союзъ первоначально совпадалъ съ группой территориальной, то и женщина, захваченная членомъ чужой группы, продолжаетъ, какъ и до возникновенія союзовъ тотемическихъ, считаться принадлежностью той группы, въ которую ее ввелъ мужъ; отдѣленная отъ своей родни, она является собственностью мужа, и даже послѣ его смерти она, въ качествѣ собственности группы, должна была переходить къ братьямъ мужа, если они того желали.

Съ развитіемъ родовыхъ союзовъ происходитъ перемѣна: появляется патриархатъ; ребенокъ по прежнему причисляется къ территориальной группѣ отца, но входитъ въ составъ родового союза матери (фратрія и родъ — тотемическій), т. е. прежде, при отсутствіи или при сравнительно маломъ развитіи рода, исключительно господствовавшей территориальной принципъ начинаетъ уступать развитишемуся родовому устройству. Переходъ этотъ естественно совершался лишь постепенно и долженъ былъ пройти нѣсколько промежуточныхъ ступеней. Причины замѣны территориальнаго принципа родовымъ остаются неясными: быть можетъ, пишетъ г. Куновъ, что вслѣдствіе увеличивающейся, благодаря развитію запретительныхъ законовъ, свободы въ отношеніяхъ между лицами различнаго пола, преимущественно вслѣдствіе возникновенія брачныхъ группъ *пирауру*²⁾, опредѣленіе отца съ достовѣрностью становилось все менѣе

1) Приводимъ это интересное преданіе, бросающее свѣтъ на древнія отношенія между племенами въ австралийцевъ, со словъ г. Кунова: «Послѣ созданія міра, отцы, матери, братья, сестры и другіе близкіе родственники вступали безъ различій между собой въ бракъ, пока не стали обнаруживаться вредныя послѣдствія подобнаго порядка вещей. Вожди начали совѣщаться и обдумывать средства къ измѣненію положенія; рѣшили обратиться съ просьбой къ Мурамура (вѣх. духу), и тотъ приказалъ, чтобы каждое племя было раздѣлено на различныя вѣтви и эти послѣдствія были названы каждое отдѣльнымъ именемъ, замѣствованнымъ отъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, напр. динго, мышь, вѣту, дождь, ящерица и пр.; члены одной и той же группы не должны были вступать въ бракъ».

2) Діейри вымѣниваютъ на сестеръ, приобрѣтаютъ покупкой или службой въ домъ будущаго тестя или, наконецъ, похищаютъ себя женъ; приобрѣтенная этимъ путемъ жена называется — *коа*. Но вступать въ союзъ съ ней

возможнымъ; быть можетъ, также, что стали принимать, что ребенокъ вследствие акта дѣторожденія происходитъ исключительно отъ плоти матери; какъ-бы то ни было, но у болѣе развитыхъ племенъ Австрали территоріальный принципъ при опредѣленіи происхожденія заимъленъ уже съчетомъ родства по женской линіи.

Съ появленіемъ матриархата иринженное положеніе женщины, однако, нисколько не измѣняется къ лучшему: мужъ занимаетъ по прежнему свое первенствующее мѣсто и продолжаетъ считаться собственникомъ жены и дѣтей; жена и при господствѣ матриархата переходитъ жить въ территоріальную группу, къ которой принадлежитъ ей мужъ, и ему, какъ собственнику жены, принадлежать не только дѣти, рожденныя отъ него, но и тѣ, относительно которыхъ онъ знаетъ или предполагаетъ, что не онъ является ихъ дѣйствительнымъ отцомъ. Рѣзко высказывается противоположность между территоріальнымъ и кровнымъ принципами въ обычай, согласно которому, если даже отецъ (юридическій) укрѣтъ тотчасъ послѣ рожденія ребенка, и его вдовѣ дается группой мужа разрѣшеніе возвратиться съ ребенкомъ въ ея родную группу, — ребенокъ обязанъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ группу, къ которой принадлежалъ его отецъ. Въ этомъ обычай ясно проведенъ взглядъ, что территоріальная группа, которая при существованіи матриархата не состоитъ изъ кровныхъ родственниковъ, а изъ лицъ, принадлежащихъ уже къ различнымъ тотемическимъ союзамъ, объединенная общностью интересовъ и стремленіемъ увеличиться численно, — считаетъ себя собственницей ребенка, рожденного отъ брака одного изъ лицъ, входящихъ въ нее, и женщины, добытой этимъ лицомъ трудомъ или покупкой и являющейся, какъ таковая, его собственностью; но при этомъ кровный

имѣетъ право не только мужъ, во еще рядъ лицъ, — быть можетъ, замѣчаетъ г. Куновъ, *есть лица* одного возраста съ мужемъ, члены его группы; мужъ въ свою очередь имѣетъ такіа-же права по отношенію къ женамъ этихъ лицъ: мужа считаются по отношенію другъ къ другу *пирауру*; этимъ же именемъ называютъ другъ друга и жены подобающихъ товарищей: Здѣсь мы имѣемъ видъ групповаго брака, и едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что институтъ пирауру является отголоскомъ стадіи безпорядочнаго сожительства. Число пирауру колеблется между 4 и 10 и болѣе соучастниковъ. Приписывать этому институту значеніе фактора, вызвавшаго къ жизни матриархатъ, какъ это дѣлаетъ г. Куновъ, едва ли основательно, такъ какъ, и при полномъ господствѣ территоріальнаго принципа при опредѣленіи происхожденія новорожденнаго, какъ это отмѣчено г. Куновымъ, случаи супружеской вѣрности встрѣчаются рѣдко, известна полиандрія и, наконецъ, существуетъ даже обычай prostituteровать своихъ женъ, следовательно, опредѣленіе фактическаго отца такъ-же трудно, какъ и при существованіи института пирауру. Едва ли не будетъ вѣрнѣе объяснить появленіе матриархата развитіемъ представленій о кровномъ родствѣ, представленій, которыя еще не существуютъ или находятся только въ зародкѣ при господствѣ территоріальнаго принципа; въ этотъ періодъ ребенокъ не считался связаннымъ съ родителями кровными узами и принадлежалъ группѣ; при появленіи понятій о кровномъ союзѣ, объ узакъ, связующихъ родителей и дѣтей, — узмы, связывающія ребенка съ матерью, должны были считаться наиболее крѣпкими, какъ вследствие ихъ, такъ сказать, болѣе явной наглядности, такъ и вследствие непрочности брачныхъ союзовъ, которые легко и часто расторгаются среди австралийцевъ.

принципъ не терпѣтъ нарушенія, такъ какъ ребенокъ, какъ собственность группы, обязанъ жить въ этой группѣ и служить ея интересамъ, тѣмъ не менѣе считается принадлежащимъ къ роду своей матери. Господство женщины и уничтоженіе права мужчины на своихъ дѣтей, переходъ этихъ правъ въ руки матери и ея рода, представителемъ котораго обыкновенно въ отношеніи къ судьбѣ дѣтей является братъ матери (дядя съ материнской стороны), является уже результатомъ дальнѣйшаго развитія родового союза и не можетъ считаться первоначальнымъ въ исторіи развитія материнскаго рода, по крайней мѣрѣ на той стадіи, на которой находятся еще австралійцы.

Значеніе появленія матриархата для общественнаго устройства австралійцевъ было громадно: если первоначально эндогамныя территориальныя группы, съ увеличеніемъ числа запретительныхъ законовъ о бракѣ, становились все болѣе экзогамными, то при возникновеніи тотемическихъ союзовъ онѣ представляли нѣкоторое время однородную по своему происхожденію массу. Послѣ появленія матриархата однородный составъ территориальной группы претерпѣваетъ слѣдующее измѣненіе: такъ какъ жены берутся изъ различныхъ тотемическихъ союзовъ, и дѣти отъ такихъ браковъ, оставаясь въ территориальной группѣ отца, причислялись къ тотемическому союзу матери, то группа стала вскорѣ состоять изъ членовъ различныхъ тотемическихъ союзовъ, а такъ какъ браки, если оставшіе въ сторонѣ нѣкоторыя ограниченія, между членами различныхъ тотемическихъ союзовъ разрѣшаются, то территориальная группа изъ экзогамной становилась въ значительной степени снова эндогамной, т. е., такъ сказать, возвращалась къ первоначальному своему состоянію.

Такимъ образомъ, трудъ г. Кунова открылъ среди считавшихся однородными по своему общественному развитію австралійцевъ цѣлую исторію развитія общественныхъ отношеній, начиная отъ низшей стадіи, до сравнительно высокой, до которой поднялись австралійскія племена, но которая въ общей исторіи развитія оказывается все-же ниже, чѣмъ стадія съ развитымъ матриархальнымъ родомъ, которая извѣстна намъ у многихъ дикихъ племенъ.

Если въ прежнее время являлось возможнымъ, вслѣдствіе казавшейся сложности и неясности правилъ, регулирующихъ взаимныя отношенія родовыхъ и территориальныхъ группъ австралійцевъ, вслѣдствіе разброшенности представителей разныхъ родовъ среди многочисленныхъ территориальныхъ группъ, — считать, что современное намъ населеніе Австраліи — «не болѣе, какъ разсѣянные остатки прежнихъ взаимно истребившихъ другъ друга племенъ», — то послѣ работы г. Кунова становится вполне яснымъ, что австралійскія племена достигли современнаго имъ развитія въ сферѣ общественныхъ отношеній — путемъ органическаго развитія.

Было-бы, несомнѣнно, преждевременнымъ думать, что путь, по которому шло развитіе общественныхъ отношеній у австралійскихъ племенъ, является обязательнымъ и для другихъ народовъ, достигшихъ болѣе высокихъ ступеней культуры: возраженіе, будто австралійцы развивались

исключительнымъ путемъ, еще не опровергнуто и будетъ, несмотря на полную свою бездоказательность, въ силѣ, пока детальное изученіе примитивныхъ народовъ не опровергнутъ его. Но уже тотъ фактъ, что хотя-бы и въ одной Австраліи общественное развитіе приняло другіе пути, чѣмъ это предполагалось господствующей теоріей, служить для послѣдней важнымъ дополненіемъ и поправкой, и если бы впоследствии было доказано, что эти-же путемъ развивались и другіе народы, то господствующая теорія получила бы иное освѣщеніе, но осталась бы непоколебленной въ основномъ своемъ положеніи, что стѣть родства по женской линіи предшествуетъ стѣту родства по мужской, такъ какъ предшествующая матриархату стадіи развитія, которую освѣтилъ для австралійцевъ г. Куновъ, — оказывается періодомъ отсутствія родственныхъ понятій и непониманія значенія кранныхъ узъ.

Н. Харузинъ.

С М Ъ С Ъ .

Мелкія фолклористическія замѣтки ¹⁾.

6. Змѣй Горынычъ и Тугаринъ Змѣевичъ .

Чаще всего имя Горынычъ встрѣчается рядомъ съ Добрыней, особенно въ былинѣ, въ которой описывается купанье Добрыни въ рѣкѣ Пучай и бой со змѣемъ (змѣищицо Горынищо, змѣя Горыница, змѣищицо Горыничищо, Гильф., 472, 560, 800; змѣищо Горыничищо, Бирѣвскій, в. 2, стр. 23; змѣищицо Горынищицо, Былины стар. и нов. записи, М. 1894, стр. 71). Иногда это имя является и въ другой былинѣ о Добрынѣ, изображающей его любовь къ Маринѣ (Горынище проклятое, татаринъ Горынище поганое — Одѣище поганое, Гильф., 469, 661); иногда же въ этой послѣдней былинѣ стоитъ другое имя — Тугаринъ (Туга-змѣевичъ, Тугаринъ змѣевичъ или змѣевичъ, Гильф., 116, 1088, 1205, 1250). Въ «Егоріѣ Храбрѣмъ» царь Демьянище названъ однажды Горыничемъ (А. Н. Веселовскій, Мелк. зам. къ былинамъ, XX. Больш. стихъ о Егоріѣ и сказка объ Ильѣ и змѣѣ. стр. 62); въ нѣкоторыхъ былинахъ о Дюкѣ «змѣище Горынище» (ibid.). Въ сказкѣ «Степанъ великій панъ» у Романова, Вѣлорусск. Сборн., в. 2, стр. 219: «Змѣй Горынецъ»; у Афанасьева на этомъ мѣстѣ Цыгаринъ, т.-е. Тугаринъ; въ монгольскихъ сказкахъ *мангусъ*, многоголовый змѣй. Въ пѣсняхъ уральскихъ и терскихъ казаковъ рѣки: Янкъ Горынычъ, Терекъ Горынычъ (Сборн. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа, в. VII, стр. 119).

Въ былинѣ о боѣ Добрыни съ Горынычемъ мѣстообитаніемъ Горыныча выставляются горы Сорочинскія (Гильф., 471, 560, 746, 802), иногда Туги-горы (Гильф., 317, 342). Змѣй живетъ въ этихъ горахъ въ пещерѣ; сюда онъ сноситъ свою добычу, свой полонъ. Иногда Горынычъ изображается летучимъ (Гильф., 315, 472 и др.); когда онъ летитъ, громъ гремитъ, шумъ идетъ (ib., 472, 665); богатыря змѣй обсыпаетъ искрами, жжетъ его тѣло (Гильф., 473, 800; Былины стар. и нов. записи, 71). У змѣя три (472) или восемь (665) головъ и 12 (472, 800) или 30 хоботовъ. Въ былинѣ описываются два поединка Добрыни съ змѣемъ; въ первый разъ Добрыня схватился со змѣемъ послѣ того, какъ его водвороть рѣки Пучай занесъ въ пещеру, въ которой змѣй живетъ; змѣй

¹⁾ См. „Этн. Об.“, XXIV, 127.

даетъ зарокъ не летать въ Русь, не уносить полоня въ пещеру; Добрыня отпускаетъ змѣя на волю, но онъ летитъ мимо Кіева и уноситъ племянницу Владимира Запаву Путятичну (Забаву Потятичну, З. Потятичну (Гильф., 474, 746, 801) или дочь князя Марѣнду Всеславьевну (Гильф., 316) или жену Владимира Апраксию ¹⁾ (Был. ст. и нов. записи, 72 — 74). Добрыня ѣдетъ въ горы Сорочинскія (или въ Туги-горы), убиваетъ змѣя и освобождаетъ плѣнницу. У Кирѣвскаго (вып. 2, стр. 49) Добрыня освобождаетъ изъ змѣйнаго плѣна свою тетку Марью Дивовну.

Въ статьѣ «Былина о Добрынѣ и монгольское сказаніе о Гесэрѣ» (въ Вѣсти. Европы, 1890, сент.) мы сдѣлали сближеніе между Добрыней и Хань-Гужиромъ буритской сказки. Здѣсь мы намѣрены дополнить наши сближенія.

Хань-Гужиръ ѣдетъ добывать печень Наранъ-Гэрэла; на дорогѣ встрѣчаетъ умиравшаго богатыря Хоходоя. Этотъ эпизодъ мы сближали съ эпизодомъ монгольской сказки о Эрдэни-Хараликѣ (Этн. Обзор., кн. XVIII, стр. 24). Эрдэни-Хараликъ отправляется за дакинн, но сначала онъ долженъ добыть сердце коровы Ракша-Куринъ. По дорогѣ къ этому чудовищу Эрдэни-Хараликъ наѣзжаетъ на толпу ужасныхъ асуровъ. Сближая эти эпизоды, Ракша-Курина мы приравнивали къ Наранъ-Гэрэлу; толпа асуровъ, по вашему предположенію, замѣстила Хоходоя. Если мы взглянемъ на русскую былинну, какъ на видоизмѣненіе этого сюжета, если Добрыню примемъ за Эрдэни-Харалика, то змѣю Горынычу русской былинны въ монгольской сказкѣ отвѣтитъ корова Ракша-Куринъ, которая окружена облаками пара, ею выдыхаемаго, изъ вторыхъ сверкаютъ молніи, потрясающія всю страну—образъ, напоминающій нашего Горыныча, сыплющаго искры.

Ракша, первый членъ монгольскаго парнаго, есть санскритское гахас, особые духи, шатающіеся на кладбищахъ, поѣдающіе сырое мясо и принимающіе различные образы.

Второй членъ «куринъ» какъ будто находится въ связи съ монгольскимъ *ухуръ*, «корова», Корова статьи на дальнѣш востокѣ часто присваиваются злымъ персонажамъ; злему тибетскому царю Ландаринъ; гонителю буддизма, преданіе приписываетъ бычьи рога; злое существо, поѣдающее людей, въ китайскихъ сказаніяхъ носитъ имя Нью-тоу-ванъ, «быкоголовый царь». Въ вариантѣ сказки о Бэгэрѣ-Меджитѣ, записанномъ мною, царь-наследникъ называется Ухыр-Бама-ханъ, «Корова-Бама-царь» (Очерки с. з. Монгол., II, 154). Крликъ-ханъ, царь ада, виновникъ смерти людей, изображается съ бычьей головой; это и есть змѣй нашихъ народныхъ представленій.

¹⁾ „Ступила княгиня со бѣла камня на змѣя, обвился змѣй вокругъ рѣввыхъ ногъ, посадилъ княгиню на могучи плечи и увезъ въ пещеры глубокія“ (Был. ст. нов. записи, 73). Въ былинѣ о Горынычѣ, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ“ Имп. Акад. Наукъ по отдѣл. русск. яз. и словесности, т. II, стр. 279, послѣдствія промаха княгини другія: ходила княгиня по крутымъ горамъ, наступила на люта змѣя Горыныча; змѣй обвился вокругъ ноги; княгиня поносъ понесла; чѣдо провѣщилось: „не дамъ тебя въ обиду змѣю, и когда буду въ возрастѣ, зайду въ пещеры змѣвы, отрублю змѣю голову, принесу тебѣ“.

Эпизода, отвѣчающаго встрѣчѣ съ асуранн, въ русской былинѣ нѣтъ: но не было ли эпизода въ томъ родѣ, какъ въ сказкѣ о Хоходоѣ или какъ въ эпизодѣ о Росланеевой головѣ русской сказки, которой мы сближаемъ съ разсказомъ о Хоходоѣ? У Чулкова богатырь Агривановъ завѣщаетъ владовую съ оружіемъ тому, кто побѣдитъ всѣхъ богатырей на его тринѣ. Богатырь умеръ, голова его лежитъ на костяномъ полѣ. Добрыня нашелъ подъ нею ключъ, отперъ владовую, освободилъ запертого Торопа и добылъ мечъ (Рыби., II, принѣч. Безсонова въ № 64¹⁾).

Эпизодъ о Добрынѣ на костяномъ полѣ могъ стоять въ былинѣ передъ битвой на горахъ Сарочинскихъ подобно тону, какъ Росланеева голова лежитъ на переднемъ пути Еруслана къ парю Пламенный щитъ, Огненное копьѣ, или какъ тѣло Хоходоа на переднемъ пути Ханъ-Гужира къ Наранъ-Герэлу. Мы думаемъ, и въ монгольской сказкѣ были тѣ-же образы; Эрденъ-Хараликъ, вѣроятно, наѣзжалъ на богатыря, который находился въ положеніи или Расланеа или Хоходоа; назывался этотъ богатырь въ имени Асуромъ, или, какъ мы уже высказались ранѣе, Казыромъ (Этногр. Обзор., кн. XVIII, стр. 24), т.-е. Гасэромъ; но при буддійской обработкѣ сказки это имя напоминало асуровъ, темное племя, живущее при подошвѣ горы Сумеръ и ведущее войну съ тэнгриями, свѣтлыми существами, обитающими на вершинѣ горы, и асуры вытѣснили и прежде имя, и прежній образъ.

Сравнивая русскую былинну съ монгольской сказкой объ Эрденъ-Хараликѣ, мы для двухъ эпизодовъ видимъ параллели, для другихъ двухъ: 1) купанье въ Дучай-рѣкѣ и 2) угонъ лошади и увозъ доспѣховъ богатыря его слугою или роднымъ братомъ Потывомъ — совсѣмъ нѣтъ соответствующихъ разсказовъ въ монгольской сказкѣ. Кромѣ того, конецъ монгольской сказкѣ только отчасти отвѣчаетъ русской былинѣ. Добрыня привозитъ женщину, увезенную змѣюмъ; въ монгольской сказкѣ Эрденъ-Хараликъ приводитъ дакнини, о которой не говорится, чтобъ она была передъ тѣмъ похищена или увезена, хотя подозрѣваетъ подобный видъ редакціи можно. Убіеніе чудовища Рамша-Бурна въ сказкѣ ясно не мотивировано. Не потому ли его нужно было убить, что онъ иначе не позволилъ бы увезти дакнини? А если въ самомъ дѣлѣ въ сказкѣ проведемо сочувственное отношеніе дакнини къ ея увозу, какъ это намъ кажется (см. «Этногр. Обзор.», кн. XVIII, стр. 15), то подозрѣніе въ томъ, что дакнини находится въ плѣну у злого чудовища Курана, усиливается.

Въ былинѣ, записанной С. И. Гуляновымъ отъ Леонтія Тулицына въ

¹⁾ Торопа, кажется, и теперь еще помнятъ при Добрынѣ олонецкая былина. Въ одной былинѣ мы находимъ такое мѣсто: „Младъ-то слуга да былъ онъ торонокъ, а угналъ-то у Добрынюшки добра коня, а увезъ-то у Добрынюшки тугой лугъ, а увезъ-то у Добрыни саблю вострую, а увезъ конь да долгомѣрное, а у везъ-то онъ паницу военную, столько онъ оставилъ оду шляповку, оду шляпу-то оставилъ земли греческой“ (Гилье., 315). Первую строку не слѣдуетъ ли написать такъ: „Младъ-то слуга да былъ онъ Торопокъ“? Въ былинѣ старинной записи Торопъ—слуга Алеши Поповича (Былинны стар. и нов. записи, М., 1894, отд. I, стр. 60).

Барнауль, второй бой Добрыни со змѣей рассказанъ съ подробностями, которыхъ нѣтъ въ другихъ вариантахъ. Хотя уже во время первого боя змѣй описывается летучицъ, приготовляясь ко второй битвѣ, Горынычъ подвизываетъ себѣ крылья бумажныя. Заслышавъ приближеніе Добрыни, змѣй летитъ навстрѣчу. Тутъ Добрыня «внимала свои руки на небо, съмъ говорить таковы слова: Спасъ-ли, Спасъ, Боже милосливый! Мати Пречистая, Пресвятая Богородица! Создай, Господи, дождичка!» Нашла туча, пошелъ дождь, подмочило у змѣя бумажныя крылья, упалъ змѣй на сыру землю (Был. ст. и нов. записи, 75).

Эта же тема встрѣчается и въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ; у Тугарина Змѣевича бумажныя крылья; по молитвѣ Алеши идетъ дождь, и послѣдствія тѣ же. Въ ордынскомъ фольклорѣ мы имѣемъ слѣдующіи параллели. Шидырманъ, монгольскій князь, извѣнникъ противъ китайскаго императора, вѣять въ пѣвнъ; его везутъ въ Пекинъ, но онъ улетаетъ изъ рукъ китайцевъ и поднимается на воздухъ; тогда китайскій императоръ велитъ служить молебствіе; слушать и Шидырманъ опускается на землю («Очерки сѣв.-зап. Монгол.», IV, 298). Въ дюрбютской сказкѣ или былинѣ Ирнъ-Сайнъ добылъ чернаго быка, въ которомъ заключалась дунна или смерть мангыса, чудовища, отчасти соответствующаго вашему змѣю. Онъ вскрываетъ утробу чернаго быка; изъ нея вылетаетъ двѣнадцать пташекъ и поднимаются къ небу; Ирнъ-Сайнъ дѣлаетъ дзадзю, т.-е. посредствомъ вѣщаго знанія производитъ ненастье; идетъ желѣзный градъ; все пространство покрылось мракомъ и лучи освѣщали и согрѣвали только небольшой участокъ на сѣдлѣ Ирнъ-Сайна; птицы озляли и спустились на это свѣтлое пятнышко. Тутъ Ирнъ-Сайнъ убиваетъ ихъ («Очерки сѣв.-зап. Монгол.», IV, 461). Въ бурятской сказкѣ объ Алтанъ-шагай-маргына конь этого богатыря насильно везетъ дѣвицу Гхайханъ-ирэнъ-тарбажи; дѣвица хочетъ освободиться; она вынимаетъ изъ кармана тарбажныя перья (т.-е. перья степного орла) и, воткнувши ихъ въ свое тѣло, намѣревается улетѣть. Конь зажалъ зубами обѣ ноги дѣвицы и не отпустилъ ее. Привезши дѣвицу къ мѣсту, гдѣ лежали кости убитаго богатыря хозяина, конь опускаетъ дѣвицу на кости. Но она улетаетъ къ небу. Тогда конь ржетъ слѣдующими словами: «Эсэгэ-Маланъ-тэнгри! ты, творецъ! Къ этому умершему моему хозяину я привезъ Гхайханъ-ирэнъ-тарбажи, но она, не оживвъ богатыря, вознеслась на небо». Эсэгэ-Маланъ, царь неба, посылаетъ баженный градъ и кровавый дождь; солнце свѣтитъ лишь надъ ногтями Алтанъ-шагай-маргына. Тогда эта дѣвушка, шлепая распростертыми крыльями, опускается на эти кости («Сказаніе бурятъ, записан. разн. собрателами». Иркутскъ, 1890, стр. 12) ¹⁾.

¹⁾ О другихъ параллеляхъ этой сказки съ дюрбютской объ Ирнъ-Сайнѣ, см. въ тѣхъ же «Сказаніяхъ бурятъ», стр. 133. Въ той же бурятской сказкѣ другой эпизодъ: сынъ Алтанъ-шагай-маргына Баторъ-сокто-маргынь везетъ въ торокахъ злое существо Моисъ-хара (мангысь-хара?), но оно вдругъ исчезаетъ, и Баторъ видитъ уже его летящимъ подъ небесами; Баторъ стрѣляетъ въ него, и убитое чудовище падаетъ на землю. Не повтореніе ли это предыдущаго разказа?

Небесная дѣва здѣсь названа Ирэнъ-тарбажи, «пестрый степной орелъ». Въ другихъ сказкахъ дѣвѣны летаютъ при помощи лебяжьей шкуры; такія лебеди-дѣвы въ турецкихъ сказкахъ, записанныхъ В. В. Радловымъ въ Сибири, называются *ку-катъ*, гдѣ первый членъ *ку* значитъ «лебедь», по-монгольски *хонгъ* или *хунгъ*. Въ монгольскихъ сказкахъ особаго термина для такихъ существъ мѣ не встрѣчалось. Есть такія имена: дѣвица Хундагина (т.-е. хунгъ-дагина, «лебедь небесная дѣва?»), въ бурятскомъ сказаніи (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы о шаманствѣ, въ «Извѣст. Вост.-сиб. Отдѣла Геогр. Общ.», т. XIV, № 1—2, стр. 17), дѣвица Хунъ-тайжи въ одной дархатской сказкѣ («Очерки с.-з. Монгол.», IV, 530), но на лебединую одежду въ этихъ случаяхъ намека нѣтъ. Впрочемъ, въ легенду о Хунъ-тайжи, помѣщенную въ «Очеркахъ», II, 106, входитъ тема о людяхъ, обращающихся въ птицъ, а въ бурятскомъ преданіи о происхожденіи бурятскаго народа Хунъ-тайджи—имя дѣвы-лебеди, жены Хоридоя, которая съ двумя подругами слетѣла отъ Холь-Хормуста-тынгырея на озеро Сайдамто купаться («Иркутск. Губ. Вѣдом.», 1889, № 47). Имя Хунъ-тайжи встрѣчается въ соединеніи съ Дегуренгъ: Дегуренгъ-хунъ-тайжи (Алтанъ-тобчи, въ «Труд. Восточн. Отд. Археолог. Общ.», ч. VI, 40). Tokorong, toxorong по-бурятски—«журавль» (Castren, Versuch ein. Burjat. Sprachlehre, 201); въ якутскихъ сказкахъ часто небесныя дѣвы слетаютъ на землю играть въ видѣ стерховъ, *Grus leucogepanus* («Зап. Вост. сиб. Отд. Географ. Общ. по этногр.», т. I, в. 3, стр. 74—79, 85 и др.). Съ образомъ дѣвы-лебеди въ Азіи соединялся иногда и демоническій характеръ; см. Катановъ, «Алѳ. указатель собств. именъ, встрѣчающихся во II т. образцовъ», собран. В. Радловымъ, Сиб., 1888, стр. 43. Тройное имя Дегуренгъ-хунъ-тайжи придано въ «Алтанъ-тобчи» мужскому персонажу; въ другихъ случаяхъ Хунъ-тайджи или Сенге-хунъ-тайжи («Очерки с.-з. Монгол.», IV, 406, 534; II, 106; Radloff, Proben, II, 381; Kongdajdju; I, 206 Kongodoi), также есть имя мужскаго персонажа¹⁾. Приведенныя данныя представляютъ нѣкоторое основаніе къ предположенію, что съ именемъ Дегуренгъ на востокѣ могло соединяться иногда представленіе, во-первыхъ, о летучемъ, во-вторыхъ, о зломъ существѣ. Въ монгольскихъ преданіяхъ описывается царь, который страдаетъ отъ болѣзни и для излѣченія прибѣгаетъ въ жестовому средству; онъ велитъ убивать въ одномъ вариантѣ лошадей, въ другомъ—младенцевъ (см. «Этногр. Обзор.», кн. XVI, стр. 94, 118, 119); избивателю младенцевъ приписана болѣзнь желудка; все, что онъ ни ѣстъ, остается въ его организмѣ; естественный процессъ изверженія отбросовъ прекратился; въ нихъ («Очеркахъ с.-з. Монгол.», IV, 279, помѣщенъ отрывекъ, повидимому, только начало сказки о царѣ, страдающемъ подобною же болѣзнию; царь названъ Сенге-ханъ. Можетъ быть, слѣдуетъ возстановить имя хана въ такомъ видѣ: Дегуренгъ-Сенге-хунъ-тайджи.

1) Женскій персонажъ Сайнъ-хунъ-тайжи въ «Очеркахъ с.-з. Монгол.», IV, 530; это царица, которая была унесена въ подземное царство двадцатипятигодовалымъ Аткаръ-хара-мангысомъ; ее освобождаетъ оттуда Китыть-ху («сынъкитайва», —вѣроятно, позднѣйшее искаженіе изъ древне-эпическаго Китайъ-ханъ).

Персонажъ, летающій по воздуху и опускающійся на землю по вѣщей смѣл противника, встрѣчается въ буддѣйской легендѣ о состязаніи двухъ учителей о вѣрѣ. Въ последнее путешествіе я записалъ (отъ бурята будды Р. Рабданова), очевидно, книжную ламаѣйскую легенду о состязаніи Арьянь-дивы съ еретикомъ Пахалой или Пакулой.

Въ большой индійскій монастырь Наландара прибылъ еретикъ Пахала (Пакула) и сталъ проповѣдывать ученіе, противное ученію Будды. Онъ торжествовалъ во всѣхъ диспутахъ, и монахи испугались, что имъ придется уступить. Сакиусомъ (духомъ покровителемъ) монастыря былъ богъ Махагала или Гомбо (Гомбогуру). Монахи привязали къ ворону, птицѣ бога Махагала, письмо, которое воронъ долженъ былъ отнести къ Арьянь-дивѣ, жившему уединенно въ пещерѣ. Въ этомъ письмѣ они звали учителя прибыть въ монастырь для состязанія съ еретикомъ. Арьянь-дива прибылъ и вступилъ въ споръ. Къ сожалѣнію, мой рассказчикъ вабылъ содержаніе диспута и запомнилъ только одинъ образчикъ спора. Пахала по обряду своего ученія началъ омывать свое тѣло. Арьянь-дива спросилъ его: «Что ты дѣлаешь?» — «Смываю съ себя свои дурныя поступки», отвѣчалъ Пахала. Тогда Арьянь-дива наполнилъ золотой сосудъ нечистотами и началъ мыть сосудъ снаружи. Теперь Пахала Арьянь-диву спрашиваетъ: «Что ты дѣлаешь?» Арьянь-дива отвѣчаетъ: «Въ сосудѣ нечистоты; хочу смыть ихъ». — «Какъ же ты хочешь, неразумный», говоритъ Пахала, «смыть то, что внутри, моя только наружность?» — «А какъ же ты», возразилъ Арьянь-дива, «трѣхи, коренящиеся внутри тебя, хочешь смыть вѣншиимъ омовеніемъ своего тѣла?» Пахала былъ побѣжденъ и долженъ былъ бѣжать; онъ могъ летать и полетѣлъ. Арьянь-дива полетѣлъ за нимъ. Пахала долетѣлъ до края сансары (т.-е. вѣшняго міра). Арьянь-дива кричитъ ему: «Пахала, остановись! Ты долетѣлъ до края сансары. Если не вѣришь, брось свои волосы впередъ себя.» Пахала бросилъ, и они обратились въ прахъ. Пахала повернулся назадъ и спустился въ монастырь Наландара. Здѣсь Арьянь-дива заточилъ его. Въ комнатѣ заточенія Пахала нашелъ всѣ книги Ганьчжура и Тавчжура; чтеніе ихъ убѣдило его въ правотѣ ученія Будды; онъ началъ каяться и сочинилъ «покаянную молитву», которая и теперь читается ламами. Другой мой рассказчикъ (неграмотный монголъ изъ княжества Абага), передавая варіантъ этой легенды, еретика назвалъ Девадаттой. Когда ученіе Будды начало распространяться, его братъ Девадатта пришелъ въ одинъ монастырь и началъ учить какъ разъ напротивъ тому, чему училъ Будда. Многіе уже обратились къ его ученію. Тогда Арьянь-дива, чтобы уничтожить ересь Девадатты, отправился въ тотъ монастырь, гдѣ проповѣдовалъ Девадатта. Дорогой одинъ человекъ далъ ему кошку, другой масло. Пришедши въ монастырь, Арьянь-дива вступилъ въ состязаніе съ Девадаттой; Девадаттѣ помогали мышь; Арьянь-дива выпустилъ кошку, мыши испугались и убѣжали, и Арьянь-дива одержалъ верхъ¹⁾.

¹⁾ Въ статьѣ „Акирь повѣсти и Акирьсказанія“ (Этн. Об. XXV) мы поставили въ параллель съ мышами, оказывающими помощь человѣку, волковъ бурятской сказки, дѣлающихъ то-же. Волки-покровители находятя въ бурятской сказкѣ о гонимыхъ дѣтяхъ вельможи Таба-арья. Съ однимъ изъ дѣтей этого Таба-арья

У Девадатты было зеркало, смотря въ которое Девадатта видѣлъ нисемена, читалъ ихъ и при ихъ помощи одерживалъ верхъ въ составляніяхъ. Арьянъ-дива пролилъ на зеркало масло, и оно перестало давать совѣты. Опять Арьянъ-дива побѣдилъ Девадатту.

Легенда о спорѣ Арьянъ-дивы съ Пахалой находится въ книгѣ Даранаты: Исторія буддизма въ Тибетѣ (В. Васильевъ, Буддизмъ, III, стр. 92—94). Арьянъ-дива названъ Арьядева, вмѣсто Пахалы стоитъ браминъ Дурдаршакѣла. Когда браминъ Дурдаршакѣла прибылъ въ Шри-Нѣланду, то буддисты не могли съ нимъ состязаться и, написавъ приглашительное письмо къ Арьядеву, принесли жертву Махѣкѣлѣ. Тогда изъ сердца кушира Махѣкѣлы вылетѣлъ воронъ, къ шеѣ котораго привязали письмо, и онъ, полетѣвъ на югъ, вручилъ его Арьядеву. Прибывъ въ Нѣланду, учитель началъ продолжительный споръ съ противниками ученія Будды и трижды одержалъ верхъ. Когда Дурдаршакѣла хотѣлъ съ помощью заклинаній убѣжать по воздуху; учитель связалъ его заклинаніями и, сквативъ, посадилъ въ одною краѣю вмѣсто тюрьмы. И эта версія кончается полнымъ обращеніемъ еретика.

Въ редакціи, записанной мною, оба противника, летать; у Даранаты летитъ только одинъ еретикъ; объ Арьядеву не сказано, летитъ ли и онъ также или остается на мѣстѣ. Если тутъ нѣтъ пропуска, то редакція Даранаты будетъ ближе къ русской былинѣ, гдѣ летаетъ только змѣй, а Добрыня или Алеша остаются на землѣ¹⁾. Если мы будемъ сравнивать русскую былинку съ буддійскою легендой, то соотвѣтствіе персонажей будетъ такое: Добрыня отвѣчаетъ Арьядеву, а змѣй Горынычъ—Пахалѣ и Дурдаршакѣлѣ.

Въ русской былинѣ какъ будто заключаются и другія отраженія буддійской легенды, кромѣ этого эпизода о летаніи. Въ былинѣ женщина (въ одномъ случаѣ она названа Марьей Дивовной) заточена въ пещерѣ. Въ буддійской легендѣ Арьядева заточаетъ въ тюрьму Пахалу; впрочемъ, Арьядева и самъ сидитъ въ пещерѣ отшельникомъ (самбава), и воронъ отправленъ вызвать его изъ этого добровольнаго заточенія. Купанье Добрыни въ Пучай-рѣкѣ, которое въ параллельныхъ мѣстахъ другихъ былинъ, напримеръ въ былинѣ о Василѣ Буслевѣ, имѣетъ смыслъ омовенія грѣховъ (въ рѣкѣ Ердани), было бы, конечно, вѣстожой сравнивать съ омо-

связана тема о драгоцѣнности, вырываемой изъ трупъ, плывущаго по рѣкѣ; эта же тема и въ сказкѣ „Арджин-Борджи“, но въ этой послѣдней трупъ плыветъ по рѣкѣ, воды которой внезапно поднялись. О Пучай-рѣкѣ не говорится, чтобъ уровень ея поднялся; но это есть въ былинѣ о Добрыни и рѣкѣ Смородни.

¹⁾ Соперникъ Чингисъ-хана, шаманъ Тубуть-тэнгри, новидимому, обладалъ способностью если не летать, то другимъ способомъ подниматься на небо. У Рашидъ-Эддина о немъ говорится, что онъ на бѣлой лошади верхомъ вздыгъ на небо. Шаманъ самъ о себѣ говорилъ: „Я хожу на небо“ (Труды Вост. Отд. Археолог. Общ., ч. V, стр. 159).

венізмъ грѣшного тѣла, которое совершаетъ Палаха ¹⁾, во воронъ легенды, можетъ быть, находится въ какой-нибудь, хотя и отдаленной связи съ птицей, являющейся въ другой былинѣ о Добрынѣ, именно о его продолжительной отлучкѣ. Добрыня гдѣ-то вдали отъ своего дома, во время его отсутствія Алеша Поповичъ собирается овладѣть его женой; это временное торжество Алеша соответствуетъ торжеству Палаха. Въ буддѣйской легендѣ объ этомъ злѣ летитъ сообщить воронъ; въ русской былинѣ о торжествѣ противника Добрыни извѣщаютъ голуби (Рыбн., I, 163; II, 17) или воронъ, сидящій на дубу (Бирѣвскій, в. 2, 123).

Г. Потанинъ.

¹⁾ Секта, къ которой принадлежалъ Палаха, какъ будто была похожа на христіанскую секту ниробаптістовъ, которые придавали исключительное значеніе омовенію, какъ человѣческаго тѣла, такъ и посуды, одровъ и съданицъ; секта будто бы была основана Іоанномъ Крестителемъ, и къ ней принадлежалъ Симонъ-волхвъ, который будто бы былъ первымъ ученикомъ Іоанна Крестителя.

Мусульманское сказаніе о св. Георгіи по Ат-Табари.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда 15 лѣтъ назадъ нижеподписавшійся работалъ надъ монографіей о св. Георгіи, къ которой академикъ А. Н. Веселовскій немного позднѣе предложилъ такія цѣнныя исправленія и дополненія въ своихъ «Разысканіяхъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ» (Приложенія къ XXXVII т. Зап. Имп. Ак. Н. № 3, 1890 г.), изслѣдователямъ не былъ извѣстенъ оригиналъ извѣстной хронки Табари, а только персидское ея сокращеніе въ переводѣ Цотенберга. Въ настоящее время издается арабскій подлинникъ Табари по лучшимъ рукописямъ. Но такъ какъ специалисты по исторіи русской, западноевропейской и византійской литературы, къ сожалѣнію, очень рѣдко бываюгъ знакомы съ восточными языками, то памятникъ огромной важности, старательно и обстоятельно пересказывающій массу христіанскихъ легендъ въ редакціяхъ не позднѣе первой половины IX вѣка, памятникъ, способный во многихъ случаяхъ радикально измѣнить наши почти общепризнанныя гипотезы, часто основанныя, за неимѣніемъ лучшаго, на такомъ хрупкомъ базисѣ, какъ остроуміе и на такихъ непрочныхъ доводахъ, какъ сравнительная хронологія рпц. второго тысячелѣтія вашей эры, памятникъ способный дать намъ солидныя основы для рѣшенія нинѣ въ вопросѣ, передъ которыми мы до сихъ поръ только разводили руками, все же *для насъ* остается какъ бы не изданнымъ.

Къ счастью, между ориенталистами встрѣчаются такіе великодушные люди, которые не отказываются иногда посвящать часть своего поистинѣ драгоцѣннаго времени—кто не знаетъ, какъ у нихъ обширна жатва для самостоятельныхъ открытій и какъ мало дѣлателей!—на ознакомленіе большой публики съ сокровищами востока. Одинъ изъ нихъ даетъ намъ теперь точный переводъ житія св. Георгія по изложенію Аттабари. Принесимъ ему нашу глубокую благодарность.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить главнѣйшія отличія этого перевода житія Побѣдоносца сравнительно съ тѣмъ его видомъ, въ какомъ академикъ А. Н. Веселовскій и нижеподписавшійся были знакомы съ Табари по переводу Цотенберга (Киричниковъ: «Св. Георгій и Вгорій Храбрый» СПб. 1879 стр. 13 и слѣд.; А. Н. Веселовскій, 1. с. стр. 23 и слѣд.)

Царь, мучившій св. Георгія, здѣсь называется Дазанка (у Z. Dādāyānē).

Встали замѣчу: суэф. этого имени *an*, сохранившійся во всѣхъ апокрифическихъ редд. жатія св. Георгія, не повлиялъ-ли на имя *Дакьянусъ*, которое придано въ логученскомъ сказаніи о спящихъ отрокахъ (см. Зап.

Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. VIII, 3—4, 1894 стр. 226 и слѣд.) тирану (въ основѣ лежить имя Декія)?

Здѣсь, какъ въ латинскихъ текстахъ, мученіямъ предшествуетъ преніе.

Въ темницу къ св. Георгію вмѣсто Христа здѣсь приходитъ ангелъ Господень.

Первая смерть св. Георгія предшествуетъ борьбѣ съ магами.

Магъ пытается посредствомъ ядовитаго напитка обратить святого въ собаку (въ христіанскихъ текстахъ—отравить его), но тотъ только утѣляетъ имъ свою жажду.

Чудо надъ быкомъ (у Z. корова). Схоластники здѣсь нѣсколько ближе къ христіанскимъ редакціямъ

Сильный вихрь и ужасы въ природѣ, наступившіе послѣ второй смерти св. Георгія, ближе подходятъ къ нашимъ духовнымъ стихамъ, нежели какая либо другая полная редакція житія.

Эпизодъ о воскресеніи мертвецовъ до поразительности сходенъ съ латинскими текстами. Говорящій здѣсь называется *Юбилъ*, а не *Tubil*, какъ у Z., и въ виду близости этой формы къ *Jobius, Jovis* латинскихъ текстовъ, я долженъ взять назадъ свое предположеніе о первоначальности формы съ T. Таркалина, предлагающій Георгію воскресить мертвецовъ, есть, безъ сомнѣнія *Tranquillinus* Галликанскаго текста.

При третьей смерти Георгія здѣсь роль играетъ не колесо, какъ въ христіанскихъ редакціяхъ, и не колесница, какъ у Z., а нѣчто вродѣ ея катокъ, усаженный книжалами.

Истребленіе идоловъ пересказано обстоятельнѣе, чѣмъ у Z., но также близко къ христіанскимъ редакціямъ.

Казнь царицы здѣсь представляетъ, можетъ быть, пропускъ (въ христ. ред. она обезглавлена).

Казнь язычниковъ и кончина мученика изложены здѣсь осмысленнѣе, нежели въ славянскихъ и латинскихъ версіяхъ: тамъ истребленіе мучителей предшествуетъ смерти св. Георгія и является такимъ образомъ нелѣпой вставкой; здѣсь огненный дождь, *начавшій* падать съ неба, возбуждаетъ злобу язычниковъ, которые и убиваютъ святого, аок ончательно: истребленіе ихъ заключаетъ разсказъ.

А. Киртичкиковъ.

Ат-Табари Абду Джафаръ Мухаммедъ бенъ Джариръ въ своемъ сочиненіи „Хроника о пророкахъ и царяхъ“ (во II томѣ I сорія, ст. 795—813, по изд. J. Berth и Th. Nöldeke) говоритъ:

Житіе Джирджиса. 1)

Джирджисъ, какъ говорятъ, былъ одинъ изъ благочестивыхъ рабовъ Божиныхъ родомъ изъ Палестины, и жилъ еще при послѣднихъ учени-

1) Т. е. св. Георгія. Прозношеніе „Джирджисъ“ и „Джерджисъ“ одинаково имѣеть свои основанія.

нахъ Исѧ (т.-е. Исуса, сына Маріи). Онъ былъ купцомъ и пріобрѣталъ торговлею столько, что не только не нуждался въ помощи, но даже удръжалъ отъ своего достатка бѣднымъ. Однажды Джирджисъ отправился въ Мусулъ, гдѣ, какъ передалъ намъ Ибнъ Ханидъ со словъ Салимата по рассказамъ Ибнъ-Исаака бенъ-Мунаббега и другихъ ученыхъ, царемъ тогда былъ Дазана, который уже владѣлъ всею Сиріей и отличался своею надменностью и высокошрїемъ. Наравнѣ съ собою Дазана никого не ставилъ, кромѣ боговъ. По этому благочестивый мужъ Джирджисъ съ многими вѣрными срывали свою вѣру; они покинули ученіе Апостоловъ, среди которыхъ они прежде жили. У Джирджиса было много денегъ и огромная торговля; но онъ очень щедро раздавалъ милостыню, и бывали такіе дни, когда онъ раздавалъ все свое имущество и у него ничего уже не оставалось; тогда онъ вновь брался за торговлю и, какъ только, бывало, возьмется, пріобрѣтаетъ вдвое больше прежняго. Таково было его матеріальное положеніе. Онъ любилъ работать и пріобрѣтать деньги только для раздачі милостыни, въ противномъ же случаѣ онъ предпочиталъ бы бѣдность богатству.

Боясь, чтобы многбожники не причиняли ему непрїятностей за его вѣру, или чтобы они не соблазняли его, онъ не довѣрялся ихъ покровительству и отправился къ самому Мусула со своими богатствами, нащрѣваясь поднести ихъ царю съ тѣмъ, чтобы только одинъ этотъ царь былъ его повелителемъ. Въ то время, когда Джирджисъ пришелъ къ царю, послѣдній возсѣдалъ (на тронѣ) въ кругу своихъ вельможъ; здѣсь, по его приказанію, былъ разведенъ огонь, приготовлены всѣ орудія пытки и поставлена статуя Аполлона, предъ которую приводили народъ, и того, кто не хотѣлъ ей поклониться, жгли на огнѣ и подвергали разнымъ пыткамъ. Увидѣвъ, что дѣлаетъ царь, Джирджисъ возмущился и далъ себѣ слово бороться за вѣру; Богъ внушилъ ему ненависть къ царю и рѣшимость бороться съ нимъ. Привнесенныя съ собою богатства для поднесенія царю онъ раздалъ своимъ единовѣрцамъ, не оставивъ у себя ничего; а бороться съ царемъ онъ рѣшилъ не при помощи денегъ, но жертвуя собою для этого.

Выбравъ моментъ, когда царь былъ въ сильномъ гнѣвѣ и смущеніи, Джирджисъ подошелъ къ нему и сказалъ: «знай, что ты, рабъ възъ рабовъ, не властенъ ни надъ собою, ни надъ другими, что вѣдь тобою Богъ, который правитъ и тобой и другими. Онъ Тотъ, Кто сотворилъ тебя, питаетъ тебя, даруетъ жизнь и ее отнимаетъ; Онъ посылаетъ тебѣ добро, и зло. А ты выбралъ себѣ одно изъ Его твореній, по Его приказанію созданное, глухое, нѣмое, которое не говоритъ, не видитъ, не слышитъ, не можетъ дѣлать ни добра, ни зла, которое не замѣнитъ тебѣ Бога. Кто разукрасилъ ты золотомъ и серебромъ и соблазнилъ имъ народъ; ему ты сталъ поклоняться, а не Богу, назвавъ его богомъ, и заставляешь рабовъ Божиихъ ему поклоняться».

И многое подобное сказалъ царю Джирджисъ о величїи Бога, о славѣ Его, и о томъ, что не слѣдуетъ поклоняться идоламъ. Выслушавъ все

это, царь спросил Джирджиса: «кто ты и откуда ты пришел?» «Я рабъ Божій, отвѣчалъ онъ, «сынъ раба и рабыни Ею, самый ничтожный изъ Его рабовъ, самый бѣдный изъ нихъ; изъ праха я сотворенъ и въ землю отыду». Затѣмъ онъ разсказалъ царю, что его праведно сюда и кто онъ. Послѣ этого Джирджисъ призывалъ царя поклониться истинному Богу и отказаться отъ поклоненія идоламъ; а царь призывалъ Джирджиса поклониться тому идолу, котораго самъ почиталъ, и сказалъ ему: «если твой Богъ, о которомъ ты думаешь, что Онъ Царь царей, таковъ, какъ ты его описалъ, тогда были бы видны на тебѣ Его дѣянія, подобно тому, какъ мои дѣянія видны на окружающихъ меня царяхъ. Джирджисъ отвѣтилъ: «славеи и великъ Богъ нашъ! Какъ ты можешь сравнить Таркаблина и то, что онъ приобрѣлъ, служа тебѣ, — а Таркаблинъ вѣдь занимаетъ самое высокое положеніе въ твоёмъ государствѣ, — съ Илиемъ и тѣмъ, что онъ заслужилъ у Господа Бога! Илія былъ простой, человѣкъ ѣлъ простую пищу, пѣшкомъ ходилъ по уллицамъ; по благодати же Божіей онъ одѣлся перьями и свѣтомъ, изъ человѣка сталъ ангеломъ небеснымъ и земнымъ и леталъ съ ангелами..... Скажи мнѣ, какъ ты можешь сравнить твоего вельможу Маджлигуса и получаемое имъ по твоей милости благо съ Мессіей, сыномъ Маріи, и дарованное ему по Божіей милости благо; ибо Богъ возвысилъ Его надъ всѣми людьми и поставилъ Его и Его народъ примѣромъ для правовѣрныхъ». Тутъ онъ разсказалъ ему житіе Мессіи и о дарованной Ему Богомъ милости. «Скажи мнѣ также», продолжалъ онъ, «какъ ты можешь сравнить Матерь Этого Благого Духа, которую Богъ избралъ для Своего Слова, Которой утробу Онъ освятилъ для Своего Духа, Которую Богъ предпочелъ всѣмъ женамъ и полученную Ею награду за служеніе Богу — съ Іезавелью и съ тѣмъ, что она получила отъ тебя? Она была одной націи, одной вѣры съ тобою, была могущественною царицею, но Богъ оставилъ ее, — и собаки растерзали ее въ ея жилищѣ, лизали ея кровь, лисицы и волки растаскали члены ея тѣла». Царь сказалъ: «ты разсказываешь мнѣ о томъ, что намъ не извѣстно; приведи мнѣ этихъ двухъ мужей, о которыхъ ты упоминалъ, чтобы мнѣ увидѣть ихъ и послѣдовать ихъ примѣру; ибо я не вѣрю, чтобы это могло быть среди людей». Джирджисъ отвѣтилъ: «ты не вступишь въ свидѣніе твоего самообольщенія; этихъ же двухъ людей ты не увидишь, и они тебя не увидятъ до тѣхъ поръ, пока не будешь поступать, какъ они поступали. Тогда только ты удостоишься узрѣть ихъ лица». Царь сказалъ: «мы привели наше оправданіе, и намъ ясна твоя ложь; ибо ты хвастался тѣмъ, чего не могъ доказать». Затѣмъ онъ предложилъ Джирджису на выборъ — подвергнуться пыткамъ, или поклониться Аполлону и получить за это награду. Джирджисъ отвѣтилъ: «если Аполлонъ воздвигъ небесный сводъ и т. д. (онъ перечислилъ всѣ дѣянія Бога), то ты правъ и даешь мнѣ добрый совѣтъ; если же нѣтъ, то погибни, проклятый нечестивецъ!» Услышавъ, какъ поноситъ Джирджисъ его и его боговъ, царь сильно разгнѣвался и приказалъ, воздвигнувъ доску, прибить къ ней Джирджиса и чесать желѣзными гребнями, раздвигая его тѣло, обливая раны укусомъ и обмазывая горчичей. Но, видя, что все это не

можетъ умертвить его, царь приказалъ вбить въ его голову шесть раскаленныхъ до-бѣла большихъ желѣзныхъ гвоздей. При этомъ мозгъ Джирджиса текъ изъ головы его, но смерть не наступала. Тогда царь приказалъ принести большой мѣдный котелъ и развести подъ нимъ огонь; когда котелъ распалился до-бѣла, онъ велѣлъ бросить въ него Джирджиса и закрыть, пока котелъ не остынетъ. Но все же Джирджисъ остался живъ. Послѣ этого царь призвалъ его и сказалъ: «что ты скажешь относительно испытанныхъ тобою мученій?— «Я тебѣ сказалъ», отвѣтилъ онъ, «что есть Богъ, Который сильнѣе тебя; Онъ облегчилъ мнѣ мои страданія и далъ мнѣ терпѣніе, чтобы убѣдить тебя въ справедливости моихъ словъ». Послѣ этихъ словъ царь испугался дурныхъ послѣдствій отъ этого для себя и своего царства и рѣшился навѣки заключить его въ тюрьму. Но нѣкоторые изъ его приближенныхъ замѣтили: «если ты оставишь его въ тюрьмѣ съ нѣкоторой свободой, то онъ будетъ говорить съ народомъ и, можетъ быть, возмутитъ его противъ царя; поэтому прикажи, чтобы въ тюрьмѣ подвергали его пыткамъ, не давая говорить съ народомъ».

И, по приказанію царя, Джирджиса въ тюрьмѣ положили лицомъ къ полу, привязавъ за руки и за ноги желѣзными цѣпями къ четыремъ желѣзнымъ коламъ, а на спину ввалили мраморную цилиндрическую глыбу. Эту глыбу брались нести 7 человекъ и не могли, затѣмъ 14 и тоже не могли, наконецъ 18 ее принесли и ввалили ему на спину. И такъ Джирджисъ провелъ весь день. Когда же наступила ночь, послалъ Богъ Своего Ангела (и это было первый разъ, что Джирджисъ получилъ откровеніе и видѣлъ ангеловъ); ангелъ снялъ съ него камень и оковы, напоилъ, накормилъ, благословилъ и утѣшилъ; а утромъ вывелъ его изъ тюрьмы и сказалъ: «отправляйся къ твоему врагу и борись съ нимъ за вѣру; ибо Господь Богъ тебѣ говоритъ: радуйся и терпи; Я буду испытывать тебя въ продолженіе 7 лѣтъ черезъ этого моего врага. Онъ подвергнетъ тебя разнымъ мукамъ и четыре раза убьетъ тебя; три раза Я воскресну тебя, а въ четвертый приму твою душу и вознагражу тебя». Незамѣтно для невѣрныхъ, Джирджисъ появился между ними и сталъ призывать ихъ къ Богу. «Джирджисъ-ли ты?» спросилъ у него царь. «Да, я Джирджисъ», отвѣтилъ тотъ. «Кто вывелъ тебя изъ тюрьмы?»— «Вывелъ меня Тотъ, Чья власть выше твоей». Услышавъ это, царь пришелъ въ ярость и потребовалъ всѣ мучительные снаряды. При видѣ этихъ орудій его мученія, Джирджисъ смутился, но вскорѣ овладѣлъ собою и громко сталъ упрекать себя въ малодушіи.

Послѣ этого его растянули между двумя столбами и, начиная съ головы, перепилили его по-поламъ; каждую половину разрѣзали на нѣсколько частей и бросили въ ровъ, гдѣ находились львы, числомъ семь. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ видовъ его пытокъ. Но, по внушенію Господа Бога, львы не тронули его тѣла, преклонили свои головы и стали на заднія лапы, какъ бы оберегая его отъ расхищенія. И такъ оставался Джирджисъ до вечера. Это была первая смерть, которую онъ испыталъ. Ночью Господь Богъ собралъ куски его тѣла вибѣстѣ, воскресилъ его, и послалъ ангела вывести его изъ рва, накормить, напоить, благословить

и утѣшить. На утро Ангелъ восславилъ: «о, Джирджисъ!» — «И», отвѣтилъ тотъ. Ангелъ продолжалъ: «Всемогущій, Который сотворилъ Адама изъ праха, приказалъ извлечь тебя изъ рва, ступай къ твоему врагу, борись съ нимъ за вѣру и умирай терпѣливо!» И вотъ, когда идолопоклонники праздновали смерть Джирджиса, онъ внезапно явился среди нихъ. «Какъ этотъ человекъ похожъ на Джирджиса!» говорили они про него другъ другу. «Онъ отъ насъ не скроется», сказалъ царь, «вѣдь это самъ Джирджисъ! Развѣ вы не видите его спокойствія духа и пренебреженія къ намъ!» — «Да», сказалъ Джирджисъ, «это дѣйствительно я. Вы, нечестивые, надругались надо мной и умертвили меня. Но Господь Богъ по милосердію Своему воскресилъ меня. Обратитесь же къ этому Богу, Который показалъ вамъ свои чудеса!»

Услышавъ это, они говорили другъ другу: «вѣроятно чародѣй околдовалъ наши руки и глаза, такъ что мы не можемъ его одолѣть, соберемъ всѣхъ чародѣевъ страны!»

Когда они собрались, царь сказалъ главному изъ нихъ: «покажи мнѣ самое большое изъ твоихъ чародѣйствъ!» Чародѣй велѣлъ привести быка, дунулъ ему въ одно ухо, и изъ одного уха стало два. Затѣмъ онъ дунулъ въ другое ухо, и вмѣсто одного быка стало два. Потомъ потребовалъ пшеничныя зерна и, когда ихъ принесли, вспахалъ поле; затѣмъ посѣялъ пшеницу, и, когда нива созрѣла, онъ собралъ жатву, вымолотилъ, смолотъ, замѣсилъ тѣсто, испекъ хлѣбъ и съѣлъ его. Все это въ одну часть.

Послѣ этого царь сказалъ: «можешь ли ты обратить этого человека (указывая на Джирджиса) въ животное?»

— «Въ какое?» — спросилъ чародѣй. «Въ собаку», — отвѣтилъ царь. «Прикажите принести чашу съ водою», сказалъ чародѣй. Когда принесли чашу, онъ дунулъ въ нее и обратился къ царю со словами: «прикажи Джирджису выпить эту воду». И Джирджисъ выпилъ все, что было въ чашѣ, до дна. «Какъ ты себя чувствуешь?» спросилъ чародѣй у Джирджиса. «Очень хорошо», отвѣтилъ послѣдній, «я очень хотѣлъ пить, и Богъ утолилъ этия мою жажду, чтобы я могъ бороться съ вами». Тогда чародѣй обратился къ царю и сказалъ: «если бы ты боролся съ человекомъ, подобнымъ тебѣ, ты навѣрное побѣдилъ бы. Но ты борешься со Всемогущимъ, Повелителемъ небесъ и земли, съ Царемъ царей, Которому нѣтъ равнаго». Когда чародѣй кончилъ свою рѣчь, одинъ изъ приближенныхъ царя, котораго болѣе всѣхъ уважалъ народъ, всталъ и сказалъ: «будете ли вы меня слушать, если я вамъ скажу нѣсколько словъ?» — «Да, будемъ», отвѣчали они всѣ. Тогда онъ началъ такъ: «вы называли дѣянія этого человека колдовствомъ и думаете, что онъ околдовалъ ваши руки и глаза, такъ что вамъ только казалось, что вы его мучите, а на самомъ дѣлѣ ваши пытки ему ничего не сдѣлали, такъ что вамъ только казалось, что вы его убили, а на самомъ дѣлѣ онъ остался живъ. Но развѣ вы видѣли когда нибудь, чтобы какой-либо чародѣй могъ отвратить отъ себя смерть, или чтобы онъ могъ оживить мертваго?» Затѣмъ онъ, сравнивая ихъ чародѣйства съ чудесами Джирджиса, рассказалъ имъ слѣдующую исторію: «Одна бѣдная женщина, услышавъ про Джирджиса и его чудеса, пришла къ

нему въ то время, когда онъ былъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи, и сказала ему: «Я бѣдная женщина. У меня былъ единственный быкъ, который составлялъ все мое имущество и все мое пропитаніе; когда однажды я пахала на немъ, онъ околѣлъ; и вотъ и пришла къ тебѣ съ просьбою, чтобы ты пожалѣлъ меня и попросилъ у Господа Бога оживить моего быка». Джерджисъ заплакалъ и сталъ молить Бога умилосердиться надъ нею и оживить ея быка. Потомъ, давъ ей палку, сказалъ: «ступай туда, гдѣ палъ твой быкъ, ударь его этой палкой со словами: «оживись по соизволенію Всевышняго Бога». — «О, Джерджисъ!» возразила она, уже прошло нѣсколько дней съ того времени, какъ мой быкъ околѣлъ: должно быть, его растаскали дикіе звѣри; и, кромѣ того, я очень далеко живу отъ тебя». — «Ничего», сказалъ Джерджисъ, «если ты найдешь только хоть одинъ его зубъ и ударишь его этой палкой, онъ оживетъ по соизволенію Бога». И вотъ она отправилась туда, гдѣ палъ ея быкъ, и нашла тамъ отъ него одинъ рогъ и волосы съ его хвоста. Сложивъ вмѣстѣ, она ударила по нему палкой и сказала то, чему научалъ ее Джерджисъ. Быкъ ея ожилъ и она стала опять пахать на немъ». Это и многое другое выставилъ вельможа, какъ аргументы противъ ихъ невѣрія. «Изъ твоихъ словъ видно», сказали идолопоклонники, «что ты послушался ученія Джерджиса». «Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ этого человѣка», возразилъ онъ, «дѣянія его показались мнѣ въ высшей степени сверхъестественными». — «Можетъ быть», сказали тѣ, «онъ соблазнилъ тебя?» — «Да», отвѣтилъ тотъ, «я вѣрю въ Истиннаго Бога и призываю его во свидѣтели того, что я отказываюсь поклоняться вашимъ богамъ». Тогда царь и его приближенные вскочили, напали на него съ кинжалами и отрѣзали у него языкъ, распустивъ слухъ, что онъ умеръ отъ чумы прежде, чѣмъ могъ вымолвить слово.

Дж-съ, видя, что идолопоклонники скрываютъ истинную причину смерти вельможи, выступилъ передъ народомъ и открылъ ему, какъ было дѣло, рассказавъ ему и рѣчи покойнаго вельможи, благодаря чему 4000 чело-вѣкъ последовали его вѣрѣ. «Онъ былъ дѣйствительно правъ въ томъ, что проповѣдывалъ», говорили въ народѣ, «да помилуетъ его Господь Богъ!» Но царь велѣлъ перехватать новообращенныхъ, надѣтъ на нихъ оковы, подвергнуть пыткамъ, надругаться надъ ними и перебить всѣхъ до послѣдняго. Покончивъ съ ними, царь взялся за Джерджиса. «Молись Твоему Богу, чтобы Онъ воскресилъ ихъ, такъ какъ ты причина ихъ смерти!» сказалъ онъ Джерджису. «Богъ избралъ для нихъ лучшую участь», отвѣтилъ Джерджисъ, «избавивъ ихъ отъ тебя». Тогда одинъ изъ вельможъ, по имени Маджитысъ, сказалъ Джерджису: «ты думаешь, Джерджисъ, что Твой Богъ сотворилъ міръ и воскрешаетъ людей; я попрошу у тебя одного чуда: если Твой Богъ его исполнитъ, я повѣрю въ Него, повѣрю тебѣ, и избавлю тебя отъ пытокъ моихъ единовѣрцевъ. Вотъ мы сидимъ на 14 взрослыхъ, передъ нами стоитъ столъ, а на немъ—боквалы, тарелки и другія деревянныя вещи—все это изъ различныхъ родовъ дерева. Попроси Твоего Бога, чтобы Онъ привелъ все это въ первоначальный ихъ видъ, чтобы они стали зелеными и мы могли бы различить каждое дерево по цвѣту, по

листьями и плодами». Джерджисъ отвѣтилъ: «ты просишь дѣла, труднаго для насъ съ тобой, во имя Бога это легко». Джерджисъ помолился Господу и, пона- они сидѣли еще на своихъ мѣстахъ, кресла и посуда со столомъ завале- ными, пустились корни, одѣлись коркою, обросли вѣтвями, покрылись лютыми, зацѣпи и дали плоды, такъ что каждое дерево можно было узнать по виду, по цвѣту и по плодамъ. Увидѣвъ это, язычники возмущались и тотъ же Маджитысь, который просилъ чуда, взялся его мучить, сказавъ: «я проучу этого чародѣя, чтобы пытка была для него напоминаніемъ его чародѣйства». Взявъ мѣди, онъ сдѣлалъ изъ нее фигуру на-подобіе быка, пустую внутри, помѣстительную, набилъ ее сѣтью, свинцомъ, сѣрой и мышьякомъ, посадилъ туда Джерджиса и развелъ подъ этой фигурой огонь, поддерживая его до тѣхъ поръ, пока все, что было внутри, расплавилось и смѣшалось. Тамъ и погибъ Джерджисъ. Въ это время Богъ послалъ сильный вѣтеръ, который нагналъ черныя тучи, при чемъ непрерывно гремѣлъ громъ, сверкала молнія и шелъ сильный дождь среди шума и ирака, такъ что не было видно ни неба, ни земли. Все кругомъ погрузилось въ тьму, и такъ прошло нѣсколько сутокъ, когда нельзя было различить дня и ночи. Тогда послалъ Богъ своего ангела Михаила, который взялъ эту мѣдную фигуру, гдѣ былъ Джерджисъ, поднялъ ее и ударилъ о землю. Раздался страшный трескъ, отъ котораго всѣ жители Сиріи пришли въ сильный страхъ и попадали на землю; трескъ этотъ въ одинъ и тотъ же часъ былъ услышанъ всѣми. Фигура разбилась и Джерджисъ вышелъ изъ нея — живымъ.

Когда онъ сталъ говорить передъ язычниками, тьма разсѣялась и они опомнились. Одинъ изъ нихъ, по имени Таркаблина сказалъ: «Джерджисъ! мы не знаемъ, кто творитъ эти чудеса, ты или Твой Господь; если это Онъ, попроси Его воскресить нашихъ покойниковъ; въ этихъ могилахъ передъ тобою лежатъ наши новоявники; нѣкоторыхъ мы знаемъ, а другіе умерли еще до насъ; попроси Господа воскресить ихъ такими, какими они были раньше, и мы будемъ разговаривать съ ними. Своихъ знакомыхъ мы узнаемъ, а незнакомые расскажутъ намъ про себя.» Джерджисъ сказалъ: «Сколько разъ Богъ былъ къ вамънисходителенъ, показывая вамъ Свои чудеса, для того, чтобы облачить васъ въ невѣрiи, чѣмъ вы заслуживаете Его гнѣвъ». Затѣмъ онъ приказалъ открыть могилы, собрать кости, обломки костей и прахъ, и сталъ молиться. Язычники не успѣли сдѣлать ни одного движенія, какъ появились 17 человекъ, въ числѣ которыхъ было 9 зрѣлыхъ мужей, 5 женщинъ и 3 мальчика. Джерджисъ обратился къ самому старому изъ нихъ съ вопросомъ: «старецъ, какъ тебя зовутъ?» — «Меня зовутъ Юбиасемъ», отвѣтилъ тотъ. — «Когда ты умеръ?» — продолжалъ Джерджисъ. — «Я жилъ, отвѣтилъ старецъ, во время такого-то и такого-то». Сосчитали и оказалось, что онъ умеръ 400 лѣтъ тому назадъ. Видя это, царь и его приближенные разсуждали, что не осталось уже ни одной пытки, которой-бы они не подвергали Джерджиса, кромѣ голода и жажды, вѣрившись на это. Съ этою цѣлью они избрали домикъ одной бѣдной старухи, откуда онъ не могъ убѣжать; у этой старухи былъ сынъ слѣпой, глухой, безногий. Джерджиса заключили въ этотъ домикъ безъ пищи и питья.

Мучимый голодомъ, онъ обратился къ старухѣ и сказалъ: «вѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть или попить?» — «Нѣтъ» отвѣтила та, «влянусь богами, у насъ уже нѣсколько дней нѣтъ ни пища, ни питья; я пойду и попрошу для тебя что-нибудь поѣсть». — «Знаешь ли ты Бога», спросилъ ее Джерджисъ. — «Да», отвѣтила она. — «Ты признаешь Его?» — продолжалъ онъ. — «Нѣтъ». Тогда онъ призвалъ ее поклониться Ему, и она увѣровала и отправилась поискать для него пищи. Домикъ ея опирался на деревянный столбъ. Джерджисъ сталъ молиться Богу и скоро этотъ столбъ зазеленѣлъ, и на немъ выросли всевозможные плоды и овощи, даже ябл¹⁾ и фасоль.

На столбѣ выросла большая вѣтва, которая покрыла своими листьями домикъ и все, его окружающее. Когда онъ кушалъ эти плоды съ удовольствіемъ, старуха вернулась домой и, увидѣвъ, что произошло въ ея отсутствіе, воскликнула: «я вѣрю въ того, Кто накормилъ тебя въ домѣ голода! Попрошу Этого Великаго Бога исцѣлить моего сына!» — «Принеси его во мнѣ поближе!» — приказалъ онъ. Когда она это исполнила, онъ плюнулъ ему въ оба глаза и тотъ прозрѣлъ, дунулъ въ оба уха и глухота его пропала; «исцѣли ему языкъ и ноги!» продолжала просить старуха, «Богъ тебя вознаградитъ!» — «Оставь это, ибо настаетъ для этого великій день.»

Однажды царь пошелъ прогуляться по городу и, замѣтивъ дерево, сказалъ своимъ спутникамъ: «я вижу здѣсь дерево, котораго прежде на этомъ мѣстѣ не было!» — «Это дерево», отвѣтили они, «выросло для того колдуна, котораго ты хотѣлъ умерить голодомъ, а онъ въ свое удовольствіе ѣсть съ него и кормитъ бѣдную женщину, да кромѣ того исцѣлилъ ее сына!» Тогда царь приказалъ разрушить домъ и срубить дерево. Когда собирались его рубить, оно по повелѣнію Божию высохло и обратилось опять въ столбъ, который они и оставили.

А Джерджиса царь приказалъ растянуть лицомъ къ землѣ и привязать къ четыремъ коламъ. Затѣмъ онъ велѣлъ сдѣлать катокъ, усажанный по поверхности кинжалами и ножами, вперечъ въ него 40 быковъ и прогнать ихъ черезъ Джерджиса, который былъ такимъ образомъ разрубленъ на три части. Одну изъ нихъ царь приказалъ сжечь на огнѣ, а золу послалъ бросить въ море; когда это было исполнено, слышался голосъ съ неба, говорящій: «горе, Богъ приказываетъ тебѣ беречь этотъ благоухающій прахъ; Я желаю вновь воскресить его!» Вѣтеръ, посланный Богомъ, извлекъ золу изъ моря и собралъ ее въ одно мѣсто въ такомъ видѣ, какъ и прежде.

Посланные увидѣли, что зола зашевелилась и не успѣли уйти, какъ всталъ изъ золы Джерджисъ живой; стряхнувъ съ себя прахъ, онъ присоединился къ нимъ и они отправились вмѣстѣ назадъ. Возвратившись къ царю, они рассказали ему о голосѣ, который его оживилъ, и о вѣтрѣ, который его собралъ.

¹⁾ По словамъ Абу Джафара, ябл^а — рестевіе, водящееся въ Сиріи; зерна его съдобны.

Тогда царь спросилъ: «не хочешь-ли ты, Джерджисъ, согласиться на то, что для насъ обоимъ будетъ лучше? Если бы только народъ не говорилъ, что ты взялъ верхъ надо мною, я послѣдовалъ бы за тобою и повѣрялъ бы тебѣ; но ты поклонись, хоть одинъ разъ Аполлону, или принеси ему хоть одну овечку въ жертву—затѣмъ, я сдѣлаю, что тебѣ угодно.» Услышавъ предложеніе царя, Джерджисъ возмѣлъ сильное желаніе уничтожить идола во время жертвоприношенія и въ надеждѣ, что царь приметъ истинную вѣру, когда будетъ уничтоженъ его идолъ, обманулъ царя и сказалъ: «если тебѣ угодно, веди меня къ твоему идолу, я ему поклонюсь и принесу жертву!» Царь обрадовался, подошелъ къ нему и, поцѣловавъ его въ руки, въ ноги и въ голову сказалъ: «я требую, чтобы ты пробылъ этотъ день и эту ночь въ моей домѣ и на моей постели, среди моей семьи, чтобы тебѣ отдохнуть отъ пытокъ и чтобы люди видѣли, какъ ты мнѣ дорогъ.» И царь отдалъ ему въ распоряженіе свой дворецъ, куда переселился Джерджисъ. Ночью Джерджисъ сталъ молиться и пѣть псалмы. У него былъ прекрасный голосъ и, когда жена царя услышала его пѣніе, стала вслушиваться, и онъ не замѣтилъ, какъ она уже стояла за нимъ и плакала.

Джерджисъ призывалъ ее къ вѣрѣ въ Бога, и она увѣровала, но онъ ее просилъ скрывать пока свою вѣру. Утромъ рано его повели въ капище поклониться идоламъ. Между тѣмъ старуха, въ домѣ которой былъ заключенъ Джерджисъ, узнавъ, что Джерджисъ, соблазнился и предпочелъ блага міра истинной вѣрѣ и что ради этого онъ отправился въ капище поклониться идоламъ, пошла туда же, неся на плечахъ своего сына и упрекая Джерджиса за отступничество; народъ не замѣчалъ ее. Войдя въ капище, Джерджисъ замѣтилъ въ первыхъ рядахъ старуху съ ея сыномъ на плечахъ и позвалъ къ себѣ его по имени. Тотъ внезапно заговорилъ, хотя до сихъ поръ онъ былъ нѣмъ. Затѣмъ онъ слѣзъ съ плечъ матери и пошелъ къ Джерджису, хотя раньше никогда не ступалъ ва свои ноги.

Когда мальчикъ подошелъ къ Джерджису, послѣдній приказалъ ему: «пойди и позови во мнѣ этихъ идоловъ.» Эти идолы въ числѣ 71 стояли тамъ на золотыхъ подножіяхъ; кромѣ этихъ идоловъ, язычники поклонялись также солнцу и лунѣ. «Какъ же мнѣ обратиться въ идоламъ?» спросилъ у Джерджиса мальчикъ. «Скажи», отвѣтилъ онъ: «Джерджисъ заливаетъ васъ именемъ Вашего Творца придти къ себѣ.» По зову мальчика идолы повалились къ Джерджису и стали передъ нимъ. Джерджисъ топнулъ ногою объ землю и всѣ они провалились. Изъ одного идола выскочилъ Иблисъ (дьяволъ) и побѣжалъ мимо Джерджиса; въ это время послѣдній схватилъ его за чубъ и воскликнулъ: «о проклятый нечистый духъ! Что заставляешь тебя губить себя и людей? Развѣ ты не знаешь, что тебѣ и ангеламъ твоимъ уготованъ адъ!» Иблисъ отвѣтилъ: «если бы мнѣ предложили на выборъ—владѣть всѣмъ, что на землѣ и подъ землею, или соблазнить хоть одного человѣка на одинъ мигъ, я предпочелъ бы этотъ мигъ и получалъ бы столько удовольствія и наслажденія, сколько не получаютъ всѣ творенія, вмѣстѣ взятые. Развѣ ты не знаешь, что Богъ приказалъ Говрилу, Михаилу, Ирафилу, всѣмъ ангеламъ и силамъ небеснымъ поклониться

твоему предку Адаму, а я отказался и никогда не буду людямъ поклоняться; вѣдь я выше ихъ!» Тогда Джерджисъ отпустилъ его; съ тѣхъ поръ Иблисъ болѣе не прятался въ идолы въ опасенія провалиться и, какъ говорить, и впредь не будетъ прятаться.

Видя все это, царь обратился къ Джерджису со словами: «ты обманулъ меня и погубилъ моихъ боговъ!» «Я это намѣренно сдѣлалъ», отвѣтилъ Джерджисъ, «для того, чтобы ты опомнился и понялъ законецъ, что если бы эти боги были дѣйствительно такими, какъ ты говоришь, то они бы защитились отъ меня. А между тѣмъ твои боги не могли бороться даже со мною, слабымъ человѣкомъ, ничего не имѣющимъ, кромя благодати Божіей.» Когда Джерджисъ окончилъ свою рѣчь, заговорила царица, ибо теперь наступило время исповѣдать открыто свою вѣру и призвать язычниковъ къ Богу. Перечисливъ всѣ чудесныя дѣянія Джерджиса, она воскликнула: «чего же еще ожидаете вы отъ этого человѣка? Развѣ только того, чтобы, по его молитвѣ, земля поглотила васъ и вы погибли, какъ и ваши идолы! Берегитесь, берегитесь вы!» — «Горе тебѣ, Александр!» отвѣтилъ царь, «какъ скоро—всего въ одну ночь—совертилъ тебя волшебникъ сей! Я же боролся съ нимъ семь лѣтъ, и онъ не могъ меня совратить.» — «Правда,» возразила она, «но развѣ ты не видишь, что онъ побѣдилъ тебя властью, данной ему Богомъ!» Разгнѣванный царь приказалъ распять ее на той-же доскѣ, на которой прежде распинали Джерджиса, и такъ же чесать ее желѣзными гребнями; почувствовавъ мученія, она просила Джерджиса помолиться Богу о смягченіи ея страданій. «Взгляни на небо!» — сказалъ ей Джерджисъ.

Она посмотрѣла и улыбнулась. «Отчего ты улыбаешься?» спросилъ ее Джерджисъ. «Я вижу надо мной двухъ ангеловъ,» отвѣтила она, «которые держатъ небесную корону, ожидая, когда душа моя вылетитъ изъ тѣла, дабы украсить ее этой короной и вознести на небеса.» Когда Господь Богъ принялъ душу царицы, Джерджисъ сталъ на колѣни и началъ молиться: «Боже, ты избралъ меня для этихъ испытаній, дабы наградить меня сообразно заслугамъ мучениковъ Твоихъ; но, о, Боже, молюсь тебѣ, не дай мнѣ умереть, пока не отомстишь этому вадимному народу; пошлѣ ему такую казнь, какой еще не было примѣра, чтобы я могъ утѣшиться и удовлетвориться Твоею казнью. Господи! Прошу Тебя услышать молитву всякаго, кто молится тебѣ, упоминая мое имя, и даровать ему утѣшеніе и облегченіе». Когда Джерджисъ окончилъ свою молитву, Богъ послалъ въ язычниковъ огненный дождь; въ гнѣвъ и злобѣ язычники бросались тогда на Джерджиса съ мечами и убили его. Это была четвертая смерть, обѣщанная Джерджису Богомъ.

Когда городъ со всѣми его жителями сгорѣлъ и остался одинъ щепель, Господь Богъ перевернулъ эти мѣста вверхъ дномъ и долгое время еще послѣ этого выходилъ оттуда сирадный дымъ; всякій, подышавшій этимъ дымомъ, заболѣвалъ, каждый особенною болѣзнию.

Всѣхъ увѣровавшихъ въ Джерджиса и погибшихъ съ нимъ было 3400 человѣкъ, и жена царя, да поминаютъ ее Богъ.

Перев. М. О. Антал.

П р и м ѣ ч а н і я .

Считая необходимыми снабдить свой перевод некоторыми примѣчаніями. Прежде всего вослусь арабской формы греческихъ именъ.

Арабскій алавитъ имѣетъ особыя начертанія (т.-е. буквы) для обозначенія всѣхъ согласныхъ звуковъ, но изъ гласныхъ звуковъ обозначаются буквами только долгіе: краткіе на письмѣ не выражаются и лишь подразумеваются. Такая система графичи, довольно удобная для словъ чисто арабскихъ, произношеніе которыхъ арабу извѣстно, представляетъ большія затрудненія, когда арабу приходится передавать своею азбукою слова иностранныя, въ томъ числѣ собственныя имена. Читатель, имѣя передъ собой, напр., начертаніе «Стримъ» (Στρίμων), скорѣе всего прочтетъ «Сатарманъ», потому что такое произношеніе соответствуетъ духу его языка; и если писецъ желаетъ, чтобы читатель произнесъ это греческое имя сколько-нибудь по-гречески, онъ долженъ написать: «Иструмунъ». Такимъ образомъ, встрѣчая въ арабской транскрипціи или въ устномъ арабскомъ произношеніи какое-либо иностранное имя, мы не должны думать, что въ языкѣ, изъ котораго это имя заимствовано, оно звучало непримѣнно такъ-же. Отсюда является очень полезной вещью — сдѣлать нѣкоторыя разъясненія насчетъ собственныхъ именъ въ «Житіи Джирджиса».

Джирджисъ. Пишется «Джрджисъ», Словарь «Битабъ уль-кълямъ фи асмâ нль-кълямъ» признаетъ, какъ правильныя, чтенія: 1) Джрджисъ (по новѣйшей фонетикѣ это можетъ звучать и «Джерджисъ»), 2) Джурджисъ (Джорджисъ), 3) съ обонии краткими «и» послѣ обонихъ «дж», 4) съ краткими «у» («о») послѣ обонихъ «дж». Кромѣ того очень обычна форма: «Джурджисъ» (Джорджисъ).

Давана. Конечное краткое «а» (значе: «о») изображено буквой, которая можетъ читаться и «г» (лат. h). По другимъ рукописямъ, царь называется «Дадана» и «Дадана» Вѣроятно, между «Дави» и «Давана», промежуточной стадіей было «Давианъ».

Юмилъ. Въ одномъ изъ манускриптовъ, послужившихъ лейденскимъ издателямъ Табари, это имя пишется «Йубилъ», каковое начертаніе можно произнести такъ, какъ произнесъ я, и кромѣ того не исключается чтеніе: Ювабилъ, Яубилъ, Юбайль и т. д. Въ другихъ манускриптахъ въ началѣ имени стоитъ не буква «Й» (она изображается посредствомъ зуба съ подписанными двумя точками), а только зубецъ, въ силу чего возможно здѣсь предполагать не только «Й», но также одну изъ слѣдующихъ буквъ: б, н, о, т. Одинъ изъ манускриптовъ, дѣйствительно, имѣетъ здѣсь «т», потому-то у Цотенберга: «Тубиль». Есть, наконецъ, и такой манускриптъ, гдѣ подъ «б» и подъ «и» нѣтъ надлежащихъ точекъ, а къ конечному «ль» присоединена черточка, въ силу чего является написаніе: «Йусекъ» (=Юсекъ, Яусекъ, Явасекъ и т. п.). Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что проф. Бирпачинновъ могъ бы съ извѣстными правами не отказываться отъ своей прежней гипотезы («Тубиль»).

Тарнаблина—это наиболѣе естественное арабское произношеніе напи-

ванія «Триблина», которое у перваго написавшаго читалось, должно быть, «Тракиблива», т.-е. Tranquillinus. Одна изъ рукописей даетъ чтеніе: «Триблѣнна». Очень вѣроятно также, что указанными арабскими начертаніями передается имя: Tacaclinus.

Маджлитусъ. Пишется «Мджалит'ис» и «Мхалит'ис». Быть можетъ, надо здѣсь видѣть Magnentius? или Maxentius?

Аполлонъ. Написано: Аалун (Звукъ и буквы «п» у арабовъ вѣтъ). Обычное произношеніе — «Аалун».

Иезавель — Избѣль.

Александра — Искндре (Искандере).

Кромѣ правильнаго отношенія къ арабской транскрипціи чужихъ именъ, изслѣдователямъ Георгіевой легенды полезно будетъ и слѣдующее свѣдѣніе:

Многими своими чертами Георгій Табаріева сказанія приближается къ Хыдру (иначе: Хадыръ, Хазыръ), и поэтому фольклористы въ своихъ изслѣдованіяхъ о Георгіи привлекаютъ также мусульманскія сказанія о Хыдрѣ. Въ извѣстной степени это очень основательно и можетъ опираться даже на авторитетъ извѣстнаго лексикографа Фирюзабади, который говоритъ, что, по мнѣнію большинства людей, Хыдръ и Джирджисъ — это одна и та-же личность (Фирюзабади жилъ въ XIV в.). Но тотъ же Фирюзабади прибавляетъ, что нѣкоторые отождествляютъ Хыдра съ пророкомъ Іліей («Ильяс»), а другіе думаютъ, что Хыдръ жилъ во времена Моисея и былъ его пріятелемъ. Последнее толкованіе (его придерживается, между прочимъ, Харири въ своей «Саидской Макабѣ») ищетъ себѣ опоры даже въ одномъ мѣстѣ Корана. Противъ отождествленія Хыдра съ Іліей говоритъ одно мѣсто у Кешаль-уд-дана Абуль Ганама, жившаго раньше Фирюзабади, автора «Судейской терминологіи»; онъ отмѣчаетъ, что Ілія — символъ серьезности, тогда какъ Хыдръ — символъ веселья. Небезынтересна арабская поговорка: «онъ — словно Хыдръ: вездѣ присутствуетъ, все видитъ». (Поговорка приведена и у Фирюзабади). Гаммеръ, обративши вниманіе на значеніе имени «Хыдръ» («зеленый») и на тождество его съ персидскимъ «себа», приурочилъ Хыдра къ египетскому «Σαβάκιος» и отсюда къ Митрѣ. См. Hammer: Geschichte der schönen Redekünste Persiens, Wien 1824. Ср. изслѣдованіе Windischmann'a: «Mithra».

Въ заключеніе коснусь не новаго, конечно, вопроса о томъ, насколько вѣрно могла сохраниться у Ат-Табари христіанская окраска легенды. Табари черпалъ свѣдѣнія у ибнъ-Хаммада, а тотъ — у Селамата (сирійца Шеламе?), а тотъ — у ибнъ-Исхака и «другихъ ученыхъ». Значитъ, поточникъ «Житія Джирджиса» — тотъ же, что и Табаріевыхъ апокрифовъ объ Іисусѣ (которые, замѣчу мимоходомъ, уже переведены на русскій языкъ и приготовлены къ печати однимъ изъ моихъ учениковъ); а въ нихъ семитскія имена являются въ таковой грецизированной формѣ, которая ясне показываетъ, что историкъ, предшественникъ Табари, жилъ передъ собою греческую рукопись.

М. А.

(Читано въ засѣданіи Восточной Комиссіи Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества).

Послѣднее мнѣніе румынскаго ученаго о происхожденіи названія „Влахъ“.

(Ar. Densusianu. Originea cuvântului Vlachû. Revistă critică-literară, anul 1894. nr. I, pag. 1—15).

Подъ именемъ „Волохъ“ — въ старину, „Валахъ“ — въ болѣе позднее время, русскіе знали жителей современной Румыніи, безъ различія этнографическаго и политическаго дѣленія между Молдованами, населяющими восточную половину княжества и сосѣднія съ ними земли: Буковину, Бессарабію, Добруджу, т. е. территорію прежняго княжества Молдавіи, — и собственно Валахами, жителями западной половины королевства и сосѣднихъ съ ними земель, т. е. территоріи прежняго княжества Валахіи. Въ русскихъ напечатаніяхъ на протяженіи многихъ вѣковъ слово „Волохъ“ встрѣчается всегда почти съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, напр. Волохи, земля Волосская, законы Волошскіе, грабты Волосскія, языкъ Волошскій и т. п. Другія названія появляются въ позднее время и встрѣчаются весьма рѣдко. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ сказаніи Теодора Курцины, Дракулъ называется воеводой Мутьянскимъ. Созвучіе словъ „Мутьянскій“ и „Молдавскій“ дало мысль проф. Ѳ. Буслаеву сказать, что „Мутьянскою землею у насъ въ старину называли Молдавію“ (Русская Хрестоматія; стр. 222-я); въ то же время „Мунтянами“ называютъ себя жители западной половины королевства, т. е. собственно Валахи, какъ жители горъ, горы (рум. muntii = горы). Мунтянами ихъ называютъ и Молдаване восточной половины королевства. А названія „Молдавія“ „Молдаване“ появляется наряду съ „Волохи“ только въ XVIII вѣкѣ, раньше же встрѣчается совершенно случайно и не всегда послѣдовательно, напр. у русскихъ паломниковъ.

О происхожденіи самого термина „Влахъ“ существуетъ много самыхъ разнообразныхъ теорій, изъ которыхъ ни одна не даетъ серьезно-научнаго объясненія. Въ своей статьѣ „О происхожденіи слова Влахъ“ Ар. Денусиану, профессоръ Яскаго университета, даетъ новое объясненіе, которое, благодаря богатому матеріалу и удачному пользованію имъ, устанавливаетъ несомнѣнно вѣрное происхожденіе слова „Влахъ“ и позволяетъ считать себя и послѣднимъ мнѣніемъ.

Свою статью румынскій ученый начинаетъ заявленіемъ, что всѣ почти историки, писавшіе о Румыніи, предлагали свои объясненія названія „Влахъ“, которое сопровождаетъ Румыновъ съ незапамятныхъ временъ до

настоящаго времени. Но все эти теории интересны только по своимъ самымъ смѣлымъ, и подчасъ курьезнымъ, предположеніямъ. Одинъ производилъ слово „Влахъ“ отъ имени римскаго полководца Флавиа, прославившагося своими побѣдами въ древней Дакии, другіе — отъ германскихъ словъ: Валаи, Вальки, Валиски, а одинъ писатель производитъ даже отъ слова *Latini*, говоря, что приставленіемъ въ началѣ слова звука V получилось слово *Vlassi*. Далѣе, одинъ производитъ слово „Влахъ“ отъ древнеиталійскаго племени Вольсковъ, другіе — отъ галльскаго *Volcae Testozages* (Caes. Bell. Gall. VI, 24), третій — просто отъ Галлъ, Кертингъ и его предшественники — отъ древнегерманскаго слова *Valh*, что значитъ рабъ, пятые отъ славянскаго корня *влад* (владѣти, владѣть — господинъ), шестые отъ латинскаго прилагательнаго *validus* — сильный, седьмые — отъ готскаго корня *val* — господствовать и т. д. Наконецъ, Пиктэ, а за нимъ Томашекъ видятъ въ словѣ „Влахъ“ корень, общій съ санскритскимъ *mlecha* — варваръ. Допусмы писателей болѣе новыхъ даютъ результаты вродѣ приведенныхъ и научнаго значенія не имѣютъ.

Свое изслѣдованіе Ар. Денсущину начинаетъ двумя вопросами, которые сразу ставятъ задачу на научно-критическую почву и даютъ направленіе началу работы.

Вопросъ первый: кто называлъ и называетъ теперь Румына Влахомъ? Оказывается, что сами Румыны никогда не называли себя Влахами, а для этого у нихъ существуютъ термины: Румынъ, Арумынъ — въ Болгаріи, Румеръ — въ Истрии и Ромаръ — въ древности. Влахами же называютъ Румынъ сосѣдніе чужіе народы, напр., Нѣмцы говорятъ Валахъ, Славяне Волохъ, Венгры — Олахъ и т. д. Второй вопросъ является ужъ самъ собою: почему Румыны не называютъ себя Влахами? Съ перваго же взгляда можетъ показаться, что слово „Влахъ“ имѣетъ что-то оскорбительное для Румына; то же оказывается и на самомъ дѣлѣ: Валахъ — слово бранное, насмѣшливое. Такъ, Нѣмцы со словомъ „Влахъ“ соединяютъ самые неслестные эпитеты: глухой, лѣнивый, вонючій Влахъ. Такія же названія можно слышать и въ Венгріи. Саксонцы называютъ Румынъ въ насмѣшку Влахами и Блешами. Такой же смыслъ это прозвище имѣетъ и у другихъ народовъ и въ другихъ странахъ, сосѣднихъ съ Румынами: Бродяціи, Далматинъ, Герцоговинъ, Босній и Истрии. Важно еще то, что изъ всѣхъ романскихъ народовъ одни Румыны получили такое прозвище и удерживаютъ его до послѣдняго времени. Спрашивается: когда слово „Влахъ“ появилось впервые?

Въ Паннонскихъ Житіяхъ, слѣдовательно въ концѣ IX вѣка, Румыны въ первый разъ названы Влахами (у *Dümler'a*); съ такимъ же названіемъ являются они чрезъ столѣтіе позже, а именно, у византійскаго хрониста Кюдрена (ed. Bonn. Bonn. II, p. 435). Съ тѣхъ поръ названіе „Влахъ“ встрѣчается все чаще и чаще. Но для того, чтобы слово сдѣлалось этнографическимъ терминомъ, нужно, чтобы само это слово существовало раньше. И вотъ, авторъ изслѣдованія видитъ слово „Влахъ“ въ названіи предвѣстья г. Константинополя, а затѣмъ часовни и чудотворной Иконы Влахернской (*Βλαχέρνα*); а это названіе встрѣчается у хрониста

Бандида Исаврийскаго, т. е. во второй половинѣ V вѣка (ed. Bonn, p. 475), затѣмъ—у Агатія, Прокопія и у другихъ, а одинъ хронистъ—Пахиморъ говоритъ, что „Константинопольскія предѣстья полны Влаховъ“ (Βλαχῶν γῆρος) (II, p. 106). Слѣдовательно, слово „Влахъ“, сдѣлавшееся топонимическимъ терминомъ, существовало еще раньше.

Среди подписей лицъ, участвовавшихъ на совѣтѣ въ Сардиніи т. е. въ 347 году (Фотій. Miriobiblion, p. 1423), читается — „Antenodorus, a Dacia, de Blacena.“ Это—имя одного изъ пяти епископовъ Дакии, а слово „de Blacena“ авторъ считаетъ производнымъ отъ Βλαχός, тѣмъ вѣроятнѣе, что Дакия—родина румынскаго элемента. Интересно, что слово „Влахъ“, какъ этнографическій терминъ, появляется на Фракійско-Иллирійскомъ полуостровѣ, т. е. тамъ, гдѣ римскій элементъ соприкасался съ греческимъ. Это заставляетъ автора изслѣдованія думать о греческомъ происхожденіи самого слова „Влахъ“ и обратиться къ греческимъ авторамъ. Прежде чѣмъ приступить къ изысканіямъ въ этой области, авторъ ставитъ вопросъ: послѣдняя дата, сопровождавшая названіе „Влахъ“—середина IV вѣка; разъ предположено греческое происхожденіе слова, данного народу латинскаго происхожденія, вопросъ является самъ собою—нельзя ли найти это слово тамъ и тогда, когда Греки впервые познакомились съ Римлянами?

Видѣть съ появленіемъ Римлянъ на памяти исторіи на Италійскомъ полуостровѣ, его южную часть населяютъ Греки-колонисты, давшіе даже названіе занимаемой ими территоріи, а именно—Великой Греціи. У Катона Старшаго (234—149 г. до Р. Хр.), въ одномъ отрывкѣ, сохранившемся въ передачѣ историка Плинія, говорится (XXIX 1,7), что Греки считаютъ Римлянъ вародемъ грубымъ, варварами: nos quoque dicitant barbaros, et spurcius nos quam *alios oricos*, appellatone foedant. Въ этомъ выраженіи понятны всѣ слова, за исключеніемъ одного слова *oricos*, которое, уже по первому взгляду, должно означать бранное прозвище, насмѣшку. Нѣсколько мнѣтъ у схоластовъ—Квинтилиана и Ювенала подтверждаютъ это впечатлѣніе: ясно, что у Грековъ, въ ихъ классическую еще эпоху, слово *οἰκῶς* означало: простякъ, неучъ, мужикъ, варваръ и т. п. Такой же точно смыслъ имѣетъ слово *oricus* и у латинскихъ писателей, напр. у Геллія (*Noctes Atticae*, II. 21, 4), изъ котораго авторъ изслѣдованія приводитъ три отрывка. Такъ какъ Катонъ не называетъ прямо того прозвища, которое Греки дали Римлянамъ, при первомъ знакомствѣ съ ними во время войны, а говоритъ только, что прозвище еще оскорбительнѣе слова *oricus*,—то Ар. Денкушану ставить вопросъ: не хотѣлъ ли Катонъ упомянуть о словѣ „Влахъ“? У Аристотеля, въ передачѣ одного грамматика XI вѣка—Suida, находимъ поговорку: „*безполезнѣе, чѣмъ Влахъ*“. „Говорятъ“, передаетъ грамматикъ, „что оно (т. е. слово) взято отъ названія рыбы, похожей на сома (*σφόδρα*), настолько никому *непригодной*, что ее ве ѣли даже собаки. Другіе производятъ (это слово) отъ мѣстности (области—*χωρίον*) вблизи Бузы, носившей названіе Влахія (*Βλαχεῖα*), о которой упоминаетъ Аристотель. И въ Александріи *«влахевноміонъ»* назывался родъ налога, который

платили астрологи какъ *простяки*“ (Michaelis Apostolii, cent V, prov. 65). Такимъ образомъ, всѣ три объясненія слова „Влахъ“ даютъ въ результатѣ одно и то же. Такъ какъ въ области г. Бумъ, носившей, по Аристотелю, названіе Влахін, жало племя, которое впоследствии называлось Ослами, то является возможность предположить, что слова Катона слѣдуетъ отнести къ тѣмъ же Осламъ, которые раньше назывались Опиками. Слово *oricus* авторъ сближаетъ съ именемъ богини плодородія, жены Сатурна, которая въ римской мифологіи называлась *Ops*; а такъ какъ это же имя *Ops* является также со значеніемъ *terra* = земля (у Исидора—Orig. VIII. 11, 59. XIV. 1,1), то въ названіи *oricus* авторъ видитъ синонимы словъ: мужикъ, поселянинъ, земледѣлецъ. Приступая къ объясненію названія мѣстности *Vlaxeia*, встрѣтившагося въ отрывкѣ изъ Аристотеля, авторъ выписываетъ четыре слова изъ Исидора, грамматика IV вѣка: *Βλάξ* = *μωρός*, т. е. простой, *Βλαχεία* = *μαλαχία*, *Βλάχα* = *ἔνοι προβάτων*, *Βλαχεύει* = *διατρίβει, μωραίνει, υωδρώς τι ποιεί* (H. Stephanius. Thesaur. gr. linguae). То же значеніе этихъ словъ даютъ и словари новѣйшихъ ученыхъ—нѣмецкихъ и французскихъ, и латинскій грамматикъ II вѣка Фестъ; такъ что авторъ изслѣдованія предполагаетъ, что у Римлянъ это слово существовало наравнѣ съ латинскими однозначущими словами: *stultus* и др.

Въ результатѣ изысканій Ар. Денсушяну, оказывается, что его первоначальное предположеніе нашло себѣ опору, т. е. что слова *βλάξ* и *ὄπτις* впервые появились тамъ, гдѣ Греки встрѣтились съ Римлянами, и что оба эти слова—синонимы.

Такимъ образомъ, весьма понятно, что образованные и промышленные Греки называли въ насмѣшку „Влахами“ некультурныхъ и предприимчивыхъ Римлянъ-земледѣльцевъ, какими они были до позднихъ временъ. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что это оскорбительное для Римлянъ прозвище, какъ будто исчезаетъ, по крайней мѣрѣ, не встрѣчается въ памятникахъ, на пространствѣ того времени, пока Римъ былъ сильной державой. Когда палъ Римъ и возвысилась Византійская имперія, прозвище «Влахъ» снова выступаетъ и нерѣдко появляется у византійскихъ историковъ. Такимъ образомъ, это прозвище сопровождало названіе Римлянъ только въ первое время ихъ исторической жизни, до тѣхъ поръ пока въ своей политической и культурной жизни Римляне были варварами въ глазахъ образованныхъ Грековъ.

Слѣдуетъ прибавить, что наша „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ понимаетъ слово „Влахъ“ скорѣе, какъ болѣе *общій этнографическій терминъ*, и обозначаетъ имъ первоначальное населеніе Италійскаго полуострова. Такъ, перечисляя народы, происшедшіе отъ колѣна Аетова, она говоритъ: „Аетово же колѣно и то: Варязи,.. Волохове, Римлягѣ (Нѣмциѣ, Борлази), Венедици, Фряговѣ и прочии“ (Лѣт. по Ипатев. сп. СПб. 71 г., стр. 2-я). Весьма правдоподобно, что „Волохове“ служатъ общими терминами для трехъ послѣдующихъ названій народовъ, какъ отраслей одного и того же племени, и что эти три слова объясняютъ общее названіе Волоховъ.

Когда Римъ сталъ державой, когда въ Римъ перешла и греческая

культура и Римляне стали образованнымъ народомъ, то смыслъ прозвища „Влахъ“ утратился и слово это не встрѣчается въ примѣненіи къ названію Римлянъ. Когда Грекамъ приходилось сталкиваться съ другими племенами, такими же некультурными, какими были Римляне во время перваго съ ними знакомства, они тоже давали имъ прозвища, часто — съ тѣмъ же смысломъ, но прозвище „Влахъ“ осталось за Римлянами, какъ первоначальнымъ населеніемъ *Италіи*. Когда Греки снова познакомились съ простыками-земледѣльцами и пастухами Дунайской долины, говорившими на томъ грубомъ простомъ языкѣ, который существовалъ у Римлянъ въ глухихъ мѣстахъ, въ деревняхъ и провинціяхъ и который считался языкомъ тѣхъ древнихъ Италиковъ, которыхъ Греки прозывали Влахами и Опниами, — тогда снова воскресло прозвище, данное тѣмъ же Римлянамъ тысячелѣтіе тому назадъ. Извѣстно, что главный элементъ современнаго румынскаго языка составляетъ простонародный латинскій языкъ, перешедшій чрезъ колонистовъ къ дакійскимъ племенамъ и сохранившійся въ своей первоначальной чистотѣ, благодаря историческимъ и географическимъ условіямъ. Такимъ образомъ, Румыны появившіеся въ глазахъ Грековъ чрезъ много вѣковъ, какъ-бы удержали за собой это прозвище, тѣмъ болѣе, что уже древніе византійскіе хронисты считаютъ Румынъ итальянскими колонистами (Sinatus. VI. 3). По образу жизни, занятіямъ и языку, Румыны напоминали тѣхъ Римлянъ, которыхъ Исклій, авторъ IV вѣка по Р. Хр., называетъ простыками и пастухами. „Вотъ почему“, говоритъ Ар. Денсушяну, „Валахъ у Византійцевъ значитъ одно и тоже, что пастухъ, а это тождество, какъ доказано раньше, имѣетъ свое начало въ стародавнія времена, еще въ *Италіи*“ (стр. 14-я).

Слѣдуетъ прибавить, что съ тѣмъ же значеніемъ слово „валахъ“, „влахъ“ перешло и въ славянскіе языки. Такъ, напр. въ сербскомъ языкѣ оно означаетъ пастухъ. Приведемъ нѣкоторые мѣста изъ грамотъ: въ грамотѣ великаго жупана Стефана Немани, данной Хиландарскому монаст. на Аосій въ 1199 году, говорится: „а всече влахъ. рѣ(170) (архим. Леонидъ. Историч. Описаніе сербской царской лавры Хиландарм. Чтенія, 68 г., стр. 122-я). Также и въ двухъ дарственныхныхъ грамотахъ XIV вѣка: „а се власи, конхъ. е господинь краль придалъ светѣи цркви“ (тамъ же, стр. 25-я), цркви светаго Никиты „оу Баняхъ съ селы и съ людми и съ влахи“ (тамъ же, стр. 33-я).

Въ концѣ своего изслѣдованія Ар. Денсушяну обращаетъ вниманіе на то, что въ Африкѣ, въ той части Туниса, гдѣ теперь лежитъ городъ Баммартъ, еще въ древности существовалъ городъ съ названіемъ Валахія (Hofmann. Lexicon univers.); такъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ это названіе арабскій историкъ Марколіи.

И вотъ, прозвище-наимѣннн древнихъ итальянскихъ племенъ осталась за нихъ потомками, современными Румынами. Интересно также, что Греки, давше *Италіямъ* это прозвище, и въ послѣдующія времена называли ихъ *однихъ только Румынъ*, слѣдовательно смыслъ этого слова имѣетъ тѣсную связь съ характеристикой древняго населенія *Италіи*. Далѣе, современные Греки Валахами никогда не называютъ другіе народы романскаго

происхожденія, напр. Итальянцевъ, Французовъ, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ Германцы, называя ихъ разными именами: Vallas, Valiscus, Valchen, Velsch. Стоитъ ли въ связи это позднее прозвище у Германцевъ съ древнимъ названіемъ у Грековъ или нѣтъ, авторъ общаетъ познать читателю въ особой статьѣ.

Въ заключеніе должно упомянуть о томъ, что Русскіе Волохами называли однихъ только Римлянъ или Итальянцевъ, а не всѣ романскіе народы, какъ это дѣлаютъ напр. Германцы. Начиная съ свидѣтельства первоначальной русской Лѣтописи и кончая вѣкомъ XVII, русскіе называютъ Волохами Римлянъ-Итальянцевъ. Такъ напр., сказавъ о разселеніи Славянъ, Лѣтопись говоритъ: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунайскыя и сѣдшимъ в нихъ и населяющимъ имъ, Словѣне же ови пришедше“ и т. д. Очевидно, здѣсь говорится о завоеваніи Римлянами царства Гетовъ и господствѣ ихъ въ Дакии. Если мы возьмемъ поздній памятникъ литературы переводной, напр. „Жарты Польскія“, перешедшія съ запада черезъ Польшу, то здѣсь встрѣтимъ нѣсколько рассказовъ про Волоховъ, т. е. Итальянцевъ. Изъ славянскихъ и русскихъ ученыхъ нѣкоторые пытались дать объясненіе слову „Влахъ“. Такъ напр., Шафарикъ производитъ отъ нѣмецкаго Wal, Walh, Wealh, Wälsche—имени, обозначавашаго у Германцевъ человѣка галльскаго или кельтскаго происхожденія. Того же мнѣнія держался и Шлецеръ. Карамзинъ считаетъ Волоховъ потомками древнихъ Гетовъ и римскихъ колонистовъ времени имп. Траяна (т. I, прим. 18). По мнѣнію Соловьева, Волхва — имя общее для всѣхъ романскихъ народовъ (т. I, стр. 83-я). Г. Эверсъ говоритъ, что „Влахъ“ означало у Славянъ кочевниковъ - Волгарь и производитъ отъ слова: влачить. То же говорятъ и Дриновъ въ своемъ „заселеніи Балканскаго полуострова“ и Н. Арцыбашевъ. А. Гильеордингъ считаетъ Волохами римскихъ колонистовъ или романизованныхъ туземцевъ по обоимъ склонамъ Пинда (Н. Вирсовъ. Очерки русской исторической географіи, стр. 114-я).

А. И. Яцимирскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. О. Миллеръ. Систематическое описаніе Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. IV. М. 1895, 8°, 4+108.

Настоящій, четвертый, выпускъ посвященъ описанію коллекцій Дашковскаго музея. Выпускъ посвященъ австрійскимъ и балканскимъ славянамъ. Помимо описанія предметовъ, находящихся въ музеѣ и относящихся къ этникъ славянъ, въ началѣ cadaго отдѣла дается краткій обзоръ по этнографіи данной народности и приводится перечень сочиненій и изданій касательно этой народности. Эти добавленія особенно для насъ цѣнны въ виду скудости и малораспространенности у насъ свѣдѣній о славянахъ. Для свѣдѣній о бытѣ отдѣльныхъ народностей авторовъ привлечены, помимо печатныхъ трудовъ, и нежданые до сихъ поръ матеріалы, главн. обр. изъ бумагъ «Русской Этнографической выставки» (1867 г.). Хотя настоящая книжка, какъ и предыдущія, назначается прежде всего для публики, какъ пособіе при ознакомленіи съ коллекціями, она однако можетъ съ пользою послужить и для желающаго поближе познакомиться съ славянскими народностями Австріи и Балканскаго полуострова: списокъ сочиненій о нихъ, хотя авторъ описанія не имѣлъ въ виду полноты списка, вышелъ, однако, настолько полонъ и настолько захватываетъ данное племя, что, руководясь имъ, можно вполне достаточно познакомиться съ избраннымъ для изученія племенемъ. Пропусковъ, особенно крупныхъ, мною не замѣчено: можно, развѣ, добавить только кое-что; напр.: «Живот срба селяка» (М. Милчевичъ) печатано не въ одной 45 книгѣ «Гласника», но также въ 22 и 37 (1867—1877 г.); теперь это сочиненіе вышло и отдѣльно вторымъ, дополненнымъ изданіемъ въ качествѣ первой книги новаго этнографич. журнала сербской академіи въ Бѣлградѣ (Српски этнографски зборник, 1894 г.). По общей этнографіи Сербіи важнѣе, нежели «Кралевина Сербія» (того же Милчевича), его старшій трудъ «Внешевина Сербія», къ которой «Кралевина» является дополненіемъ. Въ числѣ сербскихъ грамматикъ, годныхъ для ознакомленія съ языкомъ, можно, помимо Даничича («Облици»), указать на наиболѣе распространенную и чаще встрѣчаемую грамматику М. Дивковича—*Oblici hrvatskoga jezika* (Zagreb, 1890). Изъ болгарскихъ этнографическихъ изданій можно бы добавить нѣсколько; ограничусь указаніемъ на одно, на которое обратилъ мое вниманіе П. А. Лавровъ; это — «Жива Старина, этнографическое списаніе», издав. въ Руссе Д. Мариновымъ; въ 1894 г. вышла уже четвертая книга этого сборника. Этнографич. матеріалъ помѣщался также въ солунскихъ «Виджиджахъ», есть онъ и въ журн. «Библиотека на св. Климентъ».

М. Сперанскій.

А. Ө. Риттихъ. Четыре лекціи по русской этнографіи. (СНБ. 1895, 8^о, стр. 83). Работъ, касающихся общихъ вопросовъ русской этнографіи у насъ немного; тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, если новый трудъ въ этомъ направленіи совершенно не удовлетворяетъ своему назначенію: къ числу совершенно ненужнаго балласта нашей этнографической литературы слѣдуетъ отнести и лекціи г. Риттиха. Выразая сожалѣніе, что «этнографическія познанія, къ великому нашему горю и во вреду нашего населенія, не вошли по сю пору въ программу нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній», г. Риттихъ удѣляетъ этнографіи однако значеніе исключительно практическое. Этнографіа, эта «особая, мало еще объяснимая и практикуемая наука», необходима для того, чтобы «знать, хотя-бы предварительно, по теоріи, тѣ народы, тѣхъ людей, которые передъ нами, ихъ главные черты характера, пользуясь которыми, возможно совершить чудеса на всѣхъ отрасляхъ человеческой жизни. А если мы», продолжаетъ авторъ, «эту духовную сторону намъ подчиненныхъ людей не знаемъ и не изучаемъ, то хотя и будетъ вивеллировка, но никогда школа не достигнетъ своей ассимиляціи и той высоты, чтобы и въ послѣдствіи остался-бы тотъ русскій человѣкъ или солдатъ, который казался столь пріятнымъ въ обученіи, своимъ наружнымъ лоскомъ и затверженнымъ языкомъ, имѣющимъ свой корень и начало только въ строгой ученической дисциплинѣ» (стр. 8). Зная, что г. Риттихъ видитъ въ этнографіи исключительно собраніе матеріала, которое облегчаетъ задачу законодателя или лицу, призванному къ управленію, и въѣствъ съ тѣмъ даетъ указанія на вѣрныя средства къ ассимилированію различныхъ племенъ, мы не удивимся, что «въ лекціяхъ по этнографіи» мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе хотя-бы о татарахъ: «татарскій элементъ намъ неопасенъ по своей разрозненности и малочисленности, если мы сами не будемъ его увеличивать»; послѣдующая затѣмъ странная характеристика татаръ является для насъ непонятной: «татаринъ пахнетъ отъ конского мяса, и партію новобранцевъ-татаръ каждый признаетъ, что вто не русскіе. Цвѣтомъ онъ желтоватъ. Неопрятенъ. Парши на головѣ и выпаденіе кишки—общіе недостатки. Но онъ въ общемъ здоровъ, крѣпокъ и пригоденъ къ службѣ. Его развитость не велика, хотя онъ по своему грамотенъ, но эта грамота мало ему помогаетъ на службѣ. Мухаммеданскую грамоту, съ узкимъ возрѣніемъ, ему вбили, какъ клинъ; затѣмъ вбить другой въ одно и то же мѣсто не приходится, и потому русская грамота всегда страдаетъ у него. Татары дезертируютъ, татары уродуютъ себя и хотя и меньше, тѣмъ евреи, однако достаточно. Татары въ 1854—56 гг. бѣжали съ набора цѣлыми партіями, чтобы не сходились противъ едино-вѣрцевъ, а магометане вообще переселялись въ Турцію. Пусть себѣ всѣ подобные элементы переносятся со своимъ скарбомъ за границу, тѣмъ лучше будетъ нашему земледѣльцу, тѣмъ больше мѣста русскому населенію» (стр. 71). Мы не знаемъ, пригоденъ-ли въ настоящее время для военныхъ дѣйствій казачій строй (стр. 79), слѣдуетъ ли привлекать принадлежащихъ къ «тюркскому племени потомковъ монголовъ по языку» — (стр. 15) чувашей, «въ особенности Цивильскаго у. Казанской губ.»

къ службѣ въ нашей регулярной кавалеріи, что совѣтуетъ г. Риттихъ (стр. 81),—пусть это рѣшаютъ спеціалвсты,—мы лишь знаемъ, что всѣ подобныя вопросы, равно и вопросъ, слѣдуетъ-ли радоваться или нѣтъ выселенію магометанскаго населенія въ Турцію, совершенно чужды наукѣ этнографіи, какъ ей чужды и вопросъ о томъ, что въ Россіи много нѣмецкихъ развѣдчиковъ, которые «подъ покровительствомъ своихъ консуловъ... и коммиссіонерствуя для своихъ торговыхъ фирмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занимаютъ развѣдкой всего того, что полезно ихъ государству, ихъ войску, стратегіи, дипломатіи, большому генеральному штабу» (стр. 66). Все это вопросы государственной важности, но имъ не мѣсто въ лекціяхъ по этнографіи. Вообще въ лекціяхъ г. Риттиха очень мало говорится о современной этнографіи, такъ какъ въ ней мы отказываемся отнести характеристики разныхъ народностей Россіи, образецъ которыхъ (о татарахъ) мы уже привели. Больше мѣста отводится авторомъ вопросамъ историко-этнографическимъ, но и здѣсь мы находимъ массу несообразностей: предоставляемъ вновь слово самому автору; на стр. 22 г. Риттихъ говоритъ: «эта земля называлась Скиеію, слово—по сію пору неразгаданное, но соображая то, что тамъ (по Дибіру) находится въ горахъ и по берегамъ рѣкъ, оно могло получить свое начало отъ слова *скиты*, которыхъ немало и по сію пору на югѣ Россіи и немало отшельниковъ-монаховъ имѣетъ и теперь свои скиты, въ которыхъ живутъ, проповѣдуютъ и умираютъ». Геродотъ (на стр. 24) называется «отцомъ исторіи и въ частности исторіи славянъ». «О неврахъ рассказывали въ то время (Геродоту) много; будто ночью они обращались въ волковъ, оттого Волковнскъ, Вилковншии и Вилкомиръ» (стр. 25). Мы не будемъ больше утомлять читателя выписками изъ «лекцій по этнографіи», но мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что благодаря заглавію книжки русская этнографическая литература будетъ считаться однимъ лишнимъ трудомъ, который съ этнографіей ничего общаго не имѣетъ и чтеніе котораго можетъ дать лишь совершенно превратное представленіе о содержаніи и задачахъ науки.

Н. X.

Землевѣдѣніе (Період. изданіе Географическаго Отд. И. О. Люб. Востовозванія, Антропологій и Этнографіи, подъ ред. Д. Н. Анучина 1894 г. № 4, и 1895 г. № 1, 2—3).—Намъ уже приходилось упоминать на страницахъ «Этнографическаго Обзорія» объ интересѣ, представляемомъ названнымъ изданіемъ. Какъ и въ предшествующихъ книжкахъ, этнографъ найдетъ и въ послѣднихъ №№ «Землевѣдѣнія» не мало цѣнныхъ данныхъ, имѣющихъ или непосредственный этнографическій интересъ, или по крайней мѣрѣ представляющихъ рядъ фактовъ, содѣйствующихъ расширенію кругозора при этнографическихъ наблюденіяхъ. Въ первой группѣ статей слѣдуетъ отнести работы Д. М. Головачева: Записки о русской колонизаціи Сибири, покойнаго Н. М. Ядринцева: Изъ наблюденій надъ переселенцами въ Зап. Сибири лѣтомъ 1892 г., М. А. Леваневскаго: Очерки Киргизскихъ степей Эмбенскаго у. (продолженіе). Указанныя статьи помѣщены въ № 4 за 1894 г., въ нѣтъ

слѣдуетъ прибавить изъ появившихся въ № 1 за 1895 г. работъ — очеркъ *Вл. Б.*: «Народная Космографія. Какъ устроены земля и небо по представленіямъ нѣкоторыхъ крестьянъ Смоленской губ.», — прекрасно рисующій взглядъ крестьянъ на землю и небо, неопредѣленность и сбивчивость ихъ представленій въ отношеніи направленія, и дающій примѣры того, какъ прививаются или передѣлываются усвоенныя въ школахъ свѣдѣнія по этимъ вопросамъ. Работа г. *Вл. Б.* можетъ служить примѣромъ для подражанія: накопленіе свѣдѣній, подобныхъ сообщаемымъ въ названной работѣ, изъ различныхъ мѣстностей нашей родины — могло бы повести въ установленію цѣнныхъ и научно-важныхъ выводовъ въ области изученія народныхъ представленій о природѣ и ея проявленіяхъ. Статьи *М. В. Никольскаго*: «Древняя страна Урарту (Араратъ) и слѣды ассирио-вавилонской культуры на Кавказѣ» — представляютъ историко-этнографическій интересъ; авторъ на основаніи клинообразныхъ надписей, извѣстныхъ уже раньше к открытымъ имъ самимъ во время его археологической поѣздки въ Закавказье, совершенной совместно съ А. А. Ивановскимъ по порученію Имп. Моск. Археол. Общества, возстановляетъ древній періодъ исторіи указанныхъ мѣстностей, находившихся за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. подъ значительнымъ влияніемъ ассирио-вавилонской цивилизаціи; вѣсть съ тѣмъ авторъ стремится опредѣлить и предѣлы распространенія этого влияния.

Изъ статей 2-й группы отмѣтимъ работы: *Н. Каснійскаго*: «Восхожденіе конвой въ Каракурумъ», съ дополненіемъ отъ редакціи: «Восточный Гиндукушъ и горная болѣзнь», и «Географическій обзоръ», — помѣщенныя въ № 4, а изъ помѣщенныхъ въ № 1 (1895 г.): *А. М. Беркевейма*: «Географическія условія и природа Аргентинской республики», *И. Л. Яворскаго*: «Поѣздка въ горную часть Бухарскаго ханства и Самаркандской области», *Д. А.*: «Очеркъ Борен и ея отношеній къ Китаю и Японіи» (свѣдѣнія преимущественно этнографическія помѣщены во II и III главахъ указанной статьи), и *И.*: «Отчетъ объ XI конгрессѣ нѣмецкихъ географовъ въ Бременѣ».

Книжка 2—3 «Землевѣдѣнія» за 1895 г. издана подъ ред. Д. Н. Аничина и В. В. Богданова. Въ этой книжкѣ мы находимъ, какъ и въ предшествовавшихъ №№ этого изданія, много интересныхъ матеріаловъ частью непосредственно этнографическаго характера, частью имѣющихъ косвенное отношеніе къ нашей наукѣ; изъ числа первыхъ отмѣчаемъ небольшую любопытную замѣтку *С. М. Шаргородскаго*: «Объ юкагирскихъ письменахъ» (съ табл. рис.). С. М. Шаргородскій имѣлъ возможность лично познакомиться и сблизиться съ юкагирами, живущими на р. Ясачной, и узнать употребляемые ими письмена. Эти письмена, которые вырѣзываются на берестѣ при помощи ножа, составляютъ исключительную привиллегію дѣвушекъ, которыми этимъ путемъ выражаютъ свои чувства къ молодымъ людямъ; какъ знаки, такъ и содержаніе ихъ несложно. Авторъ приводитъ нѣсколько образцовъ ихъ; кромѣ того имъ приведены и образцы торговыхъ записокъ юкагировъ, которые для составленія ихъ пользуются пиктографіей. *Вл. Юхельсонъ* въ «Замѣткахъ о населеніи

Якутской Области» сообщает краткія свѣдѣнія о русскихъ якутахъ, тунгусахъ и ламутахъ, ювагирахъ, чуванцахъ и чукчахъ.

Въ этой-же книгѣ «Землевѣдѣнія» помѣщено окончаніе работы *М. И. Леваневскаго*: «Очерки киргизскихъ степей Эмбенскаго у.»; на этотъ разъ авторъ касается суевѣрій киргизовъ, знахарей, обрядовъ при рожденіи, лѣченія родимчика, сватовства и свадьбы, обрядовъ отдѣленія кибитки женатаго члена семьи (гл. X), обрядовъ при погребеніи, обрядовъ въ свачкѣхъ и борьбѣ, останавливается на характерѣ киргиза и пр. (гл. XI), описываетъ охоту съ ястребомъ на утокъ, преданіе о планетѣ Венерѣ («Зугра») и пр. (XII). Популярно изложенный очеркъ *А. М. Беркетейма*: «Жизнь въ пампасахъ Юж. Америки» (съ 8-ю рме.) знакомитъ съ хозяйственнымъ бытомъ гаучо. Въ статьѣ *А. А. Ивановскаго*: «Озеро Гокча», носящей географическій характеръ, читатель найдетъ интересныя этнографическія свѣдѣнія о современномъ и древнемъ населеніи береговъ озера (гл. IV). Изъ остальныхъ статей отмѣтимъ *О. В. Маркграфа*: «Великая Сибирская низменность, ея географическія особенности и ея значеніе для хозяйства и заселенія страны», дальѣе интересный, какъ и въ предшествовавшихъ №№, *географическій обзоръ*, посвященный на этотъ разъ VI международному географическому конгрессу въ Лондонѣ, и некрологъ *А. В. Елксѣва*. Наконецъ, въ приложеніи помѣщена обширная работа *Д. Н. Амучина*: «Суша. Краткія свѣдѣнія по орографіи».

Н. X.

Алтайскій Сборникъ. Выпускъ I. Изданіе Общества Любителей Исслѣдованія Алтая. Томскъ 1894 г.

Выпускъ очень богатъ и интересенъ. Первая статья—*Н. Зобнина*: Приписные крестьяне на Алтай — прекрасно рисуетъ въ небольшомъ и историческомъ очеркѣ бытовые и, главнымъ образомъ, эконоич. условія жизни крестьянъ Алтая, условія, въ общемъ очень неблагоприятныя для болѣе или менѣе спокойнаго нестѣснительнаго существованія; быть можетъ, когда о тѣхъ же крестьянахъ будутъ собраны матеріалы и чисто-этнографическіе, названный трудъ прольетъ далеко не лишній свѣтъ на умственный и нравственный ихъ обликъ.—Слѣдующій очеркъ—*Н. Наумова*: Сарбыскъ (бытовые наброски) — даетъ отчетливый бытовой матеріалъ о взаимныхъ отношеніяхъ киргизовъ и русскихъ въ Кузнецкомъ округѣ; въ данномъ случаѣ, хорошо обрисована русская сельская власть у киргиза, русское кулачество тамъ же и, наконецъ, одинъ изъ эпизодовъ любви и ревности, сложившійся въ такомъ оригинальномъ сочетаніи характеровъ, какъ: киргизъ, русский вулакъ, несчастная жена киргиза и столько же беспечная жена вулака. Вся драма разыгрывается тоже оригинально: киргизъ иститъ въ формѣ коноводства, кулакъ преслѣдуетъ киргиза судомъ, но, онъ первый же виновникъ, попадаетъ впресакъ, впрочемъ, въ концѣ концовъ, торжествуетъ кошунство и сладострастіе кулака, а бѣдному миродцу, въ угоду идеѣ христіанства, разбиваютъ жизнь.—Дальнѣйшая статья — *А. Каумфана*: Общинные порядки восточныхъ волостей Томскаго округа и сѣверо-западной половины Марійскаго округа—даетъ со-

лидный матеріалъ для изслѣдованія общины не только въ ея нѣстной формѣ, но и въ ея историческомъ развитіи. На этотъ вопросъ въ нашемъ журналѣ уже не разъ обращалось вниманіе, и всегда высказывалось пожеланіе видѣть дальнѣйшую разработку его. Здѣсь пока собрааъ матеріалъ о формахъ землевладѣнія, который представляетъ еще и тотъ интересъ, что собранъ «на самомъ исходѣ патриархальнаго періода жизни Сибиря», такъ какъ Сибирская желѣзная дорога к пришлымъ переселенцы все въ крестьянскомъ хозяйствѣ измѣнять радикально. — Далѣе идутъ еще нѣсколько статей, которыя такъ или иначе касаются бытовой обстановки населенія, — это: 1. *Майера*: Алтайскіе серебряные рудники; *И. Казаринова*: Хо-лерная эпидемія въ 1892 г. въ Сузунскомъ заводѣ; *А. Недзвецкая*, Братскій очеркъ холерной эпидеміи въ Барнаулѣ 1892 года; (безъ имени автора); Материалы по переселенію въ Алтайскій округъ въ 1888—92 годахъ (авторъ отмѣчаетъ нѣкоторые интересные факты о характерѣ переселеній: случайныхъ, неудачныхъ, неравномѣрныхъ и т. д.); *И. О.*: Къ вопросу объ Алтайской общинѣ (замѣтка: авторъ указываетъ на Зѣвнигорскій край, какъ удобный для наблюдателя, ибо на пространствѣ двухъ—трехъ волостей сконцентрировалась всѣ виды общиннаго владѣнія на Алтай). — Далѣе идутъ работы по ботаникѣ и метеорологіи, и въ концѣ помѣщены «Материалы для библиографіи Алтая» (1891—93 г.) и «Братскій отчетъ совѣта общества Л. Н. А. за 1891—92 гг.».

Такимъ образомъ, вся книга посвящена, главнымъ образомъ, современному положенію страны, и это тоже необходимо и для изслѣдованія различныхъ эволюцій культуры, потому что очень часто истинное настоящее заставляетъ долго изслѣдователя теряться въ безконечныхъ гипотезахъ и теоріяхъ, никогда же доводящихъ всея цѣни эволюцій до послѣдняго сына.

Вл. Б.

Материалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. Выпускъ IV. «Христіанскіе памятники», гр. Уваровой. Москва, 1894 г.

Настоящій выпускъ «Материаловъ по археологіи Кавказа» заключаетъ въ себѣ отчетъ графини П. С. Уваровой. Авторъ посѣщаетъ и изучаетъ Кавказъ съ 1879 г., когда начались подготовительныя работы по устройству археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. Въ 1886 г. покойному Государю Императору Александру III, Державному Покровителю Московскаго Археологическаго Общества, угодно было пожаловать на изслѣдованіе Кавказа денежную субсидію, а сама графиня рѣшилась на собственные средства направить свои поѣздки въ тѣ пункты, изученіе которыхъ могло бы явиться дополненіемъ и продолженіемъ работъ ученыхъ экспедицій. «Путевыя записки по Кавказу» гр. Уварова уже издала въ двухъ книгахъ, а нынѣ въ IV томѣ «Материаловъ по археологіи» сгруппировала данныя по христіанскимъ памятникамъ и церковнымъ сокровищамъ. Авторъ при изложеніи расширяетъ программу описанія христіанскихъ древностей. «Если подѣлимъ именемъ», — говоритъ графиня, — подразумѣвать отдѣльные памят-

ники церкви, какъ это сдѣлалъ А. М. Павлиновъ въ III т. «Матеріаловъ», то вопросъ разрѣшается весьма скоро и дѣлается для всѣхъ яснымъ; но я слишкомъ много разъ была на Кавказѣ, много объѣздила ущелій, часто засиживалась въ самыхъ отдаленныхъ его закоуткахъ, чтобы имѣть слухъ и желаніе отнести къ описываемымъ памятникамъ, какъ въ отдѣльно взятымъ единицамъ, сложеннымъ изъ камня и мрамора, и, такъ сказать, оторвать, отчуждить ихъ своимъ описаніемъ отъ края, въ которомъ они построены, отъ жителей, которые ихъ любятъ и уважаютъ и, наконецъ, отъ тѣхъ преданій, которыя объ нихъ сложились и которыми единственно многіе изъ этихъ памятниковъ обязаны своимъ существованіемъ и сохраненіемъ до нашего времени. Если понимать наименованіе «христіанскіе памятники» въ тѣсномъ смыслѣ, то не разъ приходилось-бы останавливаться и задавать себѣ вопросъ: что дѣлать дальше, что подлежитъ моему описанію и что слѣдуетъ изъ него выбросить? Такое неясное для не знающихъ Кавказа положеніе рождается потому, что нигдѣ, какъ на Кавказѣ, не замѣчается такое всеобщее молитвенное настроеніе, такая необходимость воздать хвалу Создателю, такая потребность принести ему въ жертву часть тѣхъ земныхъ благъ, которыми Онъ, Всемогущій, наградилъ сыновъ этихъ горъ, ущелій. Молитвенное настроеніе это выражается тѣми многочисленными мѣстными молитвами и уединеніями, которыя вы встрѣчаете при вашихъ объѣздахъ: тутъ священная роща, тамъ отдѣльное дерево, освященное иконей или безъ оной, тамъ камень или престолъ, отдѣльно стоящій крестъ или едва замѣтная базиликальная церковь во многихъ мѣстностяхъ Осетіи, Хевсуріи, Шавшетіи, Рачи. И вездѣ тѣ-же приложенія, тѣ-же молитвенное обращеніе къ «дзуару», св. Георгію, Духу и Создателю вселенной, живительному, возвращающему началу, мысль о которомъ заставляеть собратъся поселенъ въ болѣе главный изъ этихъ пунктовъ весною, при возрожденіи природы, или осенью, послѣ уборки полей и винограда». На Кавказѣ трудно отдѣлать языческіе памятники отъ христіанскихъ, языческіе обычаи отъ празднованій нашихъ святыхъ. Святѣище Рекомъ въ Осетіи считаютъ за языческое капище, но оно посвящено св. Георгію, даже, по преданію, построено имъ и, не имѣя вида христіанскаго храма, вмѣщаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ рогами животныхъ не мало иконъ, восковыхъ свѣчей, кадильницъ и пр. Въ верхней Рачѣ въ деревнѣ Глела, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ настоящей сельской церкви, находимъ такую-же маленькую церковь того-же базиликальнаго типа, заваленную рогами, стрѣлами, посудой, и надъ всѣми этими приношеніями покоится камень-престолъ съ утвержденнымъ на немъ крестомъ. Въ той-же Рачѣ, въ д. Сурѣ, имѣются четыре несоимѣнно христіанскія церкви, одна изъ коихъ посвящена «Архангелу», безъ дальнѣйшаго обозначенія его имени: не есть-ли это посвященіе тому-же «невѣдомому Богу», которому воздвигались престолы даже въ Греціи до утвержденія христіанства? Въ долину рѣки Лца, не дѣвшая до Тигви, рядомъ съ храмомъ царицы Тамары, стоятъ развѣсистые старые дубы, стволы которыхъ обмотаны нитями и куделью. Въ Сафарѣ 15 августа жители Ахалцыха и его окрестностей живутъ въ храмахъ, закалываютъ быковъ и барановъ, жарятъ, пьютъ, ѣдятъ. Фрески, украшающія Нузасам-

скій храмъ и рѣзные иконостасы Цобельдинскихъ храмовъ изображаютъ сцены охоты, преданія о которыхъ сохранились отъ доисторическихъ временъ Грузіи. Игнорировать эти явленія невозможно — подобно тому, какъ мы не можемъ провести рѣзкой грани между ними и прензавленіями сознательно христіанскими. Должно проникнуться идеей, что позднѣйшія христіанскія сооруженія, возводимыя на тѣхъ-же горахъ, въ тѣхъ-же ущельяхъ и заповѣдныхъ рощахъ, ничто иное, какъ вѣщаніе и освященіе вародныхъ вѣровакій и преданій, всего того, что мѣстные жители влахъ горъ и ущелій привыкли любить и уважать вѣками: «только при таивхъ условіяхъ описаніе наше можетъ оказаться вѣрнымъ и передать полную картину изучаемаго края».

Такая симпатичная и широкая точка зрѣнія при обзорѣ памятниковъ вполне выдержана гр. Уваровой. Трудъ ея обнимаетъ Абхазію — хрипы Симона Канотина, въ Алхадыхѣ, на р. Бзыби, въ Лыхнахъ и др., Гелузовскій мость близъ Сухуна, Коласурскую башню и Абхазскую стѣну, опускаая Пицунду и Дранды, которыми были описаны г. Павлиновымъ; второй отдѣлъ посвященъ Аджаріи: мость въ Арданучѣ, церковь близъ Хулы и въ Скантѣ; третій отдѣлъ обнимаетъ Бобліанское ущелье (Зарма, Гуле, Вале, Стада, Сафара) и Псховскій участокъ (Кала-Бойня, Мере и др.); четвертый посвященъ Рачѣ (Глола, Геби, Никорцинда и др.) и Горійскому уѣзду (Рупси, Аteni, Икорта и др.). *А. Хак—овъ.*

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. кавказскаго учебн. окр. Выпуски XIX и XX, 1894 г., Телльсѣ. — XIX выпускъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый посвященъ статьямъ историко-географическаго содержанія, а второй заключаетъ работы этнографическаго характера. Въ 1-й отд. вошли: Очерки исторіи гор. Темиръ-Ханъ-Шуры, Е. Козубскаго; Изъ древностей селенія Чонахчи, Е. Меликъ-Шахназарова; Селеніе Сори, свящ. Н. Миндели; Сел. Цаленджики, А. Гвасалин; Мѣстечко Квирилы и его окрестности, Ѳ. Хускивадзе. Во II отд. помѣщены: Имеретинскія сказки (числомъ 12), собранныя М. А. Васильковой и другими; Примѣты и повѣрія грузинъ Телавскаго уѣз., Тел. губ., Степанова и 6 сказокъ, разными лицами записанныхъ; Картвельскія пѣсни свящ. Миндели и учителя Ѳ. Каландаришвили; Картвельскія легенды, сообщенныя нѣсколькими авторами; Армянскія сказки (числомъ 6); Свадьба зангезурскихъ армянъ, г. Меликъ-Шахназарова; Сказки, пословицы и поговорки закавказскихъ татаръ.

Въ I отдѣлѣ XX выпуска «Сборника» заключаются статьи описательнаго и бытового характера: Н. Г. Дзитріева — «Переходъ черезъ Рокскій и Мамисонскій перевалы»; Г. Анашьева — «Бараногайцы, ихъ бытъ и образъ жизни»; Е. Хачатурова — Курды, чергы ихъ характера и быта. Во II отдѣлѣ помѣщены тексты курдскіе, талышинскіе, армянско-татскіе, еврейско-арамейскіе и айсорскіе. Къ замѣткамъ къ айсорскимъ текстамъ прибавлена въ общихъ чертахъ фонетика айсорскаго языка и его азбука сравнительно съ академическою транскрипціей. Сирійскими буквами нап:

чтаныъ текстъ подъ заглавіемъ «Помощь Бога и царя», при чемъ вырѣза не такъ-называемая восторійская азбука, а яковитская, болѣе извѣстная ученымъ сирологамъ въ Россіи и западной Европѣ. Отдѣльнымъ приложеніемъ напечатанъ русско-айсорскій и айсорско-русскій словарь, составленный Калашевымъ и заключающій въ себѣ до 12000 словъ. Тутъ же напечатанъ I выпускъ «Матеріаловъ для историко-географическаго словаря Кавказа» В. Г. Вейдебаума. Редація «Сборника» принадлежитъ опытному уже издателю матеріаловъ по кабардинскому языку — Л. Г. Лопатинскому.

А. Хах—овъ.

Временникъ Эстляндской губ. II, подъ ред. А. Харузина и А. Андрияшева (Реваль, 1895, 8^о стр. 226+прил.а—z). Во второмъ томѣ *Временника* мы находимъ рядъ статей, имѣющихъ серьезный этнографическій интересъ: одинъ изъ лучшихъ знатоковъ быта востонцевъ Ю. Ю. Трусманъ помѣстилъ въ названномъ томѣ двѣ статьи: «Исаакіе, полуострѣвцы въ Эстляндской губ.» и «Происхожденіе населенія на о. Эзель, Даго и Моля». Национальность исаакскихъ полуострѣвцевъ, населяющихъ нѣсколько деревень у Чудскаго оз. и до настоящаго времени сохранившихъ въ значительной степени русскій языкъ и православіе, не выяснена еще вполне; г. Трусманъ, на основаніи преданій и давныхъ языка, полагаетъ, что полуострѣвцы Эстляндской губ. переселялись въ Эстляндію изъ-за Наровы, что они, за незначительными исключеніями, потомки древней туды, исповѣдывавшіе православіе и значительно утерьявшіе свой языкъ и нравы. Чисто-русскихъ переселенцевъ, бѣжавшихъ сюда изъ сосѣднихъ губерній, было незначительное количество. На эстляндской почвѣ, среди преобладающаго католическаго и затѣмъ лютеранскаго населенія, начался обратный процессъ ассимиляціи переселенцевъ съ чисто-эстонскимъ населеніемъ, исповѣдывавшимъ лютеранство». Авторъ постарался собрать и объединить историческія данныя, касающіяся этого во всѣхъ отношеніяхъ интереснаго угла Эстляндской губ.: приводитъ описаніе свадебныхъ обычаевъ, различныхъ обрядовъ, приуроченныхъ къ разнымъ праздникамъ, суевѣрія и примѣты, нѣсколько образцовъ заговоровъ, загадокъ, пѣсней, сказокъ, давлене—большой списокъ болѣе употребительныхъ словъ и, наконецъ, нѣсныхъ и личныхъ именъ и прозвищъ. Предоставляя специалистамъ рѣшать вопросъ, слѣдуетъ-ли согласиться съ мнѣніемъ автора о національности исаакскихъ полуострѣвцевъ или въ нихъ должно видѣть русскихъ, подвергшихся эстонскому вліянію, отмѣтимъ, что работа г. Трусмана является въ настоящее время самымъ полнымъ трудомъ, который когда-либо былъ посвященъ этой небольшой группѣ населенія, во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличающейся отъ преобладающаго въ губерніи этнографическаго элемента—эстовъ. Не менѣе интересенъ и другой вопросъ, разрабатываемый Ю. Трусманомъ,—о происхожденіи населенія на о. Эзель, Даго и Моля. Что эсты-островитяне значительно отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ эстовъ материковыхъ, — было давно уже подмѣчено изслѣдователями; Ю. Трусманъ, на основаніи тонографическихъ данныхъ и данныхъ языка, старается восстановить исторію переселенія эстовъ съ

матеріалы на упомянутые острова, а также и объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ словъ, заимствованныхъ островлянами у финновъ и русскихъ, но не встрѣчающихся въ другихъ восточныхъ нарѣчіяхъ. *А. Солодовниковъ* въ статьѣ «Жилище востонцевъ въ его постепенномъ развитіи» разрабатываетъ интересные матеріалы, касающіеся жилищъ востовъ, собранные имъ въ 1892 г. во время поѣздки въ Эстляндскую губ. съ этнографической цѣлью; авторъ на основаніи существующихъ типовъ жилищъ начертываетъ исторію развитія востонской избы. Въ статьѣ приложено 22 рисунка. Антропологическимъ наслѣдованіямъ надъ эстами посвящены посвященные въ приложеніи матеріалы *А. Харузина*: «Бъ антропологіи населенія Эстляндской губ.». Изученію исторіи и древностей края посвящены работы: *о. К. Тизикъ*: «Остатки древняго православнаго храма въ Эстляндской губ.», около Пухаюги въ Іевенскомъ приходѣ, гдѣ по преданію до Свѣрной войны жило русское населеніе; *Г. Ханзена*: «Остатки нѣкоторыхъ древнихъ замковъ въ Эстляндской губ.», и *Н. Харузина*: «Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ Московскихъ архивахъ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи». — Удѣляя на страницахъ своего изданія не мало мѣста статьямъ, посвященнымъ изученію прошлаго и современнаго быта населенія Эстляндіи, мѣстный Статистическій Комитетъ приноситъ существенную пользу нашему отечествовѣднію; мы не можемъ поэтому не выразить желанія, чтобы программа, принятая при изданіи «Временника», не измѣнилась Комитетомъ и при изданіи дальнѣйшихъ выпусковъ.

В. А. Жуковский: Древности Заваспійскаго Края. Развалины Старо Мерва. (Мат. по Археол. Россіи, изд. Им. Арх. Коммиссією. № 16. СПб. 1894. 4^о стр. 216, съ 39 рисун. въ текстѣ и 8 табл.). «Развалины Старо Мерва» представляютъ первый выпускъ «Матеріаловъ по Археологіи Россіи», посвященный изученію древностей Заваспійскаго Края. Какъ и предшествующіе №№ «Матеріаловъ», названное изданіе Археол. Коммиссіи отличается какъ содержательностью, такъ и внѣшнимъ изяществомъ. Трудъ г. Жуковского, несмотря на заглавіе, которое даетъ ему, повидимому, исключительно археологическій интересъ, не лишень и серьезнаго значенія для этнографа. Изучаемые авторомъ памятники принадлежать преимущественно въ историческому періоду жизни Мерва; втому описанію г. Жуковскимъ предпосланъ обширный историческій очеркъ Мерва, до перенесенія города на новыя мѣста (стр. 3—94). Этотъ очеркъ представляетъ возможно полный сводъ свѣдѣній, извлеченныхъ авторомъ изъ изученія первоисточниковъ (преим. восточныхъ писателей), касательно исторіи Мерва, которому выпала доля играть выдающуюся роль въ исторіи Азіи, въ особенности въ періодъ завоевательнаго движенія арабовъ, а впоследствии и татаръ. Иллюстраціями къ этой страницѣ тревожной исторіи Азіи служатъ изученные, описанные и изображенные г. Жуковскимъ архитектурныя и могильныя памятники Старо Мерва, собраніе преданій современныхъ жителей объ этихъ остаткахъ старины. Этнографъ такимъ образомъ получаетъ возможность не только взучить прошлое края,

поскольку оно сохранилось въ письменныхъ и вещественныхъ подземныхъ памятникахъ, но нажить и тѣ вліянія (и вѣдннее выраженіе послѣднихъ), которыя являлись регулирующими въ сложной и до настоящаго времени едва-ли съ достаточной детальною изученной матеріальной культурѣ нашего востока. Къ сожалѣнію, г. Жуковскому не удалось произвести болѣе основательныхъ раскопокъ въ городищахъ, на которыхъ стоялъ древній Мервъ; единственныя раскопки на Гуль-Бале, и мѣстѣ наиболѣе древняго находенія Мерва, были, по независимости отъ автора обстоятельствъ, слишкомъ незначительны и не могли дать большихъ результатовъ; но даже эти сравнительно немногочисленные находки, добытыя раскопками на Гуль-Бале, заставляютъ надѣяться, что болѣе серьезныя изслѣдованія въ этомъ направленіи не будутъ безплодны. Важное значеніе для археологій изученія памятниковъ быта и искусства древнихъ обитателей средней Азии признано въ настоящее время; но и въ интересахъ этнографіи мы не можемъ не пожелать, чтобы за изученіемъ историческихъ памятниковъ древняго Мерва, — задачей, съ которой г. Жуковскій справился такъ блестяще, — послѣдовало возможно скорѣе и изслѣдованіе хранящихся въ землѣ древностей; изученіе ихъ, слѣдуетъ надѣяться, поможетъ рѣшить общіе вопросы о древнихъ культурныхъ вліяніяхъ на бытъ нѣкоторыхъ народностей Россіи и въ частности дастъ возможность объяснить происхожденіе того или иного производства, господствующаго у нѣкоторыхъ изъ населяющихъ Россію кочевыхъ и полукочевыхъ народностей, которыя въ своемъ вѣдннемъ быту хранятъ много отголосковъ старины, точно указать которыя этнографіи безъ помощи археологій едва-ли будетъ когда-нибудь въ состояніи.

Н. Х.

Труды Рязанской Архивной Комиссіи, XI (Рязань, 1895 г., подъ ред. С. Д. Яхонтова). Въ числѣ интересныхъ работъ, которыя составляютъ содержаніе XI-го т. «Трудовъ Рязанской Архив. Комиссіи», отличаемъ трудъ г. Черепнина: «Мѣстная старина. Борковскій могильникъ» (стр. 103—167), начатый еще въ выпускѣ «Трудовъ» за 1894 г. Находки въ Борковскомъ могильникѣ болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ интересующимся изученіемъ русскихъ древностей; но г. Черепнинъ не ограничился собраніемъ и описаніемъ сырого матеріала, въ обширномъ количествѣ добытаго имъ изъ раскопки названнаго могильника; онъ старается разработать этотъ матеріалъ и дать ему освѣщеніе. Часть этой работы, успѣшно выполняемой авторомъ, появившаяся въ свѣтъ въ XI т. «Трудовъ», — касается вопроса чрезвычайно интереснаго, какъ для археолога, такъ и для этнографа: г. Черепнинъ на основаніи результатовъ раскопокъ стремится дать описаніе одежды древнихъ обитателей, останки которыхъ покоятся въ Борковскомъ могильникѣ. Мы въ самыхъ общихъ чертахъ передадимъ главные выводы автора по этому вопросу. Судя по сохранившимся остаткамъ, мужскую одежду можно возстановить въ слѣдующемъ видѣ: домашняя одежда, покрой которой, вѣроятно, имѣлъ сходство съ полукафтаньемъ или кафтаномъ, стягивалась поясомъ, обыкновенно украшеннымъ металлическими бляхами и пряжками. Верхняя, выходная, шер-

стиная одежда поясомъ не стягивалась. Кромѣ того, есть основаніе полагать, что сверхъ этой одежды носились плащи или другой видъ тяжелой верхней одежды, которая застегивалась пряжками и фабулами. Безсмысленное разрушеніе головныхъ уборовъ и обуви указываетъ на приготовленіе ихъ изъ матеріаловъ, легко уничтожаемыхъ глѣниемъ. Оружіе составляло почти необходимую принадлежность мужчинамъ; наиболѣе распространенными типами оружія были ножи, топоры, копья, дротики, стрѣлы, пращи и мечи; послѣдніе чаще прямые, съ остріемъ на одномъ лезвіи, тѣ же — обоюдоострые. Въ числу украшеній, носимыхъ мужчинами, слѣдуетъ отнести шейныя гривны, фабулы, кольца (часто спиральные) и браслеты; послѣдніе носились въ количествѣ одного на лѣвой рукѣ. Женскій костюмъ состоялъ, повидимому, изъ нижней одежды, которая, смотря по достатку, дѣлалась изъ льняной, шерстяной или хлопчато-бумажной ткани. Рукава этой одежды были длинныя, доходившіе до кистей рукъ. Сверхъ этой одежды надѣвалась другая, тоже шерстяная, спускавшаяся до коленъ или немного ниже; покрой ея, по предположенію автора, походилъ на полукафтанъ; въ подолу ея пришивали за колечки металія бронзовыя конусообразныя и плоскія трапецеидныя привѣски, въ видѣ сплошной бахромы вокругъ юбки; кромѣ того, металлическія украшенія пришивались, еще въ разныхъ мѣстахъ юбки. Отъ обуви слѣдовъ не сохранилось; что касается головныхъ уборовъ, то хотя возстановить форму ихъ и не представляется возможнымъ, но есть основаніе полагать, что форма ихъ была разнообразна, и во всякомъ случаѣ, что разнообразны были ихъ украшенія. Серьги, повидимому, были въ употребленіи рѣдко: ихъ замѣняли височныя привѣски, которыя прикрѣплялись къ головному убору; далѣе украшенія женской одежды состояли изъ ожерелій изъ бусъ или металлическихъ привѣсковъ, шейныхъ гривенъ; встрѣчались и ленты, составленныя изъ нѣсколькихъ звеньевъ бронзовыхъ спиральныхъ трубочекъ (вершка $1\frac{1}{2}$ длиною), называвшихся на шерстяные шнурки или узкіе ремешки; ленты оканчивались кистью изъ 4-хъ бронзовыхъ бутылкообразныхъ привѣсковъ. Этотъ видъ украшенія однимъ концомъ прикрѣплялся на затылкѣ, вѣроятно, къ головному убору, а кисть лежала на груди. Кромѣ того, женщинами носились хотя рѣже, чѣмъ мужчинами, пояса, украшенные металлическимъ наборомъ; кромѣ того — кольца и браслеты; послѣдніе встрѣчались въ количествѣ до 6-ти въ одной негалѣ. Предметовъ обихода найдено было слишкомъ мало, чтобы можно было на основаніи ихъ возстановить внѣшній бытъ древнихъ обитателей изслѣдованной мѣстности. Къ статьѣ г. Черепнина не приложено, къ сожалѣнію, рисунковъ; послѣдніе ярче иллюстрировали бы принадлежность описываемаго костюма, чѣмъ можетъ это сдѣлать даже такое детальное описаніе предметовъ, которое даетъ авторъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не отнестись съ благодарностью къ г. Черепнину за предпринятый имъ трудъ, тѣмъ болѣе что онъ не принадлежитъ къ числу легкомысленныхъ, такъ какъ для достиженія результатовъ по описанію костюма автору пришлось потратить немало труда и времени.

Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ *М. Довнаръ-Запольскимъ*. Вып. I. Пѣсни пинчуковъ. Съ приложеніемъ карты сѣв. части уѣзда и статьи о говорѣ. — Кіевъ 1895. (Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій). Стр. XXVIII+23. Ц. 2 р.

«Пѣсни пинчуковъ» представляютъ собой часть обширнаго этнографическаго матеріала, собраннаго *М. В. Довнаръ-Запольскимъ* во время экскурсій въ Бѣлоруссіи лѣтомъ 1890 и 92 гг., совершенныхъ по порученію Этнографическаго Отдѣла *И. О. Л. Е., А. и Э.* Собирателя интересовали вопросы, касающіеся различныхъ сторонъ народнаго быта, въ томъ числѣ экономическаго и юридическаго свойства; относящіяся сюда матеріалами будутъ заняты слѣдующіе выпуски «Бѣлорусскаго Полѣсья», настоящій же посвященъ характеристикѣ мѣстныхъ народныхъ говоровъ и творчества. Въ этомъ направленіи и слѣдуетъ опредѣлять научное значеніе сборника.

Въ спеціальной литературѣ часто слышны жалобы, и притомъ основательныя, на бѣдность діалектологическаго матеріала. Въ то время какъ въ области собственно этнографической начинаютъ раздаваться голоса противъ нагроможденія сырого матеріала, лингвисты по крупницамъ собираютъ тѣ факты, къ которымъ они могутъ отнести съ довѣріемъ и положить ихъ въ основу изслѣдованія. Вопросъ уясняется самъ собою, если принять во вниманіе условія, при которыхъ происходила собирагельская дѣятельность въ Бѣлоруссіи. Сборники гг. Шейна и Романова составляютъ гордость бѣлорусской этнографической литературы, но изъ ихъ обширнаго содержанія только немногое записано собирагелемъ лично, остальное же доставлено людьми различной степени образованія, различныхъ взглядовъ на то дѣло, которому они въ то время слушали, и изъ разныхъ мѣстъ, что, даже въ лучшемъ случаѣ, не дало возможности прослѣдить географическаго распространенія того или другаго говора со-всѣми его отѣнками. Нѣкоторые изъ вслѣдователей видѣли наибольшее приближеніе къ возможной достоверности въ записяхъ, дѣлавшихся малограмотными людьми; другіе для той же цѣли употребляли статистическій методъ; третьи прибѣгали къ сравненію однородныхъ фактовъ и этимъ путемъ старались притти къ тѣмъ или инымъ результатамъ общаго свойства. Но изъ всѣхъ «принциповъ», о которыхъ когда-либо заходила рѣчь въ спеціальныхъ работахъ, наиболѣе надежнымъ слѣдуетъ признать одинъ—личную запись лицомъ, знакомымъ съ нарѣчіемъ, часть котораго изслѣдуется, съ требованіями науки и личнымъ какими бы то ни было предвзятыхъ теорій или, по крайней мѣрѣ, апріорныхъ взглядовъ.

Съ этой точки зрѣнія матеріалъ *М. В. Довнаръ-Запольскаго* имѣетъ несомнѣнное научное значеніе. Какъ уроженецъ Бѣлоруссіи, близко знакомый притомъ съ деревней и ея бытомъ, онъ имѣлъ полную возможность освѣтиться съ бѣлорусскою рѣчью въ той степени, какая необходима для наблюдателя различныхъ, близкихъ между собою говоровъ, чтобы проникнуть въ самую суть языка, въ его духъ, и уловить особенности, незамѣтныя чуждому уху. Затѣмъ долговременное пребываніе въ Малоруссіи, этнографическія поѣздки, а главное, обширное знакомство съ этнографической

и лингвистической литературой, сказавшееся уже в работах его конца восьмидесятых и начала девятидесятых годов, служить достаточным свидетельством научной подготовки собирателя къ той дѣятельности, которая выпала ему на долю въ Полѣсьѣ. Такія соображенія побуждаютъ вводить въ матеріалахъ г. Довнаръ-Запольскаго ту степень достовѣрности и точности, какая необходима для того, чтобы положить ихъ въ основаніе строго-научнаго изслѣдованія. «Преслѣдуя наряду съ этнографическими дѣлами и филологическія, говорю о себѣ собиратель, я старался записывать съ возможною точностью. Обычно, начиная записывать въ какомъ-либо селеніи, я первый пѣсни старался провѣрять, повторять по два раза; бросающіяся въ глаза особенности я тутъ же подчеркивалъ при записи; последнее оказывалось необходимымъ для сравненія особенностей говора сосѣднихъ селъ: особенности въ говорѣ каждаго новаго села бросаются ярко при началѣ записи». Правда, въ сборникѣ не всѣ пѣсни сказываются записанными собирателемъ лично, но на 600 пѣсень постороннихъ записей приходится всего 84, такъ что сравнительно участіе сотрудниковъ незначительно.

Оставляя пока вопросъ о содержаніи сборника, обратимся сначала въ тѣмъ теоретическимъ результатамъ, къ какимъ пришелъ собиратель въ своей статьѣ «Говоръ пинчуковъ». Если сопоставить съ этой статьей тѣ незначительныя данныя по пинскимъ говорамъ, которыя приведены въ Діалектологіи проф. А. И. Соболевскаго, и затѣтку о языкѣ пинскихъ пѣсанъ изъ сборника о Булгаковскаго «Пинчуки», то окажется: 1) что по своему характеру и элементамъ отличенные говоры представляютъ высокій научный интерес, и 2) что собиратель представилъ въ этой статьѣ ихъ относительно полную характеристику. Поставивъ своей задачей прослѣдить, главнымъ образомъ, сѣверныя границы пинскаго говора съ бѣлорусскими, М. В. Довнаръ-Запольскій направился изъ Пинска на Порѣчье, Озаричи, Браглевичи, Телеханы, Вульку, Выгоношны и далѣе, къ сѣверовосточнымъ селеніямъ, лежащимъ на южной окраинѣ Роздольскаго болота. Нѣсколько замѣчаній сдѣлано о южной и западной границѣ; болѣе детальное выясненіе соотношенія пинскаго говора съ сосѣдними волысскими и гродненскими авторъ статьи неутѣшительно предоставляетъ наукѣ будущаго.

Говоръ пинчуковъ есть собственно сложный комплекс малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, обнаруживающихъ своеобразныя особенности въ разныхъ мѣстахъ. Называя эту группу говоровъ полѣссной, собиратель, по разсмотрѣніи отличительныхъ чертъ ея, приходитъ въ заключенію, что «ея малорусская основа не подлежитъ сомнѣнію, но она имѣетъ также и свои особенности и облугуетъ въ большей или меньшей степени бѣлорусскими. Характерною чертой говоровъ, продолжаетъ онъ, является неустойчивость и разнообразіе фонетическихъ измѣненій». Изъ наиболее интересныхъ явленій выдѣлитъ съ собирателемъ отличительныя: 1) то, что, несмотря на сосѣдство акающихъ бѣлорусскихъ говоровъ, центральная часть Пвщны не знаетъ свѣны о безударнаго въ *a*; 2) соединенія съ *j*: между прочимъ въ группахъ $m + j$, $d + j$, $c + j$ наблюдается отсут-

ствіе обычнаго смигченія, такъ что — *ходю*, *радега* (ряжена), *распустю*, *бросю*; 3) остатки архаическаго составнаго спряженія вродѣ — Мою ходу *перелаживать муть*; Мою мову *перелаживать муть* (-ниуть); 4) образованіе фѣрмъ вродѣ вечератимъ, вечератимешъ, вечератиме и пр. Аналогичной литературы М. В. Довнаръ-Запольскій почти не касается въ этой статьѣ, которая представляетъ результатъ вполне самостоятельной работы надъ сырымъ матеріаломъ, что, конечно, въ извѣстномъ отношеніи рекомендуетъ авторъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обуславливаетъ нѣкоторые изъ недостатковъ его труда. Бъ нимъ-то мы теперь и обратимся.

Слово «недостатки» едва ли, впротѣмъ, можно прихѣпить ко всему, противъ чего можно возстать съ принципіальной точки зрѣнія; наполовину это противорѣчія, недосмотры, часто по-истинѣ досадные въ такомъ трудѣ, свидѣтельствующіе скорѣе о нѣкоторой торопливости, съ какой писалась статья о говорѣ. Такъ, повѣрней мѣрѣ, мы склонны смотрѣть на многія мѣста второй статьи, о чемъ будемъ говорить ниже. Первое противорѣчіе заключается уже въ самомъ названіи труда «Бѣлорусское Полѣсье». Мы видѣли, что М. В. Довнаръ-Запольскій, изслѣдовавъ сѣверныя границы пинскаго говора съ бѣлорусскими, пришелъ къ заключенію, что его *малорусская основа несомнѣнна*. Тѣмъ не менѣе, онъ называетъ эту мѣстность *бѣлорусскимъ* Полѣсьемъ, слѣдуя, вѣроятно, ея обычному наименованію, установившемуся лишь благодаря тому, что административно Полѣсье было причислено къ Минской губ. Не основывается ли собиратель на какихъ-либо племенныхъ или бытовыхъ данныхъ? Объ этомъ онъ ничего не говоритъ; другой же изслѣдователь Пинщины, о. Булгаковскій, согласно съ основнымъ выводомъ собирателя, свидѣлствуетъ, что «Пинчуки, они же и полѣшучи, обитатели Пинскаго у. Минской губ., входящей въ составъ сѣв.-зап. края, отличаются отъ всѣхъ другихъ жителей этой окраины своими бытовыми особенностями, а еще болѣе языкомъ». Если же принять во вниманіе непроходимыя болота и, въ недавнее время, глубокіе лѣса на сѣверной границѣ полѣсской группы, то придется признать, что de facto эта мѣстность гораздо болѣе отдѣлена отъ Минской губ., чѣмъ, напр., отъ Волынской и болѣе имѣетъ право на названіе малорусскаго, чѣмъ бѣлорусскаго Полѣсья. Всего же естественнѣе было бы называть эту мѣстность просто Полѣсьемъ, такъ какъ и въ языкѣ, и въ бытѣ она имѣетъ свои ярко-выраженныя особенности. Изслѣдованіе этихъ особенностей, даже, и составляетъ сущность диалектологической работы собирателя, приведшей его къ выводу, что пинскій говоръ есть особый говоръ, характеризующійся наслоеніемъ бѣлорусизмовъ на малорусской почвѣ; между тѣмъ, слѣдуя той же искусственной административной мѣркѣ, собиратель даетъ неточное, сбивчивое опредѣленіе, что этотъ говоръ «относится именно къ группѣ говоровъ сосѣднихъ губерній, имѣя впрочемъ и свои отличія», какъ будто эти сосѣдніе говоры изслѣдованы, или, по крайней мѣрѣ, намѣчены, будто именно не отличія дѣлаютъ пинскій говоръ пинскимъ, а не малорусскимъ или же малорусскимъ.

Нѣсколько замѣчаній мы должны сдѣлать по вопросу о транскрипціи. Транскрипція не орѳографія, какъ нѣкоторые полагаютъ, гдѣ живой, из-

нѣичивый говоръ укладывается въ условныя, однообразныя рамки, а подгонять искусственно народную рѣчь подъ известный шаблонъ значило бы лишить трудъ всякаго научнаго значенія. Конечно, естрѣчая, напр., такіе случаи, какъ *не, вышнесыкъ, вышнеўку* и рядомъ *не, вышнесовой* и т. п., мы должны вѣрить, какъ говорится, на слово собирателю, но мы уже видѣли, что это довѣріе имѣетъ прочныя основанія, да и обширность матеріала отрываетъ большой горизонтъ для сравненій, съ помощью которыхъ нетрудно устранить ту или другую ошибку. Транскрипція сборника вообще должна считаться установленной, но и въ ней есть, по нашему мнѣнію, кое-какіе внѣшніе недочеты. Несомнѣнно, наилучшая изъ тр.скрипцій та, для которой меньше всего требуется оговорокъ со стороны записывателя, ибо къ чему же тогда и особая транскрипція, если я буду говорить, что въ данномъ говорѣ такой-то согласный звукъ абсолютно твердъ, а на письмѣ изображу его рядомъ съ мягкимъ гласнымъ? или, если я скажу, что звукъ, изображаемый ѣ, произносится то какъ *e* мягкое, то «во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ» какъ дитонгъ *ie*, а въ своихъ записяхъ не приведу ни одного примѣра произношенія *ie* изъ ѣ? Въ первомъ случаѣ собиратель создаетъ двойную условность, а во второмъ читатели могутъ не повѣрить ему, и будутъ правы. Такъ, М. В. Довнаръ-Запольскій свидѣтельствуетъ, что звуки *p* и шипящіе—абсолютно тверды; на письмѣ же послѣ *p*—всюду твердыя гласныя, послѣ же шипящихъ съ оговоркой оставлены мягкіе. Не знаемъ какія соображенія руководили собирателемъ въ данномъ случаѣ, но и въ этомъ написаніи находимъ непоследовательность: такъ, при *чи ѣчестовала, лежи, започину, стаўши* и пр., находимъ *чому, жонка, пытаешэ, нощэ* (да иначе и мудрено было бы писать!), *деўчынонька, оччывыты, полюбошы, радошы, нощэ, печэ, перелажываты, скачучы* и ин. др., т.-е. какъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало писать, у собирателя, вѣроятно, по недосмотру или недоумѣнію, которое не можно разрѣшить. Недосмотромъ же мы объясняемъ и такія формы, какъ *сбѣлцеромъ* (стр. 78) наряду съ *азѣлцеромъ*, *лице* наряду съ *лицэ*, *вышей* (*сопратат.*), *тяжчей* наряду съ *луччѣйша, старшѣйша* и вѣк. др., хотя обозначеніе *ѣ* въ случаяхъ, неразличающихся въ произношенія отъ *e*, какъ и обозначеніе конечнаго *э*, совершенно, по нашему мнѣнію, излишне и уничтоженіе ихъ на письмѣ упростило бы трудъ собирателя.

Не дасть, къ сожалѣнію, работа г. Довнаръ-Запольскаго матеріала для акцентологів, что мы склонны считать довольно существеннымъ недостаткомъ діалектологическаго стороны труда. Вліяніе ударенія на огласовку слова есть фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Многія явленія народныхъ говоровъ, представляющія намъ спорадическими, могли бы быть объяснены именно эгмъ путемъ, еслибы акцентологія наша имѣла въ своемъ распоряженіи надлежащій матеріалъ. Правда, наши собиратели обращали на этотъ вопросъ мало вниманія, но по указаннымъ выше причинамъ они, еслибы и хотѣли, могли бы немного сдѣлать въ этомъ направленіи. Хотя въ словарикѣ, приложенномъ къ матеріаламъ, ударенія отмѣчены, но этого недостаточно: слѣдовало ввести ихъ въ текстъ, въ особенности въ словахъ, отступающихъ отъ обычной акцентовки.

Все это недостатки, съ которыми еще можно помириться и отчасти извинить кропотливостью работы, обширностью материала; въ общемъ материалъ этотъ представляетъ собой цѣнное приобрѣтеніе диалектологической литературы, и въ этомъ его главное значеніе. Но въ статьѣ собирателя о говорѣ, наряду съ цѣнными наблюденіями и точной группировкой фактовъ, встрѣчаемъ промахи ничѣмъ инымъ необъяснимые, какъ очевидной слѣпностью, пожалуй, небрежностью, которыя столь неумѣстны въ подобнаго рода работѣ. Характеристику говора на почвѣ собраннаго материала сдѣлать бы, наконецъ, другой изслѣдователь, и собирательскій трудъ М. В. Довнаръ-Запольскаго не умалился бы, и рецензенту не пришлось бы отиѣчать неточности и упущенія вродѣ слѣдующихъ:

1) «Это *отвердніе* (гласныхъ) бываетъ какъ *слѣдствіемъ твердости* самихъ гласныхъ (день, зеленый), такъ»...

2) Характернымъ для всего говора является отвердніе я въ *малюльней приставкѣ са: ложуса, спытса*. Такъ въ двухъ мѣстахъ; въ одномъ мѣстѣ это *ся* названо частицей.

3) *Д* вмѣсто *ј* въ надгыше, надсмльнѣйшы — явленіе не фонетическое, вакъ повидному думаетъ собиратель, а результатъ вліянія т. н. народной этимологіи: надъ — въ знач. высшей степени; такъ въ бѣлорусской пѣснѣ изъ моего собранія:

Якъ запѣлі, якъ зайгрѣлі
Надъ усіхъ музык. (Надъ — лучше).

4) Противорѣчія: «Что касается гортанныхъ, то говоръ избѣгаетъ употреблять ихъ мягкими, или средними даже, *смячая во флексіяхъ и друмихъ образованияхъ*». И дальше: «Гортанные способны смягчаться въ мѣстн. и дат. ед.» Очевидно, что въ итогѣ перекрестнаго вліянія мало — и бѣлорусскихъ формъ говоръ относится къ твердости и мягкости гортанныхъ равнодушно.

5) Въ примѣрѣ — *кынкъ ўсе уланьское* — собиратель видитъ *атрофію надежнхъ окончаній*. Помимо странности такого взгляда позволяемъ себѣ выразить сомнѣніе, явственно ли слышалъ собиратель это *ое*.

6) Accusat. *мон сани* въ примѣрѣ: *мыно мон сани* — собиратель принимаетъ за *nominat.*, а слово *мычки* примѣра *пойду ўпрычки тѣмную мычки* онъ принимаетъ за *genit.*, когда оно легко объясняется аналогіей по созвучію; также и въ (*но*) *ноче* собиратель видитъ *nominat. ви. dat.*

7) Какъ примѣры двойствен. ч. указаны: *очыца, очыцами, двѣ мысьмочки*.

8) Въ прим. — за *яблынь берыся* — слѣпаніе не родовъ, а склоненій.

9) На XXIV стр. явная описка — *ви. двѣнричастій* сказано причастій (флексія *учи*).

Кромѣ того, едвали можно согласиться: 1) съ возможностью группы *чч* изъ *тз*, напр. *оччыныты*; здѣсь удвоенъ первый элементъ — *оттччыныты*; 2) съ группой *чч* изъ *чи*: не *лучча, лутча*; 3) съ отвердніемъ губной въ словѣ — *бровани*: въ имен. *брови* — и несомнѣнно среднее, какъ и въ словѣ *гнишая* (стр. XIX) (по другому поводу); 4) съ выпаденіемъ

д в словѣ два(д)цать: здѣсь простая ассимиляція вида *двадцать*. Трудно рѣшить за отсутствіемъ ударенія вопросъ относительно слова — полагать; во всякомъ случаѣ это не *обычная* форма, какъ ее считаетъ собиратель. Примеры «уже, ѳылася, ѳ кого» на спорадическое *у*, приближающееся въ согласному *е*, должны писаться «*уже, ѳылася, в кого*». Прииѣръ *заўтра* неумѣстая и диаметрально противоположенъ положенію что *е* можетъ переходить въ полугласное ѳ. Прииѣръ — *дружчатѣа* — на то, что *е* въ соединеніи съ *ѳ* даетъ *жч* — *неубѣдителей*. Излишне отмѣчать такіе общіе факты, какъ уподобленіе по звучности или обезголошеніе. Говоря объ отвердѣніи гласныхъ, слѣдуетъ держаться этого термина и употреблять во веѣхъ случаяхъ предпочтительно предъ терминомъ «*отвердѣніа согласныхъ*». Слѣдуетъ избѣгать слишкомъ общихъ, бессодержательныхъ фразъ вроде — «*въ общиѣ явленіиѣ въ области согласныхъ относится также ихъ способность смягчаться или отвердѣвать, сравнительно съ общелитературнымъ языкомъ (?)*, подѣ влияніемъ тѣхъ или другихъ фонетическихъ измѣненій».

Этнографическая сторона сборника стоитъ въ ближайшей связи со статьями М. В. Довнаръ-Запольскаго, написанными, во многихъ случаяхъ, на основаніи собраннаго матеріала. Такъ, нѣкоторые отдѣлы лирическихъ пѣсенъ пинчуковъ нашли себѣ объясненіе и яркую, живую характеристику въ статьѣ «*Женская доля пинчуковъ*» (Этн. Об., IX.). Неизмѣнныя женскія радости и печали отъ нѣжнаго дѣвческаго возраста и до могилы, съ вѣчнымъ узоромъ любви, обмана, ревности, глубокой, затаенной обиды рельефно рисуются предъ читателемъ, подкупая своей реальной правдой и обличая въ авторѣ вѣрное пониманіе народной жизни и духа. Лирическихъ пѣсенъ въ сборникѣ 225, при чемъ онѣ подраздѣляются на весеннія, лѣтнія, дождинки, осенія, зимнія, филипповскія, женскія въ собственномъ смыслѣ, рекрутскія, чумацкія, казакскія. Свадебныя пѣсни нашли себѣ (объясненія и характеристику въ обширной статьѣ «*Бѣлорусская свадьба въ культурно религіозныхъ переживаніяхъ*». Подобно предыдущей, эта работа появилась на страницахъ «*Этн. Обзор.*», что даетъ намъ право не останавливаться подробно на ея содержаніи и значеніи.

Читатели, несомнѣнно, отиѣтили въ ней строго-критическое отношеніе автора къ обширному матеріалу, нѣсколько новыхъ и интересныхъ параллелей и, вѣстѣ съ тѣмъ, широкую постановку вопроса. Свадебныхъ пѣсенъ въ сборникѣ — 293; для удобства пользования онѣ снабжены заглавіями, послѣдовательно указывающими время ихъ пѣнія въ свадебномъ ритуалѣ. За свадебными пѣснями слѣдуютъ: а) родинныя и крестинныя, б) колядки и щедровки, в) пасхальныя, г) троицкія и купальскія. Изъ помѣщеннаго въ «*Приложеніяхъ*» отиѣтили: 1) описаніе свадьбы въ Пинскомъ у., новое звено къ известнымъ уже матеріаламъ, 2) весьма цѣпныя въ критическомъ отношеніи прииѣчанія, 3) словарь, 4) карту сѣверной части Пинскаго у.

Въ прииѣчаніяхъ собиратель указываетъ варіанты и литературу, главнымъ образомъ, славянскую, къ отдѣльнымъ мотивамъ повѣи пинчуковъ. Изъ вариантовъ помѣщались, говоритъ онъ, преимущественно

такіе, которые могли представить интересъ при изученіи мотивовъ народнаго творчества». Собратель правъ: для этнографическихъ цѣлей слѣдуетъ избѣгать накопленія совпадающихъ вариантовъ изъ одной и той же мѣстности, по варианты изъ разныхъ мѣстностей представляютъ значительный интересъ. Это въ особенности скажется тогда, когда изученіе народной лирики станетъ на прочную почву и классифицируетъ подлежащій матеріалъ сообразно научнымъ требованіямъ, а не случайно, или по указаніямъ сказителей, какъ это дѣлалъ, къ сожалѣнію, М. В. Довнаръ-Запольскій, самъ же отмѣчающій сомнѣніе пѣвицъ, куда приписать пѣсню. Такъ, варианты одной и той же пѣсни не должны бы оказаться въ разныхъ мѣстахъ, равнымъ образомъ и отдѣлы пѣсней, подъ названіемъ «разныя», т.-е. мѣсто которыхъ не было въ точности указано пѣвицами, съ большимъ удобствомъ былъ бы распределенъ по намѣченнымъ уже рубрикамъ. Не можемъ не помянуть и о томъ, что собиратель не дорожитъ помятками, отъ кого пѣсня записана, сколькокъ лѣтъ сказитель, грамотенъ ли. Иллишине указывать на важность такого рода помятокъ; въ частности — описаніе обстановки, при которой поется пѣсня, часто интереснѣе и важнѣе самой пѣсни. Даже записывая, какъ въ данномъ случаѣ, не отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ хора всегда можно было бы нѣсколькими штрихами очертить составъ хора, обычныя замѣчанія пѣвицъ и проч.

Возвращаясь къ вопросу о вариантахъ, мы должны сказать, что наибольшее количество ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, отмѣчено по сборнику Булгаковского. Собратель, дѣйствительно, отмѣчаетъ лишь своеобразные варианты; стоитъ свѣрять №№ 53, 160, 309, 341, 373, 401, 425, 432, 440; въ иныхъ случаяхъ помѣщены варианты близкіе, но болѣе полные, чѣмъ въ «Пинчувахъ», каковы №№ 28, 416, 437, 536. Болѣе или менѣе близкіе варианты находимъ въ №№ 25, 55, 164, 172, 308 (съ полонизмами въ языкѣ), 396, 456, 468, 487. Можно было бы опустить менѣе полные варианты, напр., №№ 173, 310, 379, 464, также №№ 389, 441, 491, такъ какъ тождественные варианты находимъ въ другихъ мѣстахъ разбираемаго сборника, но не слѣдуетъ забывать, что наряду съ этнографическими собиратель преслѣдовалъ лингвистическія цѣли.

Въ указателѣ отмѣчены loci communes, эпитеты и проч. и наиболѣе характерныя культурно-бытовыя темы, что весьма выгодно отличаетъ сборникъ отъ ему подобныхъ и даетъ изслѣдователю матеріалъ, если можно такъ выразиться, прямо въ руки. Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаясь на этомъ отдѣлѣ, мы обращаемъ вниманіе всѣхъ, кому придется имѣть дѣло съ этимъ сборникомъ, на чрезвычайно интересный взглядъ о лирическихъ «запѣвахъ», или «зачинахъ», ихъ видахъ и стадіяхъ развитія. Мы вправѣ были бы ожидать встрѣтить подобную работу скорѣе на страницахъ журнала, чѣмъ въ сборникѣ сырыхъ матеріаловъ.

Вообще въ этнографическомъ отношеніи новый трудъ М. В. Довнаръ-Запольскаго представляетъ много любопытнаго для изслѣдователя пріемовъ народнаго творчества въ области лирики пинчуковъ, содержащей и съ

внутренней стороны немало чертъ, родственныя то бѣлорусской, то малорусской поэзіи. Небогатая содержаніемъ, сѣренькая и скорбная пинская пѣсня проникнута задушевностью и неподдѣльнымъ лиризмомъ малорусской поэзіи, но лишена ея свободы, гибкости и силы. Духовное родство сразу даетъ себя чувствовать, но вѣковая замкнутость, нужда и непродоходимыя топи положили свой отпечатокъ на народную думу и, вѣроятно съ тѣмъ, помогли сохранить въ ней давно исчезнувшіе въ другихъ мѣстахъ остатки стариннаго быта.

На основаніи вышеизложеннаго приходимъ къ заключенію, что новый трудъ М. В. Довнаръ-Запольскаго, примыкающій къ цѣлому ряду его прежнихъ работъ, имѣвшихъ цѣлью изслѣдованіе языка, быта и восторіи населенія нашего западнаго края и помѣщавшихся на страницахъ то спеціальныхъ изданій, то Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій (какъ и въ данномъ случаѣ), составляетъ отрадное явленіе въ научной литературѣ. Выполненіе его, несмотря на указанные недостатки, представляетъ значительный шагъ впередъ въ смыслѣ предварительной подготовки матеріала для научныхъ цѣлей.

Евг. Ляцкий.

Н. Аристовъ. — Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казановъ большой орды и кара-киргизовъ, на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а такъ же историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій («Живая Старина», 1894 г., в. III—IV, стр. 391—486).

Тюркскія племена мало создали оригинальнаго, но уже издревле играли громадную роль въ жизни другихъ племенъ: въ ихъ территоріальномъ распределеніи, въ образованіи цѣлыхъ государствъ и слѣдѣ ихъ политической жизни. Если тюрки и не были исключительно разрушающимъ элементомъ, то и не представляли собою въ жизни народовъ Европейско-Азіатскаго континента элементъ создающій.

Быть можетъ, именно эти качества содѣйствовали нашему смутному представленію объ исторіи ихъ, происхожденіи, бытѣ, физическомъ типѣ. Для изученія древняго быта тюркскихъ племенъ преимущественно содѣйствуетъ изученіе тѣхъ современныхъ тюркскихъ группъ, которыя по своему образу жизни всего болѣе приближаются къ своимъ предкамъ, — изученіе тюрковъ-кочевниковъ. Киргизы, эти тюрки, кочующіе на громадномъ пространствѣ средне-азиатскихъ степей, отчасти по сію сторону Урала, хранящіе въ своихъ обычаяхъ, обрадахъ, возрѣвіяхъ много свѣдой старины, занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто среди тѣхъ тюркскихъ племенъ, изученіе коихъ не только интересно, но и полно глубокаго научаго значенія.

Киргизы уже давно занимаютъ въ нашей литературѣ болѣе видное мѣсто, чѣмъ многіе другіе народы нашего отечества. Знакомясь съ исторіею развитія литературы о киргизахъ, мы видимъ, что изученіе этого народа началось въ концѣ прошлаго столѣтія. Не мѣжѣ, чѣмъ въ въ другихъ областяхъ, завоевали себѣ видное мѣсто и здѣсь извѣстные изслѣдователи нашихъ окрестнѣ: Палласъ, Георги, Рычковъ, Делепкинъ.

Съ начала текущаго столѣтія литература о киргизахъ не переставала прогрессивно развиваться. Свообразный вѣшній бытъ — вотъ что привлекало громадное большинство лицъ, писавшихъ о киргизахъ, вплоть до 20-хъ годовъ. Извѣстное сочиненіе А. Лемшина: «Описаніе киргизъ-казацкихъ ордъ и степей», отдѣлавъ эпоху въ изученіи интереснаго народа, подвинуло весьма значительно наше знакомство съ киргизами. Тридцатые, сороковые и отчасти пятидесятые года, давшіе массу интересныхъ статей и сочиненій о киргизахъ, часто повторяя уже ранѣе въ литературѣ извѣстное, вдаются въ разсмотрѣніе обычаевъ, обрядовъ, религиозныхъ воззрѣній киргизовъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей и обогащаютъ наше знаніе интересными фактами. Дальнѣйшія два десятилѣтія, богатые военными событіями, даютъ новое направленіе литературѣ о киргизахъ: вынуждаютъ изучать наше политическое отношеніе къ киргизамъ, ихъ исторію, политическій и социальный строй. Литература семидесятыхъ годовъ, продолжая прогрессировать на пути этнографическихъ изслѣдованій киргизовъ, выдвигаетъ на первый планъ вопросы экономическіе. Слѣдующее заѣмъ десятилѣтіе характеризуется въ литературѣ о киргизахъ первыми попытками антропологическихъ изслѣдованій этого народа. Хотя литература о киргизскомъ народѣ, насчитывающая нынѣ свыше 1500 статей и сочиненій, и бѣдна по сіе время трудами, исчерпывающими всесторонне тотъ или иной вопросъ, но зато отдѣльныхъ фактовъ и наблюденій, преимущественно изъ области этнографіи, — фактовъ, ожидающихъ своего обобщенія и освѣщенія, накопилась, безъ преувеличенія, громадная масса. Текущее десятилѣтіе и характеризуется именно попытками нѣкоторыхъ авторовъ связать факгическія данныя въ извѣстную систему и представить читателю кѣчто стройное, цѣлое, освѣщающее данный вопросъ. Сочиненіе Н. Аристова, нѣсколько длинное заглавіе котораго мы не повторяемъ здѣсь, слѣдуетъ отнести къ разряду трудовъ тѣхъ изслѣдователей, которые не ограничиваются перечнемъ фактовъ, а группируютъ факты въ подтвержденіе руководящей мысли.

Н. Аристовъ останавливается исключительно на родовомъ устройствѣ киргизовъ большой орды и каракиргизовъ.¹⁾ Родовое устройство названныхъ племенъ не составляетъ у автора собственно поле его изслѣдованія; но факты, добытые имъ отчасти оригинальными изысканіями, отчасти почерпнутые имъ изъ литературныхъ источниковъ, онъ старается эксплуатировать для выводовъ объ этническомъ составѣ упомянутыхъ народностей. На помощь недоговаривающимъ фактамъ по родовому устройству авторомъ берутся данныя историческія, народныя преданія. Преслѣдуя весьма сложную и трудно-разрѣшимую задачу детальнаго выясненія этническаго состава киргизовъ большой орды и каракиргизовъ, авторъ, какъ оно по-

¹⁾ Между киргизами (казаками) и каракиргизами (кыргызами) существуетъ уже давно тѣсная литературная связь, хотя эти два народа и гинетически, и исторически, и этнографически значительно разны другъ-другу. Сопоставляя въ одномъ трудѣ киргизовъ большой орды съ каракиргизами, нашъ авторъ руководствовался ихъ взаимной генеалогической связью.

видно, не исчерпываетъ предмета, но раскрываетъ — и этого нельзя не отметить съ особеннымъ удивленіемъ — много новаго и въ высшей степени интереснаго.

Трудъ Н. Аристова состоитъ изъ двухъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ статей: «этническій составъ большой орды» и «роды и племена каракиргизовъ». Къ послѣдней статьѣ примыкаетъ особая глава «типъ каракиргизовъ и начинающіяся антропологическія изслѣдованія». Говоря объ этническомъ составѣ киргизовъ большой орды, авторъ останавливается на генеалогическихъ преданіяхъ киргизовъ и приводитъ легендарную родословную большеордынцевъ. Одинадцать именъ этой родословной или что иное, какъ имена современныхъ одинадцати поколѣній большой орды. Указавъ на численность отдѣльныхъ поколѣній и на мѣста ихъ современнаго жительства, Н. Аристовъ переходитъ къ историческимъ извѣстіямъ о поколѣніяхъ большой орды. Къ сожалѣнію, эта глава не имѣетъ достаточной полноты, въ чемъ, впрочемъ, упрекнуть автора было бы несправедливо. Говоря собственно о четырехъ поколѣніяхъ — *думатъ*, *камлы сары-уйсунъ*, *джалаиръ*, — авторъ знакомитъ читателя съ древнею исторіею этихъ поколѣній, выгигуровавшихъ нѣкогда самостоятельными племенами. Засимъ авторъ переходитъ къ интересному, но мало разработанному вопросу объ уранахъ, т.-е. боевыхъ кривахъ, к о тамгахъ киргизовъ. На основаніи находившихся въ распоряженіи автора данныхъ, онъ старается опредѣлить родовой и племенной составъ большой орды. Многочисленныя киргизскія тамги, свойственныя каждому киргизскому роду, сводятся по мнѣнію Н. Аристова на шесть основныхъ типовъ: а) прямая черта и ея удвоеніе, б) кругъ и его удвоеніе, с) полукругъ, d) сочетаніе двухъ прямыхъ, образующихъ уголъ или крестъ, е) соединеніе подъ углами трехъ прямыхъ и f) соединеніе четырехъ прямыхъ подъ прямыми углами. Седьмой типъ, приводимый Н. Аристовымъ, «соединеніе круга или полукруга съ одной, двумя и тремя прямыми», по вашему мнѣнію, представляетъ сочетаніе первыхъ двухъ типовъ съ послѣдующими тремя. Н. Аристовъ придаетъ тамгамъ киргизовъ громадное значеніе ¹⁾. Это есть знакъ родовой, неизмѣнный, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени; но есть ли возможность даже при наличности достаточнаго матеріала возстановить родственную связь отдѣльныхъ родовыхъ группъ киргизовъ, какъ между собой, такъ и съ родовыми группами другихъ тюркскихъ племенъ, — по сіе время остается вопросомъ открытымъ. Но во всякомъ случаѣ, изысканія Н. Аристова именно на этомъ пути представляются новыми, въ высшей степени интересными и освѣщающими многія темныя мѣста, не только въ происхожденіи элементовъ, составившихъ киргизскую народность, но и во взаимномъ родствѣ ихъ съ каракиргизами.

Болѣе подробно, чѣмъ большую орду киргизовъ, авторъ рассматриваетъ каракиргизскую народность. Останавливаясь на народныхъ сказаніяхъ о происхожденіи каракиргизовъ, Н. Аристовъ переходитъ къ историческимъ

¹⁾ Родовые знаки леги въ основаніе древняго тюркского алфавита.

даннымъ. И тѣ и другіи убѣждаютъ автора въ древнемъ происхожденіи «кыргызовъ» (т.-е. каракиргизовъ) въ приписъ къ этому народу ино-племенниковъ, преимущественно въ лицѣ *наймановъ, китаевъ и кичаковъ*,—племенъ, жившихъ въ свою очередь древнюю исторію. Далѣе авторъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе тамговъ и родовыхъ именъ каракиргизовъ и, на основаніи ихъ, выводитъ свои заключенія относительно болѣе или менѣе близкаго генеалогическаго родства каракиргизовъ съ другими племенами и, въ частности, съ киргизами. Эти изысканія и слу-жать Н. Аристову главнѣйшей задачей его труда. Слѣдуетъ вообще отмѣ-тить, что, просматривая имена родовъ разныхъ тюркскихъ племенъ, какъ-то: киргизовъ, каракиргизовъ, башкиръ, узбековъ, туркменъ, алтай-скихъ тюрковъ и др., нельзя не видѣть общность многихъ родовыхъ именъ, встрѣчающихся то у тѣхъ, то у другихъ народностей. Нѣкоторые изъ такихъ именъ болѣе распространены, иными менѣе. Вотъ авторы, ко-торые склонны видѣть въ этомъ повтореніи родовыхъ именъ у разныхъ племенъ извѣстную случайность. Тамою взгляду ничѣмъ не мотивированъ и нѣкомъ образомъ не можетъ считаться правильнымъ. Сознавая это, другіе авторы въ своихъ трудахъ уже неоднократно отмѣчали повторе-мость именъ отдѣльныхъ родовъ, во не давали этому явленію никакого объясненія, исключая тѣ случаи, когда объясненіе, такъ сказать, навязывалось само собою. Н. Аристовъ, пользуясь извѣстными ему списками поколѣній и родовъ, пользуется данными историческими, которыя, къ слову будъ сказано, вообще крайне скудны, прибѣгая къ изображеніямъ тамговъ, пытается возстановить генеалогическую связь, съ одной стороны, между каракиргизами и киргизами большой орды, съ другой же стороны между отдѣльными родами поколѣній. Задача эта крайне трудна: во-первыхъ, многіе рода новаго происхожденія, между тѣмъ время ихъ возникновенія не извѣстно; во-вторыхъ, сліяніе нѣкоторыхъ родовъ произошло уже давно, существованію же родовъ и поколѣній, сгущивавшихся нѣкогда въ ка-чествѣ самостоятельныхъ племенъ, относится нерѣдко къ весьма отдален-нымъ отъ современныхъ дней временамъ, восходя до начала (и даже ранѣе) нашей эры. Наконецъ, расселенію разныхъ племенъ, встрѣчаемыхъ нами нынѣ въ лицѣ поколѣній и родовъ тюркскихъ племенъ, въ свою очередь, происходило нерѣдко очень давно, при томъ крайне разновременно и въ большинствѣ случаевъ и нѣкъмъ не датировано. Не слѣдуетъ забывать, что для того, чтобы вѣрно и точно возстановить, такъ сказать, контуры генеалогіи современныхъ тюркскихъ племенъ, надо быть хорошо воору-женнымъ и знаніемъ языковъ, и историческими данными, и обильнымъ, извѣстнымъ и провереннымъ современнымъ матеріаломъ. Всѣ эти усло-вія необходимы, а между тѣмъ обладаніе ими не всегда зависитъ отъ автора самого: вотъ почему мы далеки отъ мысли упрекать Н. Аристова въ ширированіи, если можно такъ выразиться, своего, по существу совершенно правильнаго, метода. Вотъ почему мы не останавливаемся на деталяхъ добытыхъ имъ результатовъ. Мы не можемъ не усмотрѣть за-слуги Н. Аристова въ томъ, что имъ отдѣланъ почти въ совершенно новой—въ изученіи тюркскихъ племенъ—области, которую мы могли бы

назвать рациональной генеалогіей. Всякому понятно, что генеалогія народа лашь до известной степени способна раскрыть ясный состав данного племени: генеалогія даетъ качественный анализъ его, оставляя вопросъ о количественномъ составѣ до известной степени открытымъ; но, съ другой стороны, генеалогія племенъ служитъ могучимъ подспорьемъ для изученія ихъ исторіи и, связанныхъ съ нею, дробленія и расселенія племенъ, для изученія бытовыхъ явленій и, наконецъ, физическаго типа. Кроме того, генеалогія современныхъ племенъ служитъ подспорьемъ для изученія исторіи, этнографіи и антропологіи уже исчезнувшихъ, часто загадочныхъ для насъ, народовъ, почивающихся подчасъ вымершими и исчезнувшими безслѣдно, между тѣмъ продолжающими существовать въ лицѣ поколѣній или родовъ современныхъ, но несущихъ совершенно нныя наименованія народностей. Изучая на основаніи генеалогическихъ данныхъ, связанныхъ съ родовыми именами, составъ современныхъ тюрковъ, намъ представляется возможнымъ, такъ сказать, воскресить давно забытыя исторіей племени, какъ *наймановъ*, *камловъ*, *китаевъ*, *китчаковъ*, *дулатовъ*, *киреевъ*, *усюней*, *дылминовъ* и др.

Н. Аристову удается на основаніи своихъ изысканій установить известную связь между нѣкоторыми нынѣ исчезнувшими племенами и ихъ отношенія къ современнымъ каракиргизамъ и киргизамъ большой орды. Резюмируя наиболее осязательные результаты труда названнаго автора, мы находимъ уиѣстнымъ помѣстить ихъ здѣсь, какъ представляющихъ новый и выдающийся интересъ. Каракиргизовъ Н. Аристовъ считаетъ генеалогически прямыми потомками древнихъ *усюней*. Но усюней народъ, занявшій за два вѣка до Р. Х. западный Тяньшань, уже тогда не являлся цѣльнымъ, а представлялъ союзъ изъ тюркскихъ родовъ и *кыргызовъ*; во главѣ этого союза стоялъ усюнейскій отдѣлъ кыргызовъ. У усюней и кыргызовъ (давшихъ современнымъ каракиргизамъ свое имя) были общіе предки—древніе *кыргызы*, происшедшіе, въ свою очередь, изъ сѣшенія тюрковъ съ длинноголовою и свѣтлоокрашеною расою *дылминовъ*.¹⁾

Большая орда киргизовъ образовалась преимущественно изъ исчезнувшихъ нынѣ *камловъ* и *дулатовъ* съ присоединившимися къ нимъ каракиргизами (кыргызами), которые составили поколѣніе *сары-уйсунъ* большой орды. Присоединившіеся къ «кыргызамъ» тюрки были родственные дулаты; сами же дулаты суть такъ-же, какъ и каяглы, два особыхъ тюркскихъ племени, отличнаго отъ каракиргизовъ; въ составѣ дулатовъ вошла незначительная часть динлинскаго племени.

Взвѣсившая по достоинству добытые Н. Аристовымъ результаты его научныхъ изысканій, оцѣнивая весь кропотливый трудъ, потраченный имъ при его работѣ, исчерпанность литературныхъ источниковъ и сотни сгруппированныхъ интересныхъ фактовъ, касающихся преимущественно родового устройства киргизовъ большой орды и каракиргизовъ, мы не можемъ не приветствовать появленіе въ свѣтъ интереснаго опыта выясненія этни-

1) За самостоятельные остатки *дылминовъ* Н. Аристовъ считаетъ вымершихъ нынѣ *арминовъ*, *ассановъ* и *комтово*, отчасти современныхъ *аймо*.

ческаго состава» названныхъ племенъ, не можемъ не пожелать почтенному автору успѣха въ его дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Надѣемся, что именно на этомъ пути его изслѣдованій найдутся достойные подражатели.

Ал. Харузинъ.

Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Вып. II. Тобольскъ. 1894. 8°. 12 нел. + LXV + 33 + 10 + 3 + 35 + 90 + 4 стр.

Въ «Этнограф. Обзорѣніи» (кн. XXII) уже былъ сочувственный отзывъ о 1-мъ вып. Ежегодника. Во многомъ пришлось бы повторять этотъ отзывъ и для второго выпуска. Здѣсь помѣщены «протоколы» собраній Комитета Музея, отчетъ о дѣятельности за 1893 г., отчетъ о состояніи коллекцій, музея, библиотеки, проектъ устава Тоб. губ. музея и т. д.; наконецъ, текущая хроника Музея (съ декабря 1893 по сентябрь 1894). Далѣе идутъ труды: *А. А. Терновскій*, Библиографія и иконографія Тобольскаго Губернскаго Музея. I Печатныя произведенія (съ 1886 г. по авг. 1894 г.). II Рукописи (Дѣла Комитета). III. Чертежи, этнографическіе свѣдѣнія и рисунки (самого Музея и вещей, хранящихся и хранившихся въ немъ).—Указатель изданій (находящихся Тоб. Музея).—*Л. Е. Луговскій*. Легенда, связанная съ двумя остоящими идолами изъ коллекцій «принадлежностей шаманскаго культа» въ Тобольскомъ Губернскомъ Музеѣ. Обоиъ идоловъ изъ камня—одинъ въ формѣ чел. черепа, другой лягушки—доставилъ Н. А. Блиновъ съ слѣд. легендой о нихъ: два богатыря поссорились; одинъ изъ нихъ обратился за помощію къ шаману, тотъ послалъ на противника болѣзнь; когда же эту болѣзнь пожрала лягушка, за что отсѣченная ея голова окаменѣла (одинъ идолъ), богатырь бросился къ жилищу противника, желая силою похитить его дочь; у той былъ ребенокъ, она съ нимъ бѣжала, богатырь погнался и схватилъ за голову ребенка,—голова оторвалась и тоже окаменѣла (другой идолъ).—*С. Н. Мамтеевъ*, Рукописи библиотеки Тобольскаго Губ. Музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтій (Опись дозорныхъ, переписныхъ и другихъ книгъ 126 ркп.).—*Н. И. Паломеженцевъ*, Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ. Историко-Статистическій Очеркъ. (Прод.).—Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе этого выпуска. Отсюда видно, что дѣятеля Музея прежде всего рѣшили разобраться въ сыромъ матеріалѣ: его подобрать, систематизировать, описать,—подготовить почву, если не для себя, такъ для послѣдующихъ поколѣній, и надо отдать справедливость, они поступаютъ вполне благоразумно: сырого матеріала у нихъ такъ много, что оставить его въ пренебреженіи и невозможно, такъ какъ онъ самъ напрашивается на благосклонное вниманіе, и даже опасно, такъ какъ, непристроенный къ мѣсту, онъ можетъ и совсѣмъ затеряться.

Вл. Б.

Записки Уральского Общества Любителей Естествознанія. XV вып. (Екатеринб. 1895). *В. Г. Олесовъ*: Смоленскія пещеры (съ планомъ); пещеры находятся при р. Исети, у дер. Смоленно, Покровской вол. Ека-

терибургск. у. Авторъ изслѣдовалъ идущіе отъ главной камеры два хода: одинъ на 48 $\frac{1}{2}$ саж., другой на 50 саж.; изслѣдованія привели къ открытію лѣстницы, келій, источника, остатковъ срубовъ, старой иконы, крестовъ и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что пещеры служили убѣжищемъ для раскольничьихъ. Изслѣдованіе г. Олесова нельзя считать окончательнымъ, такъ какъ имъ отищено нѣсколько ходовъ, проникнуть въ которые ему не удалось. *П. А. Шилковъ*: О суевѣрїи населенія Шайтавскаго завода Екатеринбург. у.: сообщается заговоръ «присуха»; текстъ заговора приведенъ съ сохраненіемъ нѣстнаго говора. *Я. Г. Безруковъ*: Завиваніе вѣнковъ и снаряжаніе березки на тронцкой недѣлѣ въ с. Богородскѣ, Красноуфимскаго у.; описанъ обрядъ и приведены пѣсни. *П. Ѡ. Первушинъ*: Пѣсни, свѣточвыя гаданія, поговорки и суевѣрїя Китайской вол. Камышловскаго у.: 38 №№ пѣсень, примѣты, свадебный обрядъ и пр. *Н. А. Русскихъ*: О вліяніи полярной ночи на человѣческой организмъ по изслѣдованіямъ Б. Д. Носилова на Новой Землѣ. *Д. П. Никольскій*: О черепѣ человѣка, найденномъ на золотыхъ приискахъ Верхъ-Исетскаго округа Екатеринбург. у. *Его же*: Брахиометрическія данныя о черепѣ солома, доставленномъ въ музей общества изъ Семірѣченской обл. и добытый при раскопкѣ могилъ солоновъ.

Klasić Vjekoslav. Hrvatska pjesmarica. Izdala Matica Hrvatska. Zagreb. 1893. XII+203 (съ нотами въ текстѣ).

Издавая этотъ небольшой сборникъ хорватскихъ пѣсень, Матица имѣла въ виду, очевидно, двоякую цѣль: во-первыхъ, дать самому широкому кругу людей образованныхъ возможность познакомиться съ лучшими мотивами пѣсни народной, во-вторыхъ, ввести въ народъ, сдѣлать широко-извѣстными и популярными такія пѣсни, которыя своимъ содержаніемъ могутъ оказать особенно сильное вліяніе на возбужденіе и поддержаніе въ народѣ стремленій патріотическихъ. Польза такого изданія очевидна. Не всѣмъ доступны дороги изданія Кубы или Кухача, и появленіе сборниковъ, подобныхъ данному хорватской Матицей, весьма желательно и у другихъ славянъ. Помнится, что въ одномъ изъ славянскихъ журналовъ, посвященныхъ этнографіи, было высказано сожалѣніе по поводу того, что на «этнографическомъ концертѣ» въ Москвѣ исполнялись разныя славянскія и неславянскія народныя пѣсни, но въ числѣ славянскихъ пѣсень не было ни одной пѣсни чешской, между тѣмъ какъ пѣснямъ киргизскимъ, сартскимъ, чувашскимъ, армянскимъ и грузинскимъ отведено было значительное мѣсто¹⁾. Вся бѣда въ томъ, что у насъ, благодаря затруднительности книжныхъ сношеній даже съ столь близкими сосѣдями-славянами, какъ чехи, легче достать напѣвъ киргизскій, нежели чешскій, какъ это странно на первый взглядъ. Кромя того, обширныя и дорогіе сбор-

¹⁾ При устройствѣ «перваго этнографич. концерта» имѣлись въ виду народности, живущія въ Россіи, а колонисты пока были оставлены въ сторонѣ. Кстати, напоминая, что этотъ «концертъ» недавно изданъ для пѣнія съ оркестраномъ (Москва, у Юргенсона, ц. 1 р. 50 к.). *Ред.*

ники (Кубы, Кухача, Эрбена) весьма мало распространены и въ славянскихъ странахъ, гдѣ они изданы; помочь дѣлу и можно издашемъ такихъ популярныхъ и дешевыхъ сборниковъ, какъ названный нами «пѣсенникъ» хорватскій. Всѣ пѣсни, помѣщенные въ немъ, распределены на шесть группъ: первая — пѣсни «возвышеннаго» содержанія, т.-е. пѣсни патристическія, среди которыхъ наибольшую извѣстностью пользуются: «*Još Hrvatska ni prgorala*», «*Oj Hrvatska, oj...*», «*Gdje j'stanak moj?*» (пѣсни, впрочемъ, не хорватскаго происхожденія, а переводъ чешской «*Kde domov můj*»), «*Ljera naša domovina*», ставшая хорватскимъ народнымъ гимномъ и др. Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ двадцати пѣсенъ; текстъ принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ виднымъ дѣятелямъ хорватскаго возрожденія: Гау, Кукуловичу, Трискому, Мирзу Боговичу и др.; 2-ая группа—пѣсни военныхъ и марши (34 №) — представляетъ меньше интереса въ виду того, что многія изъ пѣсенъ не оригинальны, хотя и пользуются широкою извѣстною («*Oj ti vilo Velebita*»). Больше интереса представляютъ пѣсни третьей группы, пѣсни любовныя (*ljubavne porjevke*), въ значительномъ числѣ оригинальныя народныя пѣсни (всѣхъ 55, изъ нихъ народныхъ болѣе 30), и пѣсни группы четвертой (веселыя и шуточные пѣсенки). Во главѣ пятой группы пѣсенъ («*paritnice*», или «*zdravice*») стоитъ «*Многая лѣта*», почему-то считающаяся народною пѣснью; шестая группа (13 №) — пѣсни «*za jedno grlo*», т.-е. для пѣнія solo, принадлежать различнымъ хорватскимъ композиторамъ: Ливадичу, Ватрославу Лисинскому, Ивану Зайцу и др. Всего въ сборникѣ 159 пѣсенъ. Со стороны любителей славянской народной мелодіи сборникъ заслуживаетъ полнаго вниманія, и устроителямъ будущаго «этнографическаго концерта» онъ можетъ принести пользу.

Какъ бы въ подраженіе этому изданію хорватской Матицы въ послѣднее время появились еще подобныя сборники, а именно: «*Hrvatska Lira*, сборникъ пѣсенъ въ народномъ духѣ», изданный извѣстнымъ композиторомъ Ф. С. Вильхаромъ, и «*Kolo*, сборникъ хорватскихъ и словенскихъ мужскихъ хоровыхъ пѣсенъ», составленный Н. Фаллеромъ. (Nikola Faller).
В. Ф.

2. Газеты и Журналы.

Витебскія Губ. Вѣд., 1894, 42. *Н. Я. Никифоровскій*, «Очерки престопаднаго жита-быта въ Вит. Бѣлоруссеи». Прод. въ №№ 43—46, 48—52, 54—56, 59, 60, 65—74, 76, 77, 79—85, 88, 89, 92, 95, 98, 100—102, 104, и въ 1895 году №№ 2—5, 8, 10, 11, 14—18, 20—22, 28—35. (Вышли отдѣльной книгой. Витебскъ 1895 г., болѣе 700 стр., ц. 3 р.). 63. На супридакахъ въ Т—ахъ Витебск. губ., разсказъ *И. Сч—а* (прод. въ № 64—67).—68. *Горбачевскій*, «Земля и пахарь». 73. *Е. Р. Романовъ*, «Бара въ сто лѣтъ» (народн. легенда). Прод. въ № 74, 76, 77, 79, 81. (Вышла отд. брошюр. Вит. 1894 г.). 94. Боровой (обычай и пѣсни мѣщанъ г. Велижа). 103. *Горбачевскій*. «Вмѣсто святочной связки» (Нѣсколько замѣчаній общаго характера о язычествѣ славянъ).—1895. 4. Ст. о центральныхъ архивахъ древнихъ актовыхъ книгъ.—*Душинъ-Маринкевичъ* и его поэма «Тарасъ на Парнасъ», ст. *Довнара-Запольскаго*.—11. По поводу завѣщанія крестьянъ. (Юридическая замѣтка) (Прод. въ № 129).—15. Братная замѣтка о бѣлор. нарѣчій, *Стукалича*. (Были отписки).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1895 г.—20. *Богдановичъ*. Перемѣтки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ (Прод. также въ №№ 22, 23, 24, 25, 26, 31, 32, 34. Была и отдѣльная брошюра).—Археологическая находка въ Ковенской губ. (кладъ монетъ XVII в.)—30. Въ корресп. изъ Слонимскаго у. сообщеніе о найденномъ въ м. Озеряницѣ кладѣ въ 2530 монетъ (1500 и 1600 гг.).—33. Археологическая замѣтка. Неизвѣстный авторъ сообщаетъ чрезвычайно любопытныя подробности о могильникѣ на берегу р. Нарва, Бѣлостокскаго у., при дер. Горахъ. Могильникъ расположенъ на холмѣ, назыв. Горы. Песчаная равнина спрощъ усѣяна костями. Среди предметовъ есть и позвѣднѣіше (монеты XVI—XVII вв.), остатки гробовъ и медальонъ-икона. Костяки сохранились плохо. Но попадаются множество вещей курганнаго и каменнаго періодовъ. Найдены бусы (43) стеклянныя, каменныя, почти круглыя, чернаго, снѣжнаго и желтаго цвѣтовъ; спиральныя кольца, обломки жезла курганнаго типа. Брушныя предметы подобраны окрестными жителями. «Судя по окраскѣ костей рукъ и головы, можно съ увѣренностью предположить, что на рукахъ погребенныхъ находились браслеты, на шеѣ—гривны, такъ называемыя вѣяны.» Оружія не найдено. Положеніе костяковъ—голова къ югу и къ ю.-зап. Кроме того, найдены оскол-

ки кремневыхъ орудій, угля и черепки изъ необожженной ганны съ крупными кусками кварца и шпата. На черепкахъ—орнаментъ «въ видѣ лѣстницы» или «въ видѣ бугорновъ» (таин урны, по словамъ автора замѣтки, находится въ дер. Грицково и Алексичахъ). Авторъ замѣтки поднялъ въ теченіе часа до 200 предметовъ. Могильникъ заслуживаетъ вниманія спеціалитетовъ-археологовъ.

Извѣстія Общества Археологій, Исторій и Этнографій при Имп. Казанскомъ Университетѣ, т. X вып. 6, т. XI вып. 1—6, т. XII вып. 1—6. (Казань. 1892—1895 г.) Названное Казанское ученое общество продолжаетъ развѣивать свою плодотворную дѣятельность по изученію восточной области Россіи. Масса статей этнографическаго характера, появившихся въ означенныхъ выпускахъ, доказываетъ, что этнографія занимаетъ не послѣднее мѣсто среди двухъ другихъ отдѣловъ, составляющихъ предметъ изученія членовъ общества. Изъ крупныхъ трудовъ слѣдуетъ отмѣтить работу извѣстнаго этнографа *И. Н. Смирнова* «Мордва» (*ЖМХ* X, 6, XI, 5, 6, XII, 4), которая въ настоящее время окончена. Предполагая въ ближайшемъ будущемъ подробно остановиться на монографіи г. Смирнова, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что «Мордва» представляетъ, какъ и труды того же автора «Черемисы», «Вотьяки» и «Пермяки», наиболѣе полную и научно освѣщенную сводку матеріаловъ, по указанной народности, матеріаловъ дополненныхъ личными наблюденіями автора, что отводитъ этому труду видное мѣсто въ русской этнографической литературѣ. Изъ остальныхъ статей и матеріаловъ отмѣтимъ, какъ имѣющія этнографическій интересъ слѣдующія: т. X, 6: *В. А. Мошковъ*: Пермско-Борельскія параллели (матеріалы по этнографіи пермяковъ и моравовъ); XI, 1: *В. А. Мошковъ*: Матеріалы для характеристики музыкальн. творчества инородцевъ Волжско-Бамскаго края: I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. *Н. Троицкая*: Черемисы Арбанской волости (Царевкокшайск. у. Казанск. г.). Жилище, одежда, пища, обряды при свадьбахъ и похоронахъ; игры и увеселенія. *И. Н. Смирновъ*: Итоги археологій, исторій и этнографіи В. Россіи въ 1892 г.; *то-же*: Литература археологій, исторій и этнографіи В. Россіи въ 1892 г.; *то-же*: Программа собиранія свѣдѣній о бытѣ мордвы. XI, 2: *В. А. Богородицкій*: Слово «хомутъ» въ аrio-европейскихъ и урало-алтайскихъ яз.; *Р. Г. Игнатьевъ*: Башкиръ Салаватъ Юлаевъ, пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. *В. А. Мошковъ*: Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ (прод.); *И. А. Износковъ*: Бара-якуповская волость (башкиры Уфимск. г.); *Н. Н. Бакай*: Захватъ, купля и продажа инородцевъ въ Якутской волости въ XVII в.; *А. И. Соколовъ*: Духовные стихи (изъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ; указаны варианты въ сбор. Безсонова); къ сожалѣнію не указано, изъ какихъ рукописей матеріалъ извлеченъ; *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь: А—К. XI, 3. *Р. Г. Игнатьевъ*: Башкиръ Салаватъ Юлаевъ; *Извѣстія иностранцевъ о народахъ В. Россіи* (*Strahlenberg*, Баранцы, якуты, юагиры, коряки, черемисы, чувашы, остяки, тунгусы, мордва). *Формы жилищъ и поселенія у народовъ В. Россіи* (камчадалы, коряки, чукчи; извлеч. изъ ст. Брашенинникова и «Владивостогъ»

1892 г. № 49—50). *В. А. Мошковъ*: Мелодіи чувашскихъ пѣсень. *Акты*, относящіяся къ исторіи мордвы Пензенской губ. *А. Д. Смирновъ*: Замѣтки о мордвѣ и напечатаныхъ мордовской старинны въ Нижегородской г. *Г. Вихманъ*: Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у вогузовъ. *Литература*, археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1893 г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь. *К—Н*. XI, 4: *В. А. Мошковъ*: Мелодіи чувашскихъ пѣсень. *Бутузовъ*: Вѣрованія и культъ мордвы с. Сабанчева Алатырск. у., Сибирск. г. *Постниковъ*: Постройки о. Талызина Курмышск. у., Сибирск. г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь *Н—Р*. XI, 5: *В. Н. Витевскій*: Влады и кладосканіе на Руси. *В. Г. Мещериновъ*: Апокрифическая кладовая книжка (XVIII в.). *Ф. Бутузовъ*: Изъ быта мордвы с. Живайкина Жадовской вол., Барсуек. у. Сибирск. г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь: *Р—Ш*. XI, 6: *И. Нечаевъ*: Игры деревенскихъ дѣтей Лапшевск. у. *Р. Г. Игнатьевъ*: Башкиръ Салаватъ Юлаевъ. *С. Иванцевъ*: Изъ быта мордвы дер. Дюрки Паранъевск. вол., Алатырск. у., Симб. г. (одежда, свадебные обряды, моляны). XII, 1: *В. А. Мошковъ*: Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ. *И. Н. Смирновъ*: Археологія, исторія и этнографіи В. Россіи въ 1893 г. *Ею-же*: Литература археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1893 г. XII, 2: *Н. Θ. Катановъ*: О погребальныхъ обычаяхъ тюркскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (сунны, ухуань, уйгуры, дулгасцы, дубо, татары и на основаніи личныхъ наблюденій автора: бельтиры, сагайцы, маргинцы, калары (Микусинск. окр. Енисейской губ.), карагасы, урянхайцы, китайскіе казакъ-киргизы, китайскіе татары, лобъ-норскіе татары). *М. А. Красовскій*: Русскіе въ Якутской области въ XVII в. *Н. Θ. Катановъ*: Историческія свидѣтельства китайскихъ и арабскихъ писателей о Туркестанѣ; *ею-же*: Качинская легенда о сотвореніи міра. *Т. А. Ивануцкій*: приключеніи муллы Насръ-Эддина. XII, 3. *И. В. Амичковъ*: Киргизскій батыръ Джанходжа Нуръ-мухаммедовъ; *ею-же*: Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нуръ-мухаммедовѣ. *Татары* Тамбовской губ. по даннымъ 1893 г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь (оночашіе). XII, 4: *И. П. Засѣдателевъ*: Древній обрядъ коронаціи у тюркскихъ народовъ (обрядъ подниманія на вошпѣ у др. татаръ, Басмиевскихъ татаръ, въ Крымскомъ ханствѣ, ногайской ордѣ, Бухарѣ, у оренбургскихъ киргизовъ; описаніе сохранившейся до настоящаго времени среди татарчатъ Базанск. у. игры въ ханы, въ которой сохранились др. обряды избранія). *А. В. Смоленскій*: Программа для собранія чувашскихъ притѣй о погодѣ. XII, 5: *Н. Н. Пантусовъ*: Орденъ хуѣе (нагометанская секта, особенно распространенная въ русскомъ и китайскомъ Туркестанѣ). *Н. Θ. Катановъ*: О свадебныхъ обрядахъ татаръ восточн. Туркестана; *ею-же*: Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гуиъ. *Д. А. Кочневъ*: О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйского округа, Якутской области. *В. К. Мамуцкій*: Въ вопросу о тамбовскихъ и казанскихъ татарахъ. *А. И. Соколовъ*: Особенности языка и правописанія грамотъ XVII в. *Н. Θ. Катановъ* и *Т. А. Ивануцкій*: Тюрк-

ских сказки о трехъ братьяхъ (адербейджанская, турецкая, сагайская и логученская). XII, 6: *П. А. Поляковъ*: Исламъ среди тюрковъ, монголовъ, индусовъ и китайцевъ. *П. Ф. Катановъ*: О наказаніи лѣнвыхъ богомольцевъ у татаръ Битайскаго Туркестана. *И. Н. Смирновъ*: Археологія, исторія и этнографія В. Россіи.

Киргизская Степная Газета. 2. Отчего зло на свѣтѣ (сказка о пустынныхъ, воронѣ, голубѣ, оленѣ и змѣѣ). 3. Сказаніе о гордомъ закователѣ (Александрѣ Македонскомъ). 3, 17, 20. Охота у киргизъ. 4. Конь Набека (сказка).—Лирическія пѣсни киргизъ. 6. Торговля верблюдами и продуктами, получаемыми отъ нихъ, у тургайскихъ и оренбургскихъ киргизъ.—Конь Абонъ-эль-Марша (сказка). 9. Завѣтное кольцо (сказка). 10. Арабъ и турокъ (вост. сказаніе). 11. Абу-Бекирова тачка (египетская сказка).—Руза-гадъ (праздникъ Рамазанъ) въ степи. 14. Городскіе джатаки. 17. Бъ вопросу о киргизскомъ землепользованіи. 19. *А. А. Ивановскій*. Ханъ Итбай (киргиз. сказка, перепеч. изъ «Русск. Вѣд.»). 20. По поводу раннихъ браковъ у киргизъ. 23. О необходимости имѣть киргизамъ своихъ специально подготовленныхъ учителей. 24. *Д. Аймановъ*. Дуана Хожа Насыръ. 26. Изъ жизни труженицы науки (по поводу сборника статей А. В. Петаниной, изданнаго Географич. Отдѣленіемъ Имп. Общ. Люб. Естеств., Австроп. и Этногр.). 32, 33. Чудесный подвѣтчикъ (сказка).

Новенскія Губ. Вѣд. Прибавленіе. 1895 г.—16. Отставка диктатора, Эпизоды изъ русско-польской исторіи. (По неизданнымъ документамъ и письмамъ). *М. Коляловича*. (Перепеч. изъ «Нов. Врем.»). (Продолж. въ №№ 17, 19, 21, 22, 24, 29, 30).—Нѣчто о солдатскихъ пѣсняхъ. *Н. Ефимовича*. (О безнравственности солдатскихъ пѣсанъ). 18. Георгій Коняскій Архіепископъ Бѣлорусскій (истор. очеркъ). 19. Происхожденіе гор. Якобштадта и древнее право его жителей «русской націи» рижской и греческой вѣры. (Историческая справка). — 21. Солдатъ въ раю. (Народная легенда). (Продолж. въ № 22).—22. Среди замѣтокъ сообщеніе польской газеты «Wiek» о необычномъ случаѣ продажи мужемъ беременной жены на убой. Кврей, арендаторъ молочныхъ скоповъ у помѣщика, продалъ свою жену ворагъ, которые купили ее съ дѣлью добыть изъ нея жилю, такъ какъ, по повѣрью ихъ среды, жилю беременной женщины дѣлають воровъ невидимками.

Минскія Епарх. Вѣдом. 1895 г.—6—9.—Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи. (1817—1844 г.). (Прод.).—7. Матеріалы для исторіи Минской епархіи (документы, относящіеся къ архіеп. Виктору Садковскому) (въ № 8—овоч.).—9. Столѣтіе перваго воссоединенія униатовъ Минской губ. (1795—1895 гг.).

Приамурскія Вѣд. 64, 65. *П. П. Шимкевичъ*. Современное состояніе инородцевъ Амурской области и бассейна Амуниа.—66. О службѣ инородцевъ Забайкальской обл. и пожалованныхъ имъ знаменахъ.—*Альфтанъ*. Замѣтка о рисункахъ на скалахъ рр. Уссуріи и Бикину.—72. *Н. А. Крюковъ*. Свѣдѣнія о бібліотекахъ въ Приамурскомъ краѣ.—75. *Шиммаревъ*. Отчетъ консульства въ Ургѣ р торговлѣ въ Монголіи

за 1894 г.—81. *Альфтанъ*. Инородческое населеніе по притокамъ Уссури рр. Бикину, Иману и Ваку.

Сибирскій Вѣстникъ. 1. Бое-что о пещѣ алтайскихъ инородцевъ. 3. 6, 11, 15, 20, 28, 32, 41, 42, 47, 49. *К.* Очерки жизни Колымскаго края.—8. Этнографическое изслѣдованіе населенія Якутской обл. на средства И. М. Сибирякова.—29, 32. Скопцы Мархинскаго селенія Якутской области. 37. Народное образованіе у тургейскихъ киргизовъ.—45. Скопцы Якутской обл., с. Спаскаго, Олекминскаго округа. — 47. звѣроловныя промыслы въ Сибири.—51. Бретники (изъ якутскихъ сказаній).—59. Вырожденіе и вымираніе калмыковъ Астраханской губ.—74. Что сдѣлано въ 1894 г. въ области сибирской археологій, исторіи и этнографіи? 77, 81. *А. Михайловичъ*. Къ вопросу о причинахъ вымиранія инородцевъ сѣверо-западной Сибири.—90. *Н. Псаревъ*. Изъ міра повѣрій (худой глазъ).—102. Шаманъ въ роли врача.

Смоленскія Губ. Вѣд. 16. Весна въ народныхъ русскихъ поговоркахъ и играхъ. («Справ. Вѣстн.»).

Смоленскій Вѣстникъ. 53, 55—57. *Н. Н-въ*. Очерки Смолен. губ. и сѣв.-зап. края.—60. *С.* Русальная недѣля.—72. *Красало*. С. Польшковичи, Могил. губ. (ярмарка, слѣпцы и пр.).—*Н. С.* Изъ деревни (сближеніе крестьянъ съ интеллиг.).—101 *Н. Селезневъ*. Изъ деревни (Прод. въ № 108).—107. Изъ быта деревни (дѣло о пріемышѣ-должникѣ).—108. *Д. Успенскій*. Фабричная поэзія (очеркъ съ текстами).—120. Царскій кабакъ Московскаго государства (по статьѣ проф. Дятатина).—123. *Н. С.* Изъ деревни (безыки-плотники).

Степной Край. 33. Къ вопросу о вымираніи инородцевъ.

Тобольскія Губ. Вѣд. 1. Браки у якутовъ.—3. Камчатскія коллекціи д-ра Слюняна.—5, 8, 10, 14, 16. Еврейскій вопросъ и евреи въ Сибири.—12. Новый взглядъ на вопросъ о древнемъ населеніи Сибири.—13. О празднованіи масляницы въ старое время. 20, 21, 23, 26, 28, 30, 32, 48, 50, 60, 61, 70, 73, 74. *Х. Ныдро*. Останція сказки или вечера надъ Обью.—22. Арабъ и змѣя (вост. сказаніе).—26. *А. А. Дмитріевъ*. Соляная торговля на Уралѣ и въ Сибири въ XVIII в.—27. Весна въ народныхъ поговоркахъ и играхъ.—Объ еврейскихъ именахъ—27—29. *И. И. Сухановъ*. Сельская община въ долинѣ Ангары.—35—38, 42—51, 57, 62—68, 71, 76. *Н. А. Абрамовъ*. Описаніе Березовскаго края.—38. Майскія народныя повѣрья, праздники и гулянья.—43. *И. Сухановъ*. Посидѣнки и о Ангарѣ.—48. О службѣ инородцевъ Забайкальской обл. и о пожалованныхъ имъ званіяхъ.—49. *И. Сухановъ*. Замѣтка о вечерахъ на Ангарѣ.—54, 55. *А. И. Якобій*. Страна рѣки Ваха (осургутскихъ остоякахъ).

Якутскія Еп. Вѣд. 1, 2. Путевыя замѣтки среди якутовъ.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Б—вичъ, Д. И. Сказки и преданія народовъ Кавказа. Обработаны по различнымъ источникамъ. Изд. кн. изд. Д. Дмитриева и Б°. Москва 1895. 8°, 52 стр., ц. 50 к.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, М. А. Матеріалы для южнославянской діалектологіи и этнографіи. I. Резьбинскіе тексты. Съ приложеніями *Элли фонъ Шульцъ-Адаевской* (съ нотами). Изд. И. Ак. Наукъ. СПб. 1895. 8°, стр. XX+XLVII+708. Ц. 6 р.

Любавскій, М. К. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстныхъ управленіи въ литовско-русскомъ государствѣ (изъ «Ж. М. Н. Пр.», авг. 94 г.). СПб. 1894. 8°. 49 стр. 100 экз.

Ляцкій, Евг. Связитель Ив. Троф. Рябининъ и его быліяны. Этногр. очеркъ съ прилож. портрета и 5 напѣвовъ (4 запис. А. С. Аренинскимъ, 1 Н. А. Яичукомъ). Москва. 1895. 8°, 47 стр., ц. 40 к. (Огнискъ изъ XXIII кн. «Этн. Обзор.»).

Матеріалы для исторіи села Будымнора, Соликамск. у., Перм. губ. Пермь. 1894, 8°, 29 стр. 300 экз.

Матеріалы для статистики Красноуфинскаго уѣзда, Пермской губ. Казань. 1894. 4°. 161 + 258 стр. 400 экз.

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранн. Эксп. Имп. Моск. Арх. Общ., снаряж. ва Высоч. дарован. средства. Вып. IV. М. 1894. 4°, 2 + 197 стр. и LXI табл. 610 экз.

Межовъ, В. И. Библиографія Азіи. Указатель книгъ и статей объ Азіи на русскомъ языкѣ и одиѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ, касающихся отношенія Россіи къ азіатскимъ государствамъ. Томъ III. Инородцы финскаго, татарскаго и монгольскаго происхожденія, обитающіе въ Россіи. Кавказскіе инородцы. СПб. 1894 8°. VII + съ 49 по 257 стр. 750 экз.

Мельниковъ, Александръ. Пословицы и поговорки въ стихахъ. Кіевъ 1894. 32°, 222 стр. 5.050 экз.

Михайловъ, А. Къ вопросу объ учительномъ Евангеліи Константина, епископа болгарскаго (Изд. «Труд. Слав. Ком. при И. М. Арх. Об.»). М. 1894. 4°. 58 стр. 75 экз.

Окраина (Финляндская) Россіи. Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ называемаго финляндскаго вопроса. Вып. 2-й. Издавъ Сергѣй Петровскій. М. 1894. 8°. XXXII+606 стр. 1200 экз. Ц. 3 руб.

Ольденбургъ, С. Буддійскія легенды. Ч. 1-я. Спб. 1894. 8°. 12 + 140 стр. 210 экз.

Описаніе (Поверстное) рѣкъ: Волги, Камы, Шексны, Суры, Оки, Бѣлой и Вятки. Н.-Новгородъ. 1894. 8°, 24 стр. 3000 экз. (изъ «Нижегор. Бирж. Листка» за 1876, 80 и 85 гг.).

Очеркъ (Краткій) путешествій Архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта въ 1894 году на Мурманъ, Новую Землю и въ Печорскій край. Архангельскъ. 1894. 8°. 31 стр. 100 экз.

Очеркъ путешествія Арханг. губернатора А. П. Энгельгардтъ въ Кемскій и Кольскій уѣзды въ 1895 г. (Корелія. Поморье. Лопландія. Мурманъ). Архангельскъ. 1895. 8°, 128 стр. (Изъ Арх. Губ. Вѣд.).

Покровскій, Н. Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства. Спб. 8°. 350 стр. 400 экз.

Починъ. Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1895 г. М. 1895. 8°. 464 + 28 стр. Ц. 2 р. (Въ числѣ другихъ статей помѣщены: *Θ. И. Буслаева*—Язычество и христіанство; Плачъ холоповъ прошлаго вѣка, съ предвѣд. *Н. С. Тихомирова*; Иліада, III пѣсня, нов. переводъ *Н. М. Минскаго*; *В. Θ. Миллера*.—Бъ былинахъ о Чурилѣ Пленковичѣ; *Ф. Д. Нефедова*—Ушгуль, башкирская легенда).

Путешествіе въ Палестину. Изъ дневника *Петра А-истова*. Спб. 1894. 8°.

Радловъ, В., Сибирскія древности. Матеріалы по археологій Россіи. (Изд. Инст. Археол. Комисс. № 15). Томъ I, вып. 3-й. Съ 8-ю табл. рис. и 30 волютипаж. Спб. 1894. 4°. Стр. съ 81 по 132 + съ 53 по 146 + XIX. 600 экз. Ц. 2 руб.

Родосскій, А. Описаніе 432 рукописей, принадлежащихъ Спб. духовной академіи и составляющихъ ея первое по времени собраніе. 8°. 427 стр. 600 экз.

Сборникъ (Алтайскій). Изданіе Общества Любителей изслѣдованія Алтая. Вып. I. Томскъ. 1894. 8°. 330 + 52 стр. Ц. 2 р. (съ фототип. портр. перваго почетн. предсѣдателя Общества покойнаго Н. И. Журнина, начальника Алтайскаго округа).

Сборникъ восточныхъ повѣстей, рассказовъ, легендъ и сказаній (литерат. обработка). Спб. 1895. 8°. 205 стр.

Сборникъ свѣдѣній по Ярославской сельско-хозяйств. и промышленной выставкѣ 1893 г. Изд. Яросл. Общ. Сельск.-хоз. Ярославль. 1894. 8°. 424 стр. (съ 3 фототвп.). Ц. 1 р. 50 в.

Свѣдѣніе о Сибирѣ. II прибавленіе къ «Календарю Сельск. Вѣсти.» 1894 г. (Сельское хоз. въ Амур. о'л., съ картой. Свѣд. о Приморской обл. Амурская обл. и пр.). Спб. 1894. 8°. 40 стр.

Сидоровъ, Вас. Америка, путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Спб. 1895. 8°. 2 + 423 стр. 500 экз. Ц. 1 р. 25 в.

Синдѣвъ А. Краткій историческій очеркъ города Старога Оскола. Сост. по мѣст. матеріаламъ (Съ прилож. описанія празднованія 300-лѣтняго юбилея). Курскъ. 1894. 8°. 127 стр. 500 экз. Ц. 1 р. 50 в.

Смоленскій, А. В. Чувашскія примѣты о погодѣ и ея вліяніи на хозяйство. Казань. 1894. 8°. 81 стр. 85 экз.

Стороменно, А. В. Малозвѣстныя сочиненія кievскаго бискупа (1589—1598) *Иосифа Верещинскаго*. I. Способъ заселенія Новаго Кіева, 1595 г.; II. Вѣрная дорога въ заселенію пустынь въ русскихъ областяхъ Польскаго Королевства, 1590 г. Переводъ съ 2 предисловіями и примѣчаніями. Кіевъ. 1895. 8°. 96 стр.

Стѣцкинскій, Е. свящ. Городъ Каменецъ-Подольскій. Историч. описаніе. Съ фототипіями, гравюр. и цинкогр. Издано на средства Каменецкаго городского управленія въ память 100-лѣтія воссоединенія Подолія съ Россією (1893). Кіевъ. 1895. 8°. VIII+247 стр.

Титовъ, А. А. Тверскія Ввархіальныя Вѣдомости. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Вѣдомостей за первыя семнадцать лѣтъ ихъ существованія: 1877—1893. Москва. 8°. 100 стр. 1200 экз.

Томмаковъ, И. Историко-статистич. и археологич. описаніе села Произвно-Городище., Алатырскаго у., Симбирской губ. М. 1895. 8°. 56 стр.

Томсенъ, В. Дешифровка орхонскихъ и енисейскихъ надписей (Отд. отд. изд. «Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ.»). Спб. 1894. 8°. стр. съ 323 по 337. 60 экз.

Троицкій, В. П. Черемисско-русскій словарь (приложеніе къ XI и XII т. «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этногр.» (1893 и 1894 гг.). Казань. 1894. 8°. 87 стр. петита.

Указатель (систематическій) статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ (апрѣль—іюнь). № 2. Спб. 1894. 8°. 36 стр. 700 экз. (Тип. П. Шмидта).

Усышкинъ, М. М. По Палестинѣ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Спб. 1894. 8°. 67 стр. 1000 экз.

Черепнинъ, А. И. Борковскій островъ и его древности (изд. «Арх. Изв. и Зам.») М. 1894. 8°. 18 стр. 50 экз.

Шахрай, А. М. Наша старина. XII. Еврейскія секты. Одесса. 1894. 8°. 48 стр. 1000 экз. Ц. 15 коп.

Штейнбергъ, О. Н. Словари древне-еврейскаго и русскаго языковъ. Томъ II. Полный русско-еврейско-нѣмецкій словарь, составл. по лучш. источникамъ. Изд. 7-е, испр. Вильна. 1894. 8°. VII+1288 стр. 400 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Ядринцевъ, Ник. Мих. Біографич. очеркъ, составленный Б. Гленскинъ, съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминавій Г. Потанина. Изд. Д. И. Тихомирова. М. 1895. 8°. 62 стр. Ц. 50 к. (Съ портретомъ).

Antoszka. O czechach, ich kraju i zyciu. Z rysunkami. Warszawa (W. Obuchowski). 1895. 8°, br. 34 стр.

Bachhaus, Wilh. Eman. Das Wesen des Humors. Eine Untersuchung. Mit dem Bildnisse des Verfassers. (Историч. замѣчанія; юморъ въ искусствѣ, въ языкѣ и пр.). Leipz. 1894. 8°. 208 стр.

Billington, Mary Frances, *Women in India. With introduction, by the Marchioness of Dufferin and Ava illustrated.* (Chapman and Hall). (Свѣдѣнія объ англоиндійскомъ обществѣ и женщинахъ въ Индіи).

Drage, Geoffroy, *The Karakorum Himalayas.* London. 1894.

Foa, Edouard. *Le Dahomey.* Paris. A. Hennuyer («Bibliothèque de l'explorateur»). 1895 (Исторія, геогр., обычаи, обряды, промышленность, торговля).

Gundry, B. S. *China past and present.* (Chapman and Hall).

W. Helbig. *L'épopée homérique expliquée par les monuments.* Traduction française de M. Fr Trawinski avec une introduction par M. Maxime Collignon. Paris. Firmin-Didot., 1895. (Рецenz. см. въ *Revue Archéologique*. 1895, janv.—fevr., p. 142).

Luckock. *The history of marriage jewish and christian.* London. 1894.

Nansen, Fridtjof, *Eskimo Life.* London and New-York. (Ежедневная жизнь, искусство, поэзія, музыка, религиозныя идеалы, вліяніе европ. цивилизаціи. Иллюстраціи и карта Гренландіи).

Piggot, F. T. (Лондонъ, éd. Batsford) издалъ свою книгу о музыкѣ и музыкальн. инструментахъ у японцевъ, съ примѣчаніями Т. L. Southgate (подлиннаго заглавія пока не знаемъ).

Ribbeck, Otto. *Geschichte der Römischen Dichtung. I Dichtung der Republik.* 2-te durchgesehene und vermehrte Aufl. Stuttgart. 1894. 8° 358 стр. (Въ общемъ введеніи, «Anfängö, разъясняются виды творчества въ связи съ обычаями).

Williams, Alfred M., *Studies in Folk-Sang and Popular Poetry* („Амер. писатель издался широкою цѣлью изслѣдовать народную литературу и поэзію обоихъ континентовъ. Результаты своихъ изслѣдованій онъ излагаетъ въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, выходящихъ серіями. Въ вышедшихъ уже выпускахъ включается изслѣдованіе американскихъ морскихъ и народныхъ пѣсней времени гражданской войны. Изъ европ. нар. поэзіи авторъ пока напечаталъ только изслѣдованіе румынской народн. поэзіи, а также португальскихъ, шотландскихъ и британскихъ народн. пѣсней“).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Въ годичному засѣданіи И. Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этнографіи (15 окт.) Секретаремъ Этнографическаго Отдѣла представленъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Отдѣла въ 1894—95 г. Этнографическій Отдѣлъ въ истекшемъ отчетномъ году имѣлъ 9 засѣданій (въ томъ числѣ одно совмѣстно съ Антропологич. Отдѣломъ), частью закрытыхъ, частью публичныхъ, посвященныхъ выслушанію и обсужденію научныхъ рефератовъ по разнымъ вопросамъ, касающимся главнымъ образомъ этнографіи Россіи.

Всего было сдѣлано въ означенныхъ засѣданіяхъ 13 сообщеній:

- 1) *Всев. Фед. Миллера*—Къ вопросу о русскихъ былинахъ (Вѣдніе приемы былиннаго творчества: зачины, впитеты, ретардація и пр.).
- 2) *Ею-же*—Новыя данныя по этнографіи Кавказа (на основаніи 18-20 тт. „Сборника матеріаловъ“, являемыхъ Кавк. учебн. Округомъ).
- 3) *Викт. Мих. Михайловскаго*—Внушеніе и гипнотизмъ у макокультурныхъ народовъ.
- 4) *Петра Мих. Богачевскаго*—Новыя данныя о жертвоприношеніяхъ у вотяковъ (по поводу судебного дѣла о Малмыжскихъ вотякахъ).
- 5) *Георг. Ив. Гзелиева*—Очеркъ быта рачинцевъ (Кутаисс. г.)
- 6) *Петра Ерусалова*—Родственный союзъ по понятіямъ черемисъ. (Доложилъ секретарь Н. Янчукъ).
- 7) *Алексан. Ив. Куртичичкова*—Западная легенда въ русскомъ пересказѣ 16-го вѣка (о Лоретской иконѣ В. М.).
- 8) *Алавант. Евфим. Крымскаго*—О тюркменахъ-самырахъ (по рукописи д-ра М. Д. Енчевича).
- 9) *Мих. Нестор. Сперанскаго*—О людоедствѣ въ средней Европѣ въ доисторическое время (по статьѣ Матейки).
- 10) *Ник. Ник. Харузина*—Къ исторіи развитія типовъ жилища у нѣкоторыхъ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ.
- 11) *Александра Ив. Яцимирскаго*—Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ.
- 12) *Ею-же*—Виноградъ и вино въ быту и живой рѣчѣ бессарабскихъ молдаванъ.
- и 13) *Ник. Андр. Янчука*—Мамаево побоище въ южно-славянской народной повѣи.

Въ закрытыхъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся внутреннего распорядка жизни Отдѣла, а также сношеній его съ различными лицами и учрежденіями. Такъ Отдѣлъ вошелъ въ сношеніе съ г. Якутскимъ губернаторомъ по поводу экспедиціи, снаряженной на средства г. Сибирькова для изученія Якутскаго края, и съ г. Шимкевичемъ по поводу его экспедиціи въ Восточной Сибири. Кроме того, Отдѣлъ принялъ участіе въ выставкѣ печатнаго дѣла по предложенію выставочнаго комитета. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Отдѣла обсуждался между прочимъ вопросъ о присужденіи этнографической преміи имени Е. И. Выс. В. К. Сергѣя Александровича, первая выдача ко-

торой послѣ международных конгрессовъ 1892 г. предстояла въ этомъ году по отдѣлу этнографіи. Представленный на премию трудъ члена Общества Митроф. Вилт. Довнаръ-Запольскаго: „Вѣлорусское Полѣсье. Ч. I: Пѣсни пинчуковъ“ (изч. въ Киевскихъ „Университ. Извѣстіяхъ“ 1895 г.) признанъ Отдѣломъ, согласно отзыву специальной Комиссіи отъ Отдѣла, заслуживающимъ означенной преміи.

Изъ новыхъ начинаній, возникавшихъ въ Отдѣлѣ, отмѣтитъ мысль объ устройствѣ общедоступныхъ публичныхъ чтеній по этнографіи Россіи. Хотя эта мысль и не была приведена въ исполненіе, но планъ былъ составленъ и отчасти разработанъ, и осуществленіе его въ будущемъ было бы весьма желательнымъ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Научныя экскурсіи въ теченіе прошлаго лѣта совершены слѣдующими членами: Г. И. Буяковскимъ—въ Заонезье, А. С. Хахановымъ—въ Тіелисскую губ., А. И. Яцимирскимъ—въ Бессарабію и Румынію, Н. Н. Харуянымъ—въ Сибирь, В. К. Поржевинскимъ—въ Ковенскую губ., М. Н. Сперанскимъ—въ Букрешскую губ. и А. Е. Крымскимъ—въ Киевскую губ.

Результаты повѣздокъ послужатъ матеріаломъ для рефератовъ въ свѣдѣніяхъ Отдѣла наступающаго года. Краткія же свѣдѣнія о результатахъ повѣздокъ сообщаются здѣсь:

Герм. Илар. Буяковскій въ теченіе іюля текущаго года посѣдилъ Заонезье (архипелагъ острововъ, мысовъ и косъ въ сѣверной части Онежскаго оз.), главнымъ образомъ волости Толвуйскую, Шунгскую и Кузаранду. Занимался преимущественно географическими изслѣдованіями этой мѣстности, гдѣ Г. И. Буяковскій не разъ уже проводилъ лѣто, собирая этнографическіе и географическіе матеріалы (какъ по порученію Общества Люб. Ест., такъ и Русскаго Географическаго Общества), овъ могъ лишь дополнить свое собраніе новыми подробностями. Матеріалъ, собранный такимъ образомъ, послужитъ для составленія спеціальной статьи о Заонезьи и заонезянахъ.

Александръ Солом. Хахановъ лѣтомъ текущаго года съ этнографическою цѣлью путешествовалъ въ предѣлахъ Тіелисской губ. На станціи Микеты по Военно-грузинской дорогѣ записалъ нѣсколько пѣсенъ, характеризующихъ вѣрованія грузинъ-горцевъ. Двѣ историческія легенды записаны въ сел. Касій Горійскаго уѣзда и собраны свѣдѣнія о родовомъ бытѣ итгуловъ въ Душетевомъ уѣздѣ. Въ Салицвалдѣ и въ Мангласѣ Тіелис. уѣзда записаны пѣсни и легенды. Главное же вниманіе было обращено на изученіе духоборовъ, среди которыхъ, помимо духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ, записаны свѣдѣнія объ устройствѣ семейной и общинной ихъ жизни, прослѣжена исторія ихъ переселенія въ Закавказье и судьба ихъ расселенія по деревнямъ Тіелисской губ. въ іюль этого года.

Александръ Ис. Яцимирскій совершилъ повѣздки въ Румынію и Бессарабію. Цѣлью повѣздки въ Румынію было обобраніе славянскихъ книгохранилищъ въ мѣстныхъ старинныхъ монастыряхъ. Въ семинарской бібліотекѣ въ Букрештѣ и у частныхъ владѣльцевъ ему удалось сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ старыхъ слав. рукописей, и нѣсколько рукописей приобрѣтено въ собственность. Наблюденія, сдѣланныя въ Бессарабіи, касались во-первыхъ обычая въ вторыхъ языка, въ-вторыхъ народнаго творчества. Изъ обычая обращено особенное вниманіе на обычай погребальныя и связанныя съ этимъ понятія о смерти, о загробномъ мірѣ и пр., причемъ записано нѣсколько легендъ апокрифическаго характера. Что касается мѣстныхъ говоровъ, то наиболѣе чистымъ молдаванскимъ говоромъ оказывается говоръ средней части Бессарабіи, такъ называемые „Кадры“ (лѣса), т. е. уѣзды Оргвевскій и Кишиневскій, а также побережья Прута; окраины же подвержены сильному вліянію языка малороссійскаго. Записи живого языка даютъ возможность пока отмѣтить три говора, смотря по употребленію буквы *ѣ* (въ южн. Бессарабіи, Ивмаил. у.), или замѣняющихъ ее *ш* (средняя Бессар.) или *х* (сѣв. Бессар.); напр. „рова“: *трандафѣра*—*трандашѣра*—*трандахѣра* и т. в.—Изъ словесныхъ матеріаловъ, кромѣ легендъ, записано около 30 заговоровъ, нѣсколько

пѣсенъ съ напѣвами, отрывки обыденныхъ разговоровъ, рецепты для лѣченія болѣзней и пр. Помимо молдаванъ, г. Яцимирскій знакомился и съ бесар. цыганами, записывалъ ихъ слова, пѣсенъ съ напѣвами, рассказы и анекдоты про цыганъ; наконецъ, имъ сдѣлано нѣсколько фотографическихъ снимковъ иль быта бродячихъ цыганъ, а также два снимка похоронной процессіи.

Никола. Ник. Харузинъ совершалъ поѣздку въ Западную Сибирь. Имѣя въ распоряженіи слишкомъ мало времени (ок. 7 недѣль), г. Харузинъ могъ придать поѣздкѣ преимущественно развѣдочный характеръ и познакомиться болѣе основательно только съ Томскимъ и Кузнецкимъ округами Томской губ. Преимущественно вниманіе было обращено на изученіе внѣшняго быта русскаго населенія въ зап. части Тобольской губ. и въ означенныхъ округахъ губ. Томской, равно и на бытъ оставокъ около Сургута. Намѣчены интересныя въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніи пункты, для изслѣдованія которыхъ оны намѣревается совершить болѣе продолжительную поѣздку въ будущемъ году.

Викт. Карл. Порожезинскій въ іюлѣ и августѣ текущаго года посѣтилъ Маріямпольскій уѣздъ Сувалкской губ. и восточно-литовскую часть Шавельскаго уѣзда Ковенской губ. Путемъ опроса воспитанниковъ учительской семинаріи въ м. Вейверы Маріямпольскаго уѣзда, среди которыхъ оны нашелъ представителей почти всѣхъ гминъ литовской части Сувалкской губ., ему удалось опредѣлять границу между средне-Литовскими и восточно-Литовскими говорами названной губервіи. Полученныя, такимъ образомъ, данныя были провѣрены имъ частью непосредственно на мѣстѣ, а частью путемъ опроса свидѣющихъ лицъ. Кроме того имъ собраны свидѣнія по фонетикѣ, отчасти по морфологии Варшавскаго говора (м. Бирштаны на правомъ берегу р. Нѣмана въ предѣлахъ Трокск. у. Виленской губервіи). Въ Шавельскомъ уѣздѣ оны занимался провѣркой и дополненіемъ собраннаго въ прошломъ году матеріала, при чемъ посѣтилъ мѣстности въ восточно-литовской части уѣзда, съ говорами которыхъ ему въ прошломъ году не пришлось познакомиться. На говорѣ мѣст. Ионишки имъ записано 20 дайнъ, 5 сказокъ, на говорѣ деревни Малмылены 3 сказки, на говорѣ мѣст. Вейверы 30 дайнъ.

Мих. Нест. Сперанскій, явивъ въ теченіе лѣта въ Рыльскомъ уѣздѣ Курской губ., предпринялъ небольшое этнографическое изслѣдованіе въ этой мѣстности. Главнымъ предметомъ занятія были жилища крестьянъ этой мѣстности. Съ этой цѣлью выбрано было нѣсколько типовъ крестьянскихъ усадебъ въ дер. Переступлиной, сняты фотографіи внѣшняго вида построекъ съ улицъ и со двора, причемъ всѣ постройки различались по степени зажиточности владѣльцевъ; поэтому были изучены усадьбы наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, вслѣдствіе эти усадьбы не отклонялись отъ общаго типа, усадьбы средней зажиточности, составляющія большинство, усадьбы бѣдныхъ крестьянъ, затѣмъ большіе дворянскія усадьбы и наконецъ бывшихъ дворовыхъ, близко подходящія, все-же отличающіяся отъ большіе дворянскія. Всѣ части усадьбы (домъ, надворныя постройки, сады, огороды) обмѣрены и занесены на планъ, измѣрены и занесены на планъ и самыя избы съ ихъ внутреннимъ расположеніемъ. Также собранъ матеріалъ (въ фотографіяхъ) касательно общаго расположенія строеній и усадебъ въ деревняхъ. Наконецъ зарисованъ въ общихъ чертахъ небогатый орнаментъ, строеній и усадебъ въ деревняхъ, украшающій окна и ворота дворовъ. Для сравнительнаго изученія сдѣлана была поѣздка въ южную часть уѣзда, собранъ матеріалъ въ селѣ Поновкѣ и сравненъ въ нѣкоторыхъ частяхъ съ постройками въ самомъ городѣ Рыльскѣ.

Что касается другихъ сторонъ жизни этой мѣстности, то здѣсь г. Сперанскимъ начато собираніе сказокъ, пѣсенъ, повѣрій, причемъ руководствомъ служила программа Этв. Отдѣла по вѣрованіямъ и праву. Большая часть собраннаго матеріала выражается въ дѣломъ рядѣ заговоровъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ заговоры пчеловодные; въ остальномъ матеріалѣ можно отмѣтить немногія пѣсни и сказки и рядъ космогоническихъ вѣрованій. Еще ограниченнѣе, въ виду трудности и новизны дѣла, результаты

по изученію мѣстнаго говора, великорусскаго, пограничнаго съ малорусскимъ.

Акад. Ефимъ Крымскій былъ командированъ Обществомъ въ Крымъ, но вслѣдствіе этнографическія въ теченіе лѣта производилъ только въ Киевской губерніи, т. е. близость не позволяла ему выѣхать оттуда дальше. Въ предѣлахъ Киевской губерніи собраны имъ значительные этнографическіе матеріалы, которые ему удалось добыть двумя путями: 1) путемъ *личныхъ* наблѣденій надъ народною жизнью, путемъ записыванія изъ устъ народа пѣсенъ, сказокъ, легендъ, анекдотовъ, повѣрій и т. п. и 2) путемъ собранія болѣе или менѣе старинныхъ *документовъ* этнографическаго содержанія. Между матеріалами, отиѣченными въ *первый* рубрикъ (т. е. личными записками), болѣе значенія имѣетъ коллекція пѣсенъ (около 500), создавшаяся въ новѣйшее время и иллюстрирующая крестьянскій малорусскій бытъ послѣ 1861-го года; въ отдѣлѣ прованческихъ произведеній народнаго словесности болѣе интересъ собранной цѣлѣй преданій о Шевченкѣ, который сталъ народнымъ героемъ. Въ рубрикѣ *второй* (т. е. документальной) можно отнести: 1) Рукописи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, содержанія преимущественно церковнаго и апокрифическаго. Важнѣйшая рукопись между ними—сборникъ духовныхъ кантовъ конца XVIII в., составленныхъ на малорусскомъ языкѣ (нѣчто вродѣ колядокъ); среди кантовъ вставлены рѣмованныя „орачіи“ и сатирическія пѣсни, дающія понятіе о дѣятевскихъ цюлахъ прошлаго вѣка и о бытѣ низшаго духовенства. 2) Коллекція т. н. „альбомовъ“ (для стиховъ) 20-хъ—60-хъ годовъ; въ нихъ есть множество малорусскихъ пѣсенъ въ болѣе цѣнныхъ вариантахъ чѣмъ тѣ, которые изданы до сихъ поръ. 3) Бумаги покойнаго подоляскаго этнографа Рудаскаго 1851—1859 г.: легенды космогоническія, ветхозавѣтныя и новозавѣтныя, народные анекдоты и фабліо (до 300 №№). 4) Этнографическій сборникъ Менчица (сотрудника бывшаго Юго-Зап. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.)—смѣшаннаго содержанія. 5) Колоссальная кипа подоляскихъ этногр. матеріаловъ, собранныхъ въ 60-хъ годахъ этнографомъ Дыминскимъ (корреспондентомъ того же Юго-Зап. Отдѣла). Изъ записей Дыминскаго болѣе важны сказки, легенды, фабліо (747 №№); все это, въ большинствѣ, матеріалъ совсѣмъ еще неизвѣстный; а варианты Дыминскаго къ изданнымъ уже запискамъ—все въ высшей степени цѣнны по свѣжести разсказа, полнотѣ, осмысленности. 6) Рядъ мелкихъ документовъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ и относящихся болѣе къ археологіи, чѣмъ къ этнографіи. Наиболѣе интересны между ними: „Описаніе урочищъ, гдѣ зарыты запорожцами и гайдамаками клады“, и офенціальное донесеніе какаго-то инженера (прошлаго вѣка) объ открытіи золотыхъ росыпей въ Звенигородскомъ уѣздѣ Киевской губерніи (теперь объ этихъ россыпяхъ никто ничего не знаетъ). 7) Нѣсколько старинныхъ книгъ, которыя бросаютъ собою свѣтъ на исторію распространенія т. н. „бродячихъ сказаній“.

Помимо матеріаловъ, добытыхъ повѣздками, архивъ Отдѣла постоянно обогащается поступающими отъ иногороднихъ членовъ и постороннихъ лицъ собраніями, статьями и матеріалами, и въ настоящее время возникаетъ вопросъ о мѣстѣ храненія этого цѣннаго архива, такъ какъ Отдѣлъ не имѣетъ никакаго спеціального помѣщенія, равнымъ образомъ не имѣетъ помѣщенія и для бібліотеки Отдѣла, составляющейся изъ книгъ и брошюръ, присылаемыхъ или въ обмѣнъ на спеціальныя наданія Отдѣла, или въ даръ ему, или для отзывовъ и рецензій. Помѣщеніе для бібліотеки и архива Этногр. Отдѣла составляетъ въ настоящее время его неотложную нужду, тѣмъ болѣе, что остальные Отдѣлы и Отдѣленія Общества пользуются тѣмъ или инымъ помѣщеніемъ въ зданіяхъ университета и другихъ учрежденій (напр. Историч. Музея).

Изъ изданій Отдѣла въ отчетномъ году продолжалось только одно „Этнографическое Обозрѣніе“. Оно выходитъ по прежнему 4-мя книжками въ годъ подъ ред. секретаря Отдѣла Н. А. Янчука, но вслѣдствіе скудости средствъ объемъ книжекъ въ этомъ году пришлось уменьшить до 12 листовъ, вмѣсто

прежнихъ 15-ти. На печатаніе протоколовъ засѣданій Отдѣла за послѣднія 8 лѣтъ все еще вѣтъ средствъ. Равнымъ образомъ остаются не напечатанными обширныя матеріалы и изслѣдованія, предназначенныя для „Трудовъ“ Отдѣла, изданіе которыхъ остановилось на XIII томѣ. Въ результатъ является то, что научныя этнографическія матеріалы, накопившіяся въ теченіе многихъ лѣтъ и не дождавшіяся своего изданія, уходятъ постепенно изъ Отдѣла. Такъ, богатый матеріалъ, по языку Олонецкаго края, собранный чл. Общ. Г. И. Куликовскимъ по порученію Отдѣла, пришлось уступить въ этомъ году Академіи наукъ, которая, можетъ быть, изыщетъ средства къ его опубликованію. Изъ накопившагося собранія русскихъ народныхъ пѣсней Отдѣломъ рѣшено также отправить часть въ Петербургъ въ распоряженіе собирателя П. В. Шейна, сборникъ котораго издается Академіей. Весьма цѣнный и полный матеріалъ по вѣрованіямъ витебскихъ бѣлоруссовъ, собранный Н. Я. Никифоровскимъ, награжденный отъ Общества медалью и пролежавшій въ архивѣ Отдѣла болѣе двухъ лѣтъ, по волѣ будетъ разбитъ авторомъ по частямъ и печататься въ мѣстной газетѣ, гдѣ останется незамѣченнымъ и мало доступнымъ для ученыхъ. Наконецъ, трудъ г. Довнаръ-Запольскаго, награжденный преміей, появился въ провинціальномъ изданіи, хотя уже былъ даже начатъ печатаніемъ въ томъ „Трудовъ“ Отдѣла, прекращенномъ по недостатку средствъ. Нечего и говорить, какъ печально сказывается это стѣсненное положеніе Отдѣла во многихъ другихъ отношеніяхъ. Цѣлый рядъ просьбъ о высылкѣ разнымъ лицамъ въ провинціи программъ для изслѣдовацій, фотографическихъ аппаратовъ и пр. должны оставаться неудовлетворенными. Два такія крупныя предпріятія послѣдняго времени, могущія дать богатый результатъ для этнографіи вообще и для Отдѣла въ частности, какъ выставки Чехо-славянскія въ Прагѣ и Всероссійская въ Нижнемъ-Новгородѣ, должны пройти для Отдѣла безслѣдно, потому что нѣтъ возможности командировать туда специальныхъ лицъ, а о приобрѣтеніи коллекцій и думать нечего.

Бюро Отдѣла въ истекшемъ году составляли: предсѣдатель — поч. чл. Вс. Ѡ. Миллеръ, тов. предс. поч. чл. В. М. Михайловскій, секретарь вѣспр. чл. Н. А. Янчукъ.

Въ члены-сотрудники избраны вновь Александръ Ив. Яцимирскій, Петръ Еруславовъ и священ. Никол. Никол. Несмѣловъ.

Г. Н. Потанинъ совершилъ на средства Императорскаго Русскаго Географическаго Общества небольшую поездку въ Кончатавскій округъ Акмолинской области; цѣль поѣздки — собраніе киргизскихъ сказокъ. Г. Потанинъ провелъ цѣлый мѣсяцъ въ аулѣ киргизскаго султана Чингаса Валиханова; ему удалось записать киргизскій вариантъ сказки о Идыге, сказку о Таласпаѣ, объ Адеуко-батырѣ и нѣкоторые другія, мнѣ интересныя.

Извѣстный знатокъ малорусской музыки Н. В. Лисенко, собиравшій народныхъ пѣсней и композиторъ, издавшій цѣлый рядъ сборниковъ пѣсней бытового и историческаго характера (см. „Эти. Обзор.“ XIX, 145), предпринимаетъ изданіе спеціальнаго выпуска, посвященнаго о б р я д н ы м ъ м а л о р . п ѣ с н я м ъ (веснянкамъ, петровочнымъ, купальскимъ, живнвнымъ, свадебнымъ, колядкамъ, щедривкамъ и др.). Почтенный собиравшій-издатель убѣдительно проситъ всѣхъ любителей и любительницъ музыкальнаго народнаго творчества сообщать ему имѣющіяся подъ руками подходящій матеріалъ (тежесты съ мотивами) по адресу: Кіевъ, Маринско-Благовѣщская, д. 89. Предпріятіе это заслуживаетъ полнаго сочувствія и содѣйствія особенно въ виду того, что народныя обрядовыя пѣсня, драгоценныя по своей глубокой древности, быстро выходятъ изъ употребленія вмѣстѣ съ исчезновеніемъ обрядовъ, съ которыми онѣ неразрывно связаны.

† Жегота Паули (1814—1895), одинъ изъ первѣйшихъ по времени польскихъ этнографовъ-собрателей, скончался 21 окт. в. ст. во Львовѣ. Онъ издалъ въ 30-хъ гг. два сборника собранныхъ имъ въ Галиціи народныхъ пѣсенъ: одинъ—малорусскій, другой—польскій, съ краткими описаніями обычаевъ, и вызвалъ подражателей въ этомъ дѣлѣ. О немъ см. у Пыпина (Исторія Рус. Этн. III, 132, 186—138, 425). Его портретъ съ краткой статьей о немъ въ варшавской „Wisła“ (1888, III, 653—662), некрологъ—въ львовскомъ журналѣ „Lud“, 1895, № 8, стр. 193—196.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

Намъ доставлена для напечатанія нижеслѣдующая программа, составленная Эрнестомъ Шавстромъ, по вопросу о необходимости пересмотра номенклатуры народовъ Азии. Вопросъ былъ поднятъ на послѣднемъ международномъ конгрессѣ въ Москвѣ, и для разработки его была учреждена особая коммиссія изъ специалистовъ. Коммиссія проситъ лицъ, заинтересованныхъ извѣстною народностью, отвѣтить въ краткихъ словахъ на слѣдующіе вопросы:

1) Этническое названіе народности согласно національной орфографіи и ея транскрипціи на французскій языкъ.

2) Какіе синонимны имѣетъ народность или подъ какимъ другимъ именемъ она извѣстна?

3) Откуда происходитъ она по своимъ преданіямъ?

4) Какія миграціи извѣстны для народности?

5) Каково ея географическое распространеніе?

6) Каково происхожденіе народности по ея сказкамъ, преданіямъ и исторіи?

7) Какія доисторическія и историческія древности приписываются народности?

8) Съ какими другими народностями представляетъ она наибольшіе сходства съ выше перечисленныхъ точекъ зрѣнія?

9) Какіе этнографическіе признаки народности: т.-е. лингвистическіе, религіозные, социологическіе, индустриальные, художественные и пр.?

10) Съ какими народностями она имѣетъ наиболѣе сходства съ вышеупомянутыхъ точекъ зрѣнія?

11) Какіе антропологическіе признаки народности: т.-е. цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ; форма носа, глазъ, лица; головной, носовой и лицевой показатели; высота роста, и т. д.?

12) Съ какими другими народностями представляетъ она сходство съ вышеупомянутыхъ точекъ зрѣнія?

13) Въ какую группу: вѣтъ, семейство, народъ или колено (gens, famille, nation et tribu) надо помѣстить народность?

14) Перечисленіе библиографическихъ указаній или другихъ документовъ, могущихъ помочь при окончательныхъ выводахъ, касающихся данной народности.

Отвѣты могутъ быть доставляемы въ редакцію „Этногр. Обзорнія“ для передачи въ международную коммиссію.